Министерство образования и науки Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО У Н И В Е Р С И Т Е Т А

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (174). Июнь, 2018

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена. Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Тел. (8142) 76-97-11 E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БОЛЬШАКОВ

доктор биологических наук, профессор, академик РАН, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ доктор философии, Хельсинкский университет

(Хельсинки, Финляндия)

доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

B. H. 3AXAPOB доктор филологических наук, профессор, Президент

международного общества Достоевского (Москва, Россия) доктор филологических наук, профессор,

Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Университет Дзёти (Токио, Япония)

доктор биологических наук, профессор, академик РАН,

Московский государственный университет леса (Москва, Россия) Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии, Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

и. и. муллонен

доктор филологических наук, профессор, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

доктор философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

В. И. ГОЛДИН

доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Ю. М. КИЛИН

доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

С. Г. КАЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

доктор исторических наук, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. А. РАЗУМОВА

доктор исторических наук, профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

м. Ф. РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

А. М. ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

доктор исторических наук, профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

доктор философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

М. И. ШУМИЛОВ

доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 5 (174). June, 2018

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor, The RAS Corresponding Member Vladimir S. Syunev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address 185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711 Petrozavodsk, Republic of Karelia E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Editorial Council

V. BARISHNIKOV

I. MULLONEN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia) Doctor of Philological Sciences, Professor, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

V. BOL'SHAKOV

Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural division of RAS (Ekaterinburg, Russia)

Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Linguistic Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

V. PLUNGIAN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

Doctor of Philological Sciences, Professor, The RAS Academician. Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland) I. DUDANOV Doctor of Medical Sciences, Professor, the RAS Corresponding Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden) E. SENYAVSKAY

Member, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)

V. ZAKHAROV

K. SKWARSKA

Doctor of Philological Sciences, Professor, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of Czech Republic (Prague, Czech Republic)

S. ZOLYAN

A. TITOV

Doctor of Philological Sciences, Professor, Armenian National Academy of Sciences (Erevan, Armenia)

Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Corresponding

Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

N. FATEEVA

Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)

Doctor of Philological Sciences,

A. ISAYEV

Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)

Member, Moscow State Forest University (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

T. LÖNNGREN Doctor of Philosophy and Philology, Artic University of Norway (Tromsø, Norway)

Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

V. GOLDIN

K. MYKLEBOST

Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia) PhD, Professor, UiT - The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

VII. KILIN

I. RAZUMOVA

Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

S. KASCHENKO

M. RUMYANTSEVA

Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Candidate of Historical Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

A. PASHKOV

Doctor of Historical Sciences, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

Candidate of Historical Sciences,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

YU. SHIKALOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

P. KROTOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia) Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ	Куренков Γ . A .
Герман К. Э. Археологические культуры раннего неолита на	Боевые действия и защита военной тайны во время Советско-финляндской и в начале Великой Отечественной войны
территории северо-восточной Фенноскандии (проблема происхождения)	Шорохова И. В.
всеобщая история	Участие артистов Карелии в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 году
Борисова Е. А.	Мартысевич А. П. Советско-финляндская война: природные особенности и их влияние на ход боевых действий в Северном Приладожье
Плотина «Возрождение» в Эфиопии: геополитический контекст и международное право12	
Харитонова А. М.	
Визиты официальных делегаций Королевства Камбоджа в СССР как элемент внешнеполитической стратегии Н. Сианука (1953–1970 годы) 17	Петрова М. И. Демография Кирьяжского погоста в период шведского завоевания в XVI–XVII веках
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ
Доник К. В.	Змеева О. В.
Дневник светлейшего князя А. С. Меншикова как исторический источник	Полевой сезон геолога и практики мобильности: к истории минералогических исследований Хибинских тундр91
	Минвалеев С. А.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ Пашков А. М.	Сватовство карелов-людиков: время, участники, атрибуты в свете картографирования
Историческая наука в Карелии на переломе эпох:	Рецензии
Николай Александрович Кораблев	Бочков Е. А.
Сазонов Д. И., Федотов А. А.	Рец. на кн.: Веригин С. Г. Противостояние. Борь-
Священнослужители Русской Православной Церкви в 1958–1988 годах: статус и деятельность 37	ба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944)
Солодкин Я. Г.	Филимончик С. Н.
Митрополит Тобольский Павел и сибирское летописание конца XVII века	Рец. на кн.: Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918 110
Зеленская Ю. Н.	Петрова М. И.
Эвакуационные перевозки – одно из направлений деятельности Кировской железной дороги	Рец. на кн.: Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии
на начальном этапе Великой Отечественной войны 51	Память Памяти Г. Т. Тюнь
Каменев Е. В., Егоров А. К.	
Мировоззренческие основы русского протеста	Научная информация
первой половины XIX века 56	Contents 118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство "Книга-Сервис"» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу http:// biblioclub.ru

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.: http://uchzap.petrsu.ru/req.php

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 29.06.2018. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. 10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод − 65 экз.). Изд. № 133

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета Адрес редакции, издателя и типографии: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33 № 5 (174). С. 7–11 Археология 2018

УДК 903.024(470.22/23) DOI: 10.15393/uchz.art.2018.161

КОНСТАНТИН ЭНРИКОВИЧ ГЕРМАН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории — обособленного подразделения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

germangermanik@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ (проблема происхождения)*

Ранний неолит на территории северо-восточной Фенноскандии представлен двумя археологическими культурными общностями: сперрингс (финская Ка 1:1) и сяряйсниеми І. Ареал памятников культуры сперрингс охватывает южную и центральную Карелию, Финляндию и Аландские острова. Небольшое количество поселений открыто в Вологодской, Ленинградской и Архангельской областях. Памятники с керамикой сяряйсниеми І известны в северной Карелии, северной Финляндии, северной Норвегии (район реки Пасвик и Варангер-фьорда) и на Кольском полуострове. В Карелии, Финляндии и Северной Норвегии получена серия сходных АМS-датировок, которые определяют начало раннего неолита в интервале 5300–5200 л. до н. э. О происхождении ранненеолитических культур северо-восточной Фенноскандии нет единого мнения. Одни исследователи считают, что культуры сперрингс и сяряйсниеми І возникли на основе местных мезолитических культур, другие связывают их появление с новыми группами населения. По мнению автора, наиболее близкой по форме сосудов, окраске их охрой, элементам орнамента и орнаментальным композициям является глиняная посуда второго этапа верхневолжской ранненеолитической культуры, которая могла влиять на появление глиняной посуды в бассейне Онежского озера, в том числе и через инфильтрацию отдельных групп населения.

Ключевые слова: северо-восточная Фенноскандия, археологическая культура, ранний неолит, сперрингс, сяряйсниеми I

При изучении археологической культуры каменного века наиболее сложным является вопрос о ее происхождении. Для культур раннего неолита на территории северо-восточной Фенноскандии главным маркером их начального этапа служит появление глиняной посуды в поселенческих комплексах, а также форм и техники обработки каменных орудий. В раннем неолите на территории северо-восточной Фенноскандии известны две археологические культурные общности: сперрингс (финская Ка 1:1) и сяряйсниеми І. Обе получили свои названия по наименованию населенных пунктов на территории Финляндии.

Ареал памятников культуры сперрингс охватывает южную и центральную Карелию, Финляндию и Аландские острова. Небольшое количество поселений известно в Вологодской, Ленинградской и Архангельской областях. Памятники с керамикой сяряйсниеми I известны в северной Карелии, северной Финляндии, северной Норвегии (район реки Пасвик и Варангерфьорда) и Кольском полуострове.

Изучение памятников с керамикой сперрингс на территории Карелии насчитывает уже более 70 лет [1], [2], [3], [4], [5], [17], [18], [19], [22], [23], [29]. За этот период времени были открыты более 120 памятников, изучены опорные комплексы на Онежском озере, озерах Сямозеро и Водлозеро,

разработана хронология и периодизация культуры сперринге.

В исследованиях раннего неолита Финляндии при установлении хронологии поселений привлекаются естественнонаучные палеогеографические и радиоуглеродный методы [14], [34]. Исключение представляют работы П. Халлыгрена по каменному веку Аландских островов, в основе которых лежит анализ керамики Ка 1:1 [30], [31].

Изучение культуры сяряйсниеми I в Финляндии и Норвегии началось в 90-х годах XX века [35], [36], [37], [38], [39]. Исследователями дана характеристика керамики и каменного инвентаря, определены ее хронологические рамки. На территории Карелии керамика сяряйсниеми I впервые была описана П. Э. Песонен [19], а автор статьи дал характеристику немногочисленной глиняной посуды [3].

В ходе исследований Н. Н. Гуриной в комплексах поселений каменного века Кольского полуострова выделена и описана керамика сяряйсниеми I [8], но в последнее время по проблеме ранненеолитической посуды вышла только одна статья [6].

В ареале памятников культуры сперрингс выделяются два основных центра:

 берега Онежского озера, озер Водлозеро и Сямозеро, рек Суна, Водла и Шуя; К. Э. Герман

– южная и восточная части финского побережья Балтийского моря, берега внутренних озер и водоемов Карельского перешейка.

В бассейне Ладожского озера в настоящее время известны единичные поселения с керамикой сперрингс, что может объясняться рядом причин:

недостаточная изученность в археологическом плане;

– сложные геологические процессы в образовании котловины Ладожского озера, в результате которых часть памятников раннего неолита на южном побережье оказалась размытой (стоянка Березье) или перекрытой озерными отложениями (стоянка Усть-Рыбежна 1), а на северном – удаленной на большое расстояние от современной

- «транзитный» характер Ладожского озера, при котором древнее население по пути р. Нева - Ладожское озеро - р. Свирь переправлялось

береговой линии, что затрудняет их поиски;

в Онежское озеро.

Памятники культуры сяряйсниеми I занимают обширную территорию, в которой выделяются три района:

1) территория Кольского полуострова (включая памятники района реки Пасвик и Варангер-

фьорда);

2) северо-восточное побережье финской части Ботнического залива и побережья внутренних озер (Инариярви, Оулуярви);

3) западное Прибеломорье.

В археологической литературе 70–90-х годов XX века преобладало мнение о возникновении культуры сперрингс на местной мезолитической основе [1: 76], [17: 43], [19: 84], [22: 50], [23: 30]. Однако в последних работах В. Ф. Филатовой [24: 120] и А. Ю. Тарасова [20: 119–120] было обосновано отсутствие преемственности каменного инвентаря культуры сперрингс финальномезолитическому. Сложным также является вопрос о путях появления первой глиняной посуды на территории Карелии и Финляндии. Большинство археологов указывают на сходство керамики сперрингс с посудой верхневолжской ранненеолитической культуры [1: 76], [17: 40], [19: 69], [34: 305].

О происхождении культуры сяряйсниеми I финляндские исследователи (см.: [33: 142–143], [37: 26], [38: 40]) высказывают мнение о ее автохтонности к местному мезолиту и центром, где она впервые появилась, называют район озера Оулуярви, откуда она распространилась на север до берегов Северного Ледовитого океана. М. Хуурре рассматривает процесс появления керамики сяряйсниеми I и ее быстрого распространения как начало этнической дифференциации, которая позднее привела к формированию саамского этноса [32: 61]. Согласно М. Торвинену, процесс этнического обособления населения Северной Финляндии мог начаться еще во время существования позднемезолитической культуры Суомусъярви [38: 35].

По мнению Н. Н. Гуриной [8: 132, 133] и В. Я. Шумкина [25: 35], керамика на территории Кольского полуострова является изобретением местного мезолитического населения, матери-

альная культура которого, как полагает Н. Н. Гурина, связана с территорией Северной Карелии или, по В. Я. Шумкину, Северной Фенноскандии.

Время появления ранненеолитической керамики на территории северо-восточной Фенноскандии определяется в настоящее время на основании AMS-датировок по нагару со стенок керамических сосудов, а также состава кальцинированных костей. С поселений культуры сперрингс Карелии и Финляндии получена серия AMS-датировок, которые определяют начало раннего неолита в интервале 5300–5200 л. до н. э. [15: 39–43], [16: 359–360], [21: 370, 371], [34: 300–302].

На территории северной Финляндии и северной Норвегии первая керамическая посуда появляется в интервале 5200—4800 л. до н. э. [36: 356], [38: 40], [39: 17]. На Кольском полуострове появление первой керамики датируется по углю из очагов и слоя поселений около 5000 л. до н. э. [8: 133], [26: 72], но отсутствие AMS-датировок по керамике затрудняет ее сравнение с керамическими материалами соседних территорий.

По мнению автора, сравнение каменного инвентаря финальномезолитических поселений и ранненеолитических памятников культуры сперрингс свидетельствует об их значительных различиях в формах орудий и способах обработки. Поэтому, возможно, речь идет о инфильтрации групп нового населения в бассейны Онежского и Ладожского озер с южных территорий.

В качестве аналогий можно обратиться к материалам верхневолжской культурной общности, с которой многие исследователи неолита связывают происхождение ранненеолитических культур северо-восточной Фенноскандии. Ближайшими хорошо изученными памятниками, орнаментация керамики которых находит аналоги в керамике сперрингс, являются поселения верхневолжской ранненеолитической культуры. Глиняная посуда верхневолжской культуры представлена тремя основными группами: плоскодонными и остродонными горшками с тычковонакольчатым орнаментом или без орнамента, остродонными сосудами с длиннозубчатой орнаментацией и плоскодонными сосудами с ложношнуровым, прочерченным и короткозубчатым орнаментом. На втором этапе развития верхневолжской культуры появляются остродонные с выпуклыми стенками сосуды средних размеров. Внешняя поверхность стенок иногда окрашена охрой. Примесью служил шамот, изредка встречается органика, толченая раковина, дресва. Основными элементами орнамента являются ложный шнур, прочерченные линии и гребенчатый штамп. Вся поверхность сосуда сплошь заполнялась узором. Характерны сложные орнаментальные композиции: взаимопроникающие ряды наклонных линий, выполненных отступающей палочкой, напоминающие «плетенку», однорядный и многорядный зигзаг, ромбическая решетка. Наблюдается членение орнамента горизонтальными зонами, в которых используются ряды короткозубчатого штампа, тычковых

вдавлений, цилиндрических ямок. Последние элементы орнамента обычно присутствуют и под венчиком в бордюрной зоне [12: 55], [13: 167, 169].

Общие черты с керамикой сперрингс имеет посуда второго этапа верхневолжской культуры. Это сходство в форме и окраске сосудов охрой, элементах орнамента и орнаментальных композициях. На поселениях с верхневолжской керамикой второго этапа, так же как и на памятниках с посудой сперрингс, в единичных экземплярах встречены неорнаментированные сосуды [12: 55]. Для керамики второго этапа характерны зональное и геометрическое построение орнаментальных композиций. Наклонные прочерченные и отступающие линии, ложношнуровые оттиски и отпечатки гребенчатого штампа образуют горизонтальные пояса, разделенные овальными наколами и короткими отпечатками гребенчатого штампа. Поверх основного орнамента нанесены редкие конические, чаще неправильные наколы. На основании радиоуглеродных определений второй этап верхневолжской культуры датируется периодом 6500-6000 л. н. и синхронизируется таким образом с ранним этапом культуры сперрингс [27], [28: 242].

Однако в орнаментации керамики сперрингс и верхневолжской много существенных различий: отсутствуют оттиски позвонка, слабо представлены отступающе-прочерченные линии, отличаются форма и размеры ложношнуровых и гребенчатых отпечатков [12: 55], [28: 240]. Построение орнаментальных композиций в керамике сперрингс также несколько другое, чем в верхневолжской посуде,

хотя встречаются и похожие узоры.

Таким образом, нет оснований рассматривать верхневолжскую культуру как непосредственно повлиявшую на возникновение керамики сперрингс. Но допустимо ее влияние на процесс возникновения глиняной посуды группы древнего населения, которое занимало в раннем неолите территории южнее и юго-восточнее Онежского озера, материальная культура которых представлена поселениями Тудозеро V и Кемское III, исследованными А. М. и М. В. Иванищевыми [9], [10]. На поселении Тудозеро V, расположенном на южном побережье Онежского озера под слоем с керамикой сперрингс, украшенной оттисками позвонка и отступающими линиями, была выделена более ранняя посуда, орнаментированная оттисками гребенчатого штампа. Гребенчатая керамика представлена округлодонными или с оттянутым конусовидным дном сосудами, иногда с выраженным шиповидным завершением. Треть сосудов окрашена охрой. Орнамент состоит из повторяющихся горизонтальных рядов вертикальных или наклонных оттисков плотно поставленного гребенчатого штампа. Характерно наличие пояска глубоких, иногда сквозных, проколов под венчиком [10: 292]. Нижний слой с гребенчатой керамикой по углю из очагов датируется 6600 ± 20 (ЛЕ-6700), верхний – 6075 ± 20 (ЛЕ-6699). AMS-дата по нагару с фрагмента керамики показала возраст 6660 ± 32 (ÅAR-17174) [11: 401].

Статистический анализ и стратиграфические наблюдения, проведенные исследователями, фиксируют изменения в форме и орнаментации сосудов от гребенчатой орнаментации к сперрингс, которые выявили появление позвонкового орнамента и увеличение числа сосудов полуяйцевидной формы с характерными прямо-срезанными скошенными внутрь утолщенными (с наплавом изнутри) венчиками. Для слоя с керамикой сперрингс по углю из очагов получены даты 6110 ± 100 $(\Gamma \text{ИH-7662}), 6230 \pm 120 (\Gamma \text{ИH-7663}), 6250 \pm 50$ (ГИН-8050) и AMS-дата по нагару с фрагмента керамики 6241 ± 30 (AAR-17173) [11: 401]

Типологический и петрографический анализ керамики с гребенчатой орнаментацией и сперрингс поселения Кемское III также показал сходство формовочных масс двух групп глиняной

посуды [9: 298, 299].

Таким образом, керамический материал поселений Тудозеро V и Кемское III маркирует начальный этап культуры сперрингс на территории Карелии и трансформацию гребенчатой орнаментации в позвонковую. Однако других памятников с гребенчатой керамикой на сегодняшний день нет, их место в раннем неолите Европейского Севера не определено.

По мнению автора, не вызывает сомнения юго-восточное происхождение культуры сперрингс, однако для подтверждения этого необходим анализ всех имеющихся материалов с территории юго-восточного Прионежья с привлечением естественнонаучных методов, который является следующим этапом исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В итенкова И. Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1996. С. 65–81.
2. Герман К. Э. Культура сперрингс на территории Карелии // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. С. 571–590.
3. Герман К. Э. Неолитическая керамика в Северной Карелии (Сяряйсниеми I) // Археология Севера. Петрозаводск, 1997. Вып. 1. С. 63–74.
4. Герман К. Э. Проблемы хронологии начального этапа раннего неолита Северо-Восточной Фенноскандии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2004. С. 56–59.
5. Герман К. Э. Хронодогия и периолизация культуры сперрингс // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002.

5. Герман К.Э. Хронология и периодизация культуры сперринге // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 264–273.

6. Городилов А. Ю., Шаях метова Л. Г. Неолитическая керамика Кольского полуострова // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб.: Изд-во ИИМК РАН/МАЭ РАН, 2009. С. 82–84. Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР // Материалы и исследования по археоло-

гии СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. № 87. 524 с.

8. Гурина Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. Археологические изыскания. СПб.: Центр Петербургское востоковедение, 1997. Вып. 32. 240 с.

^{*} Работа выполнена из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

- 9. И в а н и щ е в А. М., И в а н и щ е в а М. В. Поселение раннего неолита на Кемском озере // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 297–305.
- И ванищев А. М., Иванищева М. В. Тудозеро поселение позднего мезолита раннего неолита в Южном Прионежье // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 284–295.
   Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А. Радиоуглеродная хронология раннего неолита Нижней Сухоны и Юго-Восточного Прионежья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы
- VII—III тыс. до н. э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 397—409.

  12. Костылева Е. Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 53—57.
- Тверь, 1994. Вып. 1. С. 55–57.
  К р а й н о в Д. А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 166–173.
  Н о р д к в и с т К. Неолитическая керамика в Финлядии: терминология, хронология, распространение // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. Т. 1. Вып. 10. С. 249–265.
  Н о р д к в и с т К., М е к к а н е н Т. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМЅдатировки неолита-энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. Тверь, 2018. ТАС. 11. С. 39–68.
  Н о р д к в и с т К., М е к к а н е н Т. Периодизация и радиоуглеродная хронология раннего неолита начала средне-
- го неолита в Финляндии // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII-III тыс. до н. э. Смо-
- лесьма в финляндии // гадиоуглеродная хронология эпохи неолита восточной Европы VII—III тыс. до н. э. Смо-ленск: Свиток, 2016. С. 356–367.

  17. Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. II: Неолит. Л.: Наука, 1978. 164 с.

  18. Песонен П. Э. Поселения культуры сперринге // Поселения древней Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1988. С. 40–49.
- Песонен П. Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1991. С. 65–85.
   Тарасов А. Ю. Адаптация к локальной сырьевой базе, технологическое развитие каменных индустрий и социаль-
- Тарасов А. Ю. Адаптация к локальной сырьевой базе, технологическое развитие каменных индустрий и социальное развитие древних обществ: на примере культур Карелии периода неолита раннего железного века // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периода мезолита Средневековья. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2009. Вып. 4. С. 111–134.
   Тарасов А. Ю., Хорошун Т. А. Радиоуглеродная хронология периода неолита и энеолита на территории Карелии // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII—III тыс. до н. э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 368–387.
   Титов Ю. В. О культуре сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972. С. 34–51.
   Филатова В. Ф. К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и позднемезолитических // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972. С. 10–33.
   Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2004. 274 с.
   Шумкин В. Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада. СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. С. 34–59.
   Шумкин В. Я. Неолит Кольского полуострова // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 67–74.
   Энговатова А. В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов междунар. конф., посвящ. памяти Н. Н. Гуриной. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2000. С. 94.
   Энговатова А. В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 238–246.
   German K. Early Hunter-Gatherer Ceramics in Karelia // Сегатісѕ Веfore Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, Left Coast Press, 2009. Р. 255–280.
   На11 gren F. The introduction of ceramics technology around the Baltic sea in the 6th mil

- 30. Hallgren F. The introduction of ceramics technology around the Baltic sea in the 6th millennium // Coast to coast-landing. Uppsala, Wikstroms, 2004. P. 123–142.
- Oppsala, wikstonis, 2004. 1. 123–142.

  31. Hallgren F. "Tiny Islands in a Far Sea" On the Sea Hunters of Aland, Northwestern Limit in the Spread of Early Pottery // Ceramics Before Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, Left Coast Press, 2009. P. 375–394.

  32. Huurre M. Oulujokilaakson esihistoria // Oulujokilaakson historia. Oulu, 1991. S. 4–32.

  33. Huurre M. Pohjos-Pohjanmaan ja Lapin esihistoria // Pohjos-Pohjonmaan ja Lapin historia. Kuusamo, 1983. I. S. 2–143.

- Pesonen P., Leskinen S. Pottery of the Stone Age Hunter-Gatherers in Finland Ceramics Before Farming: the
- 34. Pes of ten P., Lesk filen S. Pottery of the Stone Age Hunter-Gatherers in Finland Ceramics Before Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, Left Coast Press, 2009. P. 299–318.
  35. Skandfer M. Early, Northern Comb Ware in Finnmark: the concept of Säräisniemi 1 reconsidered // Fennoscandia archaeologica. 2005. XXII. P. 3–27.
  36. Skandfer M. "All Change"? Exploring the Role of Technological Choice in the Early Northern Comb Ware of Finnmark, Arctic Norway // Ceramics Before Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, Left Coast Press, 2009. P. 347–374.
  37. Tenerical M. Signature and M. Signatu
- 37. Torvinen M. Sär I comb ware of the saraisniemi style // Славяне и финно-угры. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 21–31. 38. Torvinen M. Sär I keramiikkaa kayttanyt vaesto etnisia kysymyksia // Muinaistutkija. 1998. № 4. S. 38–45. 39. Torvinen M. Säräisniemi 1 Ware // Fennoscandia archaeologica. 2000. XVI. P. 3–36.

German K. E., Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF THE EARLY NEOLITHIC IN THE NORTH-EASTERN FENNOSCANDIA (the problem of origin)

The early Neolithic period on the territory of the north-eastern Fennoscandia is characterized by two archaeological and cultural alliances: sperrings (Finnish Ka 1:1) and säräisniemi I. The area of sperrings cultural monuments comprises the territory of southern and central Karelia, Finland and the Aland islands. A small number of settlements was discovered in Vologda, Leningrad and Arkhangelsk regions. Säräisniemi I ceramic monuments are known in northern Karelia, northern Finland, northern Norway (Pasvik river and Varanger fjord area) and Kola Peninsula. A similar series of AMS-dates, that define the beginning of the early neolithic in the interval of 5300–5200 BC., was obtained in Karelia, Finland and northern Norway. There is no consensus on the origin of the early neolithic cultures found on the territory of the north-eastern Fennoscandia. Some researchers believe that the sperrings culture and säräisniemi I emerged on the basis of local mesolithic cultures, while others associate them with the emergence of new groups of population. In the author's opinion, pottery of the second phase of the upper Volga early neolithic culture is the most similar in the form of vessels, in ochre painting of the vessels, in the set of ornamental elements and ornamental compositions. These clay artifacts could influence the appearance of pottery in the basin of the lake Onega. The appearance of pottery could also occur through the penetration (infiltration) of certain groups of people.

Key words: north-eastern Fennoscandia, archaeological culture, early peolithic sperrings, säräisniemi I.

Key words: north-eastern Fennoscandia, archaeological culture, early neolithic, sperrings, säräisniemi I

^{*} The study was carried out under the state order of the Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

REFERENCES

- Vitenkova I. F. The sperrings culture. Arkheologiya Karelii. Petrozavodsk, Izd-vo KarNTs RAN, 1996. P. 65–81. (In Russ.)
   German K. E. The sperrings culture in Karelia. Pervobytnye drevnosti Evrazii: k 60-letiyu Alekseya Nikolaevicha Sorokina. Moscow, Izd-vo IA RAN, 2012. P. 571–590. (In Russ.)
- German K. E. Neolithic pottery in Northern Karelia (Säräisniemi I). Arkheologiya Severa. Petrozavodsk, 1997. Issue 1. P. 63–74. (In Russ.)
- 4. German K. E. Problems of the chronology at the initial phase of the early neolithic in North-Eastern Fennoscandia. *Prob*lemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeystviy v neolite Evrazii. St. Petersburg, Izd-vo IIMK RAN, 2004. P. 56–59. (In Russ.)
- German K. E. Chronology and periodization of the sperrings culture. Tverskoy arkheologicheskiy sbornik. Tver, 2002. Issue 5. P. 264–273. (In Russ.)
   Gorodilov A. Ju., Shajahmetova L. G. Neolithic ceramics of the Kola Peninsula. Vzaimodeystvie i khronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoy Evropy. St. Petersburg, Izd-vo IIMK RAN/MAE RAN, 2009. P. 82–84. (In Russ.)
   Gurina N. N. Ancient history of the Northwestern European part of the USSR. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR,
- Gurina N. N. Alicient history of the Notal Policy of the Notal Policy of the State of the Ancient population of the Kola Peninsula. Arkheologicheskie izyskaniya. St. Petersburg, Tsentr Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1997. Issue 32. 240 p. (In Russ.)

  Ivanishhev A. M., Ivanishheva M. V. Early neolithic settlements on the lake of Kemskoe. Tverskoy arkheologicheskie izyskaniya.
- Ivanishhev A. M., Ivanishheva M. V. Early neolithic settlements on the lake of Kemskoe. Tverskoy arkheologicheskiy sbornik. Tver, 2000. Issue 4. P. 297–305. (In Russ.)
   Ivanishhev A. M., Ivanishheva M. V. Tudozero a settlement of the late mesolithic early neolithic in southern Prionezhye. Tverskoy arkheologicheskiy sbornik. Tver, 2000. Issue 4. P. 284–295. (In Russ.)
   Ivanishheva M. V., Kul'kova M. A., Ivanishheva E. A. Radiocarbon chronology of the early Neolithic field and the Southeastern Prionezhya. Padiocal graph and the propolaging and the Southeastern Prionezhya. Padiocal graph and the propolaging and the Southeastern Prionezhya. Padiocal graph and the propolaging and the Southeastern Prionezhya. Padiocal graph and the propolaging and the Southeastern Prionezhya. Padiocal graph and the propolaging and the Southeastern Prionezhya.
- of the Lower Sukhona and the Southeastern Prionezhye. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tys. do n. e.* Smolensk, Svitok Publ., 2016. P. 397–409. (In Russ.)

  12. Kost yleva E. L. Early Neolithic ceramics of the Upper Volga region. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik.* Tver, 1994.
- Issue 1. P. 53–57. (In Russ.)
- Krajnov D. A. The upper Volga culture. *Neolit Severnoy Evrazii*. Moscow, Nauka Publ., 1996. P. 166–173. (In Russ.)
   Nordkvist K. Neolithic ceramics in Finland: terminology, chronology, distribution. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik*. Tver, 2015. Vol. 1. Issue 10. P. 249–265. (In Russ.)
- Nord k vist K., Mekkanen T. New data on the archaeological chronology of the Northwestern Russia: AMS-Dating of Neolithic-Eneolithic of Karelia. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik*. Tver, 2018. TAS. 11. P. 39–68. (In Russ.) 15. Nordkvist K.,
- Nordkvist K., Mekkanen T. Periodization and radiocarbon chronology of the early Neolithic-early middle Neolithic in Finland. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tys. do n. e.* Smolensk, Svitok Publ., 2016. P. 356–367. (In Russ.)
- Pankrushev G. A. Mesolithic and neolithic of Karelia. Part II: Neolit. Leningrad, Nauka Publ., 1978.164 p. (In Russ.)
- Pesonen P. E. Settlements of the sperrings culture. Poseleniya drevney Karelii. Petrozavodsk, Izd-vo KarNTs RAN, 1988. P. 40–49. (In Russ.)
- Pesonen P. E. Chronology and periodization of the sperrings culture. Khronologiya i periodizatsiya arkheologicheskikh pamyatnikov Karelii. Petrozavodsk, Izd-vo KarNTs RAN, 1991. P. 65–85. (In Russ.)
   Tarasov A. Ju. Adaptation to local raw material base, technological development of stone industries and social develop-
- ment of ancient societies: the example of Karelian cultures of the neolithic-early iron age. *Adaptatsiya kul'tury naseleniya Karelii k osobennostyam mestnoy prirodnoy sredy perioda mezolita Srednevekov'ya*. Petrozavodsk, 2009. Issue 4. P. 111–134.
- (In Russ.)
  21. Tarasov A. Ju., Horoshun T. A. Radiocarbon chronology of neolithic and eneolithic period in Karelia. *Radiouglerod-naya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII-III tys. do n. e.* Smolensk, Svitok Publ., 2016. P. 368–387. (In Russ.)
  22. Titov Ju. V. About the sperrings culture. *Arkheologicheskie issledovaniya v Karelii*. Leningrad, Nauka Publ., 1972. P. 34– 51. (In Russ.) 23. Filatova V.
- F. To the question about the relationship of stone tools of the monuments with a pure complex of ceramics of
- the sperrings and postpositions. *Arkheologicheskie issledovaniya v Karelii*. Leningrad, Nauka Publ., 1972. P. 10–33. (In Russ.)

  24. Filatova V. F. The Mesolithic of the basin of lake Onega. Petrozavodsk, 2004. 274 p. (In Russ.)

  25. Shumkin V. Ja. Early stone age of the western part of the European Arctic (Mesolithic of Northern Scandinavia). *Drevnosti Severo-Zapada*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1993. P. 34–59. (In Russ.)
- 26. Shumkin V. Ja. The Neolithic of the Kola Peninsula. *Drevnosti Russkogo Severa*. Vologda, 1996. Issue 1. P. 67–74. (In Russ.) 27. Jengovatova A. V. Chronology of the Neolithic period of the Volga-Oka interfluve. *Khronologiya neolita Vostochnoy Evro*py: Tezisy dokladov mezhdunarodnov konferentsii, posvyashchennov pamyati N. N. Gurinov. St. Petersburg, 2000. P. 94. (In Russ.)
- 28. Je n g o v a t o v a A. V. Chronology of the Neolithic period of the Volga-Oka interfluve. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik*. Tver, 1998. Issue 3. P. 238–246. (In Russ.)
- 29. German K. Early Hunter-Gatherer Ceramics in Karelia. Ceramics Before Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, Left Coast Press, 2009. P. 255–280.

  30. Hallgren F. The introduction of ceramics technology around the Baltic sea in the 6th millennium. Coast to coast-landing.
- Uppsala, Wikstroms, 2004. P. 123–142.
  Hallgren F. "Tiny Islands in a Far Sea" On the Sea Hunters of Aland, Northwestern Limit in the Spread of Early Pottery. Ceramics Before Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, Left Coast Press, 2009. P. 375-394.
- 32. Huurre M. Oulujokilaakson esihistoria. Oulujokilaakson historia. Oulu, 1991. S. 4–32.
- 33. Huurre M. Pohjos-Pohjanmaan ja Lapin esihistoria. *Pohjos-Pohjonmaan ja Lapin historia*. Kuusamo, 1983. I. S. 2–143. 34. Pesonen P., Leskinen S. Pottery of the Stone Age Hunter-Gatherers in Finland Ceramics Before Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, Left Coast Press, 2009. P. 299–318.
- Skandfer M. Early, Northern Comb Ware in Finnmark: the concept of Säräisniemi 1 reconsidered. Fennoscandia archaeologica. 2005. XXII. P. 3–27.
- 36. Sk and fer M. "All Change"? Exploring the Role of Technological Choice in the Early Northern Comb Ware of Finnmark, Arctic Norway. Ceramics Before Farming: the Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek, Left Coast Press, 2009. P. 347–374.
- 37. Torvinen M. Sär 1 comb ware of the saraisniemi style. *Славяне и финно-угры*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 21–31.
- 38. Torvinen M. Sär 1 keramiikkaa kayttanyt vaesto etnisia kysymyksia. *Muinaistutkija*. 1998. № 4. S. 38–45.
- 39. Torvinen M. Säräisniemi 1 Ware. Fennoscandia archaeologica. 2000. XVI. P. 3–36.

№ 5 (174). С. 12–16 Всеобщая история 2018

УДК 327.5

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.162

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА БОРИСОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация) bekatmail@mail.ru

ПЛОТИНА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В ЭФИОПИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мировой опыт урегулирования водных вопросов в межгосударственных отношениях накопился достаточный, однако вряд ли найдется регион, в котором проблема водного распределения решена окончательно и бесповоротно. Соглашения плодятся, а конфликты затихают лишь на время, пока усиливающийся по разным причинам дефицит воды или других ресурсов, которые может восполнить вода (например, электричество), не обретает новую силу. Деление вод нильского бассейна является хорошей иллюстрацией к этому утверждению. Строительство Эфиопией плотины «Возрождение», вызванное дефицитом электроэнергии, нарушило устоявшиеся правила водопользования странами Нильского бассейна и создало конфликтную ситуацию в эфиопско-египетских отношениях. Разворачивающийся конфликт осложнил и египетско-суданские отношения. Развитие ситуации вокруг Судано-египетского соглашения 1959 года также показывает, что рано или поздно к решению водных проблем приходится подключать все страны бассейна, какими бы слабыми они ни казались. Эфиопская плотина, неся благо нескольким региональным государствам, тем не менее усиливает напряжение во всем регионе. Изменение статус-кво египетско-суданского соглашения уже приводит к дестабилизации международных отношений и, вероятно, станет причиной дальнейших конфликтов. В конечном итоге развитие негативных сценариев заложено в самом водном праве, так как в его основе лежат противоречащие друг другу концепции.

Ключевые слова: водное деление, Нил, Египет, Эфиопия, конфликт, гидроэнергетика

СОГЛАШЕНИЕ ПО ДЕЛЕНИЮ ВОД НИЛА

Водные ресурсы являются составной частью многих конфликтов. Особенно это касается аридных и семиаридных зон нашей планеты. Развитие сельского хозяйства, рост населения, наступление пустынь, ограниченное количество осадков и т. п. не способствуют тому, чтобы трансграничные реки стали объединяющим фактором.

Увеличение численности населения вызывает рост площадей, используемых под орошаемое земледелие, так как увеличивается потребность в продуктах питания. При этом ввод новых площадей в аридных зонах сопровождается выведением из оборота сравнимого объема вторично засоленных земель, появляющихся как по природным (геохимическая обогащенность территории солями, тяжелый механический состав почв и подстилающих пород, слабый естественный дренаж, высокая испаряемость), так и по антропогенным причинам (длительная ирригация территории с помощью самотечного и бороздкового орошения). Рост продовольственного спроса заставляет страны обводнять максимально возможное количество земель.

Увеличение спроса на воду увеличивает забор из трансграничных рек. Многочисленные конфликты на этой почве часто сопровождаются противоречиями и в иных сферах (например, территориальными спорами, религиозными противостояниями), но, к счастью, иногда заканчиваются подписанием соглашений, в которых находят свое место и вопросы вододеления.

В качестве примера пока еще действующего соглашения по воде можно назвать Судано-египетское соглашение 1959 года, в основу которого было положено англо-египетское соглашение 1929 года, признававшее приоритетное право Египта на воды Нила. В 1959 году Судан и Объединенная Арабская Республика (союз Египта и Сирии) подписали соглашение о комплексном использовании вод реки Нил, согласно которому Египет получал право ежегодного использования 24 млрд м³ нильской воды, а Судан – 4 млрд м³. Стороны также соглашались со строительством Египтом Асуанской плотины на р. Нил, а Суданом – Росейрской плотины на р. Голубой Нил. В результате возведения этих сооружений две страны получили дополнительные 32 млрд м³ воды. По последним ныне действующим поправкам к соглашению, цифры потребления воды распределились следующим образом: Египту – 55,5 млрд $м^3$, а Судану – 18,5 млрд $м^3$. Таким образом, Египет получает 66 % водного потенциала реки, а Судан – 22 % естественного стока. Считается, что оставшаяся вода теряется за счет испарения.

К сожалению, это соглашение не учитывает интересы других государств, полностью или частично располагающихся в бассейне Нила (Руанды, Кении, Танзании, Уганды, Эфиопии,

Эритреи, Бурунди, Демократической Республики Конго, а с 2011 года и Южного Судана), чьи потребности в нильской воде также растут. Их права официально никак не оформлены, и квоты на воду не выделены, хотя территории этих стран вносят значительный вклад в питание Нила, в отличие от Египта и Судана, которые являются лишь крупными водопользователями в нижнем течении реки. Из 84 млрд м³ воды на суданоегипетской границе 72 млрд м³ в год, или 85 % общего потенциала воды, приходит с Эфиопских нагорий и 12 млрд. м³ – с территорий других стран [1].

Власти Египта понимают, что развитие стран верхнего течения связано с увеличением потребления воды, и официально поддерживают идею многосторонних и двусторонних переговоров по разделу вод Нила, но при этом категорически отвергают возможность пересмотра соглашения 1959 года. Такая двойственность позиции объяснима. Подписание многостороннего договора создаст возможность перераспределения объемов потребляемой воды между всеми государствами Нильского бассейна. При этом Египет в списке стран Нильского бассейна до Арабской весны и последовавшей политической нестабильности являлся ведущим игроком, и на практике оказать хоть какое-то противодействие его интересам могли только Судан и Эфиопия. Но вряд ли возможностей этих стран до смены власти в Египте было достаточно, чтобы урезать египетскую квоту. Так что, если бы в то время было заключено многостороннее соглашение, в котором бы заново определялись квоты на воду, потеснить Египет не удалось бы никому. Существовала большая вероятность, что сократится лишь доля Судана. Поэтому Египет и не противился возможному участию остальных нильских стран в контроле водных ресурсов Нила. Но все это было до Арабской весны 2011 года. Когда политическая власть в Египте стала характеризоваться нестабильностью, у верхних стран Нильского бассейна появилась реальная возможность сократить египетскую квоту.

Надо отметить, что, несмотря на подписание договора 1959 года, даже между Суданом и Египтом произошло несколько стычек по поводу нильской воды. Так, поставив задачу избавить свое население от периодически случающихся наводнений, власти Судана решили в начале 90-х годов построить в районе суданской столицы плотины, установив таким образом контроль за уровнем воды в реке в северной части страны. Это вызвало возмущение Египта, пригрозившего соседу нанести авиаудар по столице, и Судан в итоге был вынужден отказаться от своих планов. А ранее сам Египет вызвал недовольство Судана, начав в 1979 году при поддержке США переговоры с Израилем о переброске нильских вод в пустыню Негев для орошения израильских

земель. Судан эту инициативу не поддержал. Позднее и Египет пересмотрел свое отношение к присутствию Израиля в нильских делах. Так. когда Израиль в 2011 году был приглашен Эфиопией участвовать в строительстве крупнейшей ГЭС на Ниле в 12 км от границы с Суданом, названной «Великой плотиной возрождения Эфиопии» (далее по тексту – плотина «Возрождение»), египетские власти выступили категорически против. ГЭС мощностью 6 ГВт планировалось построить к 2018 году. Именно плотина при этой гидроэлектростанции в последние годы является основным яблоком раздора и фактором напряженности в отношениях между принильскими странами. Начало реальных работ над плотиной «Возрождение» поставило Эфиопию и Египет на грань военного столкновения.

ВЕЛИКАЯ ПЛОТИНА И ПЕРЕСМОТР КВОТ

Строительство плотин в верхнем течении реки совершенно не в интересах Египта. Предполагается, что «Плотина великого возрождения Эфиопии» уменьшит сток Нила на 9-20 %, тогда как потребности в воде в странах нижнего течения будут только увеличиваться на фоне стремительного роста численности населения. С 1959 по 2017 год население Египта увеличилось на 68,5 млн человек [9]. Согласно результатам переписи, в 2017 году оно составило 94,8 млн человек. По самым осторожным прогнозам ООН, этот показатель превысит 100-миллионную отметку уже в 2019 году [9], хотя ранее этот сценарий относили ближе к 2030 году. При этом квота водных ресурсов Нила для Египта не менялась с момента подписания нильского соглашения. В настоящий момент Египту уже не хватает выделяемых по квоте 55,5 млрд м³ воды, и реальная потребность государства – 75 млрд м³. В этой связи Египту приходится брать воду в долг у Судана. На сегодня задолженность составляет уже порядка 300 млрд м³ [2]. Кроме того, Нил для Египта – безальтернативный источник пресной воды.

В последние годы африканские страны Нильского бассейна все активнее выступают за пересмотр квот и разрушение арабской монополии на Нил; лидером в этом процессе является Эфиопия. Сегодня Эфиопия потребляет в среднем лишь 1 млрд м³ воды, хотя вклад ее территории в общий сток Нила, как уже отмечалось, значительно больше. При этом Эфиопия 100-миллионную демографическую отметку переступила уже в 2016 году. По прогнозам ООН, к 2025 году население этой страны составит, по самым скромным подсчетам, 123 млн человек (для сравнения, согласно этому же источнику, население Египта в 2025 году вырастет до 109 млн) [9]. Это вызовет значительное увеличение потребления воды. Эфиопское правительство в этой связи подготовило генеральный план развития бассейна Голубого Нила на ближайшее десятилетие.

В 2010 году в Энтеббе шесть стран нильского бассейна (Эфиопия, Руанда, Бурунди, Уганда, Кения и Танзания), не имевшие квот на воду, дезавуировали преимущественные права Египта и Судана на водный ресурс великой реки. По новому соглашению о рамках сотрудничества, страны бассейна Нила взяли себе право реализовывать на самой длинной африканской реке свои проекты без предварительного согласования с Каиром. Соглашение, в частности, предусматривает создание Комиссии бассейна реки Нил, которая пересмотрит квоты на воду великой реки. Интересно, что, в отличие от Эфиопии, на территории Руанды, Бурунди, Уганды, Кении и Танзании образуется всего 14 % стока Нила, и эта река для них не является единственным источником водных ресурсов, так как значительная часть потребляемой воды формируется за счет ресурсов Великих Африканских озер. Таким образом, в перераспределении нильских вод они не имеют прямого интереса. Поэтому изменение статус-кво интересовало их прежде всего с точки зрения получения электроэнергии по выгодным тарифам, которую пообещал членам своей новоиспеченной восточноафриканской коалиции в случае успеха тогдашний премьер Эфиопии Мелес Зенауи [4]. Эфиопская ГЭС будет вырабатывать 15,7 млрд кВт*ч электроэнергии в год, что может решить проблему дефицита электричества не только в самой Эфиопии, но и в соседних странах. После выхода на полную проектную мощность она станет самой большой дамбой в Африке и войдет в десятку крупнейших в мире $\Gamma \bar{\Theta} C$.

В 2011 году Эфиопия начала реализацию своего грандиозного проекта по строительству плотины на Голубом Ниле. В 2013 году парламент Эфиопии ратифицировал договор о замещении соглашений колониальной эры, дававших Египту и Судану доступ к львиной доле водных ресурсов Нила, новыми договорами. В том же году власти Эфиопии решили на определенном участке сместить русло Голубого Нила. В ответ на это египетские политики стали открыто заявлять о необходимости объявления войны Эфиопии.

Все эти процессы резко обострили отношения между Каиром и Аддис-Абебой. Однако после нескольких раундов трудных переговоров Эфиопии и Египту удалось достичь компромисса. В 2015 году лидеры трех африканских стран – Египта, Судана и Эфиопии – в суданской столице Хартуме поставили свои подписи под Декларацией, имеющей своей целью положить конец давнему спору об использовании водных ресурсов Нила и приступить к строительству в Эфиопии крупнейшей на Африканском континенте гидроэлектростанции. В ней закреплен принцип равноправного и разумного использования ресурсов Нила без причинения вреда окружающей среде и нанесения ущерба экономическим интересам прибрежных государств. Тем не менее Египет не отказался от своих опасений.

«Дамба возрождения» представляет собой источник новых возможностей для миллионов жителей Эфиопии, поскольку будет производить экологически чистую электроэнергию, но для такого же количества их братьев, живущих вдоль берегов Нила в Египте, она является источником опасений и тревоги,

сказал египетский президент Абдель Фаттах Сиси.

Причина в том, что Нил является их единственным источником воды, фактически – источником жизни,

добавил он [3].

Изменение позиции Египта эксперты объясняют резкой переменой в подходе к этой проблеме Судана:

Президент Судана Омар аль-Башир фактически нарушил договор с Каиром, когда на фоне хаоса в Египте в декабре 2013 г. подписал в Хартуме с эфиопским премьером Хайлемариамом Десаленем 14 новых соглашений, касающихся безопасности, создания зоны свободной торговли, инвестиций, а также подачи электричества в Судан после возведения эфиопской плотины [4].

Сыграло также свою роль отсутствие реальной, а не декларативной поддержки со стороны стратегического партнера Каира — Саудовской Аравии.

Судан оказался заинтересован в строительстве эфиопской плотины не только из-за выгодных перспектив энергетического сотрудничества, но и по причине появляющихся возможностей полного забора собственной доли нильских вод в соответствии с квотами договора 1959 года, которую он все предыдущие годы не выбирал. Такая возможность у него отсутствовала, потому что основная часть годового объема вод Нила, образующаяся в сезон дождей на Абиссинском нагорье, проходила по суданской территории в течение всего нескольких недель в году мощным потоком, из которого имеющиеся в стране небольшие плотины не были способны удержать достаточное количество воды на длительный срок [4]. Плотина «Возрождение» сможет стабилизировать проходящий через Судан поток, таким образом, забор воды из Нила это государство сможет осуществлять более размеренно и в соответствии с насущной ирригационной необходимостью.

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН И СЛОЖНОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО СБЛИЖЕНИЯ

В результате нестабильного периода в АРЕ, связанного с арабскими революциями, и дипломатических усилий Эфиопии сильнейшее государство Нильского бассейна растеряло свои позиции и оказалось в одиночестве по вопросам распределения вод Нила. Вовремя вернуть инициативу египетскому правительству не удалось, поэтому единственное, что сейчас остается президенту Египта ас-Сиси, внимать успокаивающим заявлениям эфиопских официальных лиц и, в свою очередь, успокаивать собственное

население рассказами о новых открытых месторождениях подземных вод.

По итогам переговоров с президентом АРЕ А. Ф. ас-Сиси 18 января 2018 года в Каире премьер-министр Эфиопии Х. Десалень в очередной раз заявил, что строительство на Голубом Ниле плотины «Возрождение» не создаст никаких проблем странам нижнего течения. Он также подчеркнул, что эфиопская сторона привержена «работе с технической группой по плотине, чтобы снять все имеющиеся проблемы, и хотим заверить, что ни при каких обстоятельствах не пытаемся подвергнуть угрозе водную безопасность египтян» [5]. Более того, он уверен, что возведение плотины «будет способствовать развитию реки Нил в целом и никак не отразится ни на Египте, ни на Судане и не станет источником разногласий» [5]. Однако по сути получается, что все миролюбивые заверения эфиопской стороны – это попытка затянуть время по согласованию спорных вопросов, стоящих на повестке дня. Хотя строительство плотины при этом идет ускоренными темпами. На это и обратил внимание президент Египта на той же встрече. Он выразил обеспокоенность в связи с отсутствием прогресса в работе трехсторонней технической экспертной группы, в задачу которой входит определение потенциальных экологических, социальных и экономических негативных последствий возведения эфиопской плотины для стран Нильского бассейна и возможности их предотвращения [5]. Несмотря на регулярные встречи, экспертная группа до сих пор не приняла ни одного согласованного решения по вопросу изменения водостока Голубого Нила. Стороны так и не сумели договориться ни об объемах воды в водохранилище новой плотины «Возрождение», ни о темпах его заполнения. Это два ключевых вопроса. Чем быстрее будет заполняться водохранилище, тем больше будет негативных последствий для Египта, особенно если этот процесс придется на засушливый период. Поэтому египетская сторона предлагает заполнять водохранилище, для которого необходимо 74 млрд м³ воды, постепенно, в течение десяти лет.

Если заполнение резервуара будет происходить более быстрыми темпами – в течение 6 лет – то, по прогнозам египтян, страна в эти годы недополучит в среднем 30 % от своей ежегодной нормы. При дальнейшей работе эфиопской плотины уменьшится и выработка электроэнергии египетской Асуанской ГЭС. Кроме того, за счет испарения из водохранилища при эфиопской ГЭС Нил может ежегодно терять до 10 млрд м³ своей воды [6]. Есть также опасения, что из-за удержания ила эфиопской плотиной Судану придется повышать плодородие своих почв с помощью пестицидов. А это скажется на качестве воды, поступающей с суданской территории в Египет.

Тем не менее при полноценном сотрудничестве и разумном регулировании водосброса плотины «Возрождение» это сооружение может служить на благо странам, расположенным ниже по течению. Дамба может быть полезной для Египта в качестве дополнительного хранилища воды, которое можно использовать в период засух, если между странами будет достигнуто соглашение, гарантирующее достаточный для низовий ежегодный сброс воды. К сожалению для египетской стороны, это соглашение вряд ли будет подписано, потому что такой режим пользования плотиной вступит в противоречие с энергетическим режимом работы гидроэлектростанции, что совершенно не выгодно Эфиопии. Кроме того, надо учитывать, что заявленная пиковая мощность эфиопской ГЭС может быть выработана лишь в сезон дождей [7]. Эфиопии, возможно, придется отказаться от своих высоких ожиданий по производству электроэнергии от плотины.

Интересно, что в начале 2018 года обострились египетско-суданские отношения. Судан, пытающийся сгладить противоречия Каира и Аддис-Абебы, был вынужден отозвать своего посла в Египте. При этом министр иностранных дел Судана Ибрагим Гандур четко выразил позицию своей страны:

Эфиопия имеет право использовать свои имеющиеся ресурсы на благо своего народа, не ставя под угрозу безопасность воды как в Судане, так и в Египте [8].

В конечном итоге эфиопская плотина, неся, предположительно, благо нескольким государствам, тем не менее усиливает напряжение во всем регионе. Изменение статус-кво египетскосуданского соглашения уже приводит к дестабилизации международных отношений и, вероятно, станет причиной дальнейших конфликтов и прокси-войн, если по итогам возведения эфиопской дамбы Египет не сохранит свою долю получаемой нильской воды.

Развитие ситуации вокруг Судано-египетского соглашения 1959 года показывает, что рано или поздно к решению водных проблем приходится подключать все страны бассейна, какими бы слабыми они ни казались, так как иначе спокойствия в регионе не достигнуть. Но при этом размеры той или иной страны, численность ее населения, влияние на мировой арене и т. п. продолжают играть решающее значение в мирном урегулировании.

Мировой опыт урегулирования водных вопросов в межгосударственных отношениях накопился достаточный, однако вряд ли найдется регион, в котором проблема водного распределения решена окончательно и бесповоротно. Соглашения плодятся, а конфликты затихают лишь на время, пока усиливающийся по разным причинам дефицит воды или других ресурсов, которые может восполнить вода (например, электричество), не обретает новую силу. Развитие негативных сценариев заложено в самом водном праве. Ведь доктрины, на которые опираются различные международные соглашения в области водных ресурсов, часто вступают в противоречие

между собой. Например, вода – это «всеобщее благо» или «товар», за который нужно платить? В международном праве используются обе концепции. Другой пример: концепция происхождения водостока, говорящая о праве той или иной страны использовать столько воды (в пропорциональном отношении), сколько воспроизводит подконтрольная ей территория, вступает в противоречие с концепцией присвоения, то есть со сложившимся исторически правом пользования. Деление вод Нильского бассейна является хорошей иллюстрацией к этому противоречию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Выступление д-ра Оздена Биле «Гидрополитическая и техническая оценка состояния водных ресурсов на Ближнем Востоке» на 4-ом Общем собрании Европейского делового конгресса. Анталья, 13–14 июня 2001 года // European business Congress [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ebconline.org/cps/rde/xbcr/SID-3F57EEEE-EC235CF2/ebc/ EBC 4AGM Bilen rus.pdf (дата обращения 07.05.2013).
- 2. Денисенко К. Украденный Нил: великое возрождение Эфиопии // РСМД. 27.10.2017 [Электронный ресурс]. Режим до-
- ступа: http://russiancouncil.ru/blogs/kristiana-denisenko/ukradennyy-nil-velikoe-vozrozhdenie-efiopii/ (дата обращения 27.04.2018).

  3. Египет, Эфиотия и Судан наконец подписали договор о Ниле // ВВС. 23.03.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2015/03/150323_nile_damb_dispute (дата обращения 18.04.2018).

4. Е ф и м о в а М. Деление воды // Коммерсантъ Властъ. № 18. 09. 05. 2016. С. 30.

- Эфиопия заверила Каир, что возведение плотины на Ниле не создаст проблем Египту и Судану // Korabel.ru. 18.01.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.korabel.ru/news/comments/efiopiya zaverila kair chto vozvedenie plotiny na nile ne sozdasť problem egiptu i sudanu.html (дата обращения 28.04.2018).
- 6. Davison W. Will Ethiopia's 'grand' new dam steal Nile waters from Egypt? // The Christian Science Monitor, 25.06.2013

  Available at: https://www.csmonitor.com/World/Africa/2013/0625/Will-Ethiopia-s-grand-new-dam-steal-Nile-waters-from-Egypt (accessed 28.04.2018).
- Gavin du Venage, Ethiopian dam creates waves // The National. 24.04.2017. Available at: https://www.thenational.ae/business/ethiopian-dam-creates-waves-1.36741 (accessed 08.05.2018).
   Stevis-Gridneff M., Kholaif D. Troubled Waters: Egypt and Ethiopia Wrangle Over Nile Dam // The Wall Street Journal. 17.01.2018. Available at: https://www.wsj.com/articles/troubled-waters-egypt-and-ethiopia-wrangle-over-nile-dam-1516185001 accessed 08.05.2018).
- World Population Prospects: The 2017 Revision // United nations, Department of economic and social affairs. Available at: https://esa.un.org/unpd/wpp/ (accessed 27.04.2018).

Borisova E. A., The Institute of Oriental Studies (Moscow, Russian Federation)

THE ETHIOPIAN DAM "RENAISSANCE": GEOPOLITICAL CONTEXT AND INTERNATIONAL LAW

The world has accumulated sufficient experience in settling water disputes in the field of interstate relations, but it is unlikely that there is a region where the problem of water distribution is definitively and irrevocably solved. The number of agreements increases, but the conflicts subside only for a while, until the increasing, for various reasons, shortage of water or other resources, which can but the conflicts subside only for a while, until the increasing, for various reasons, shortage of water or other resources, which can be compensated by water (or for e. g., electricity), becomes critical and turns into a problem with the renewed vigor. The sharing of water in the Nile basin is a good illustration of this statement. Ethiopia's construction of the dam "Renaissance" conditioned by the shortage of electricity in the area, violated the established rules of the Nile basin countries' water use and created a conflict situation in the Ethiopian-Egyptian relations. The unfolding conflict has complicated the Egyptian-Sudanese relations as well. The development of the situation around the Sudano-Egyptian agreement of 1959 also shows that sooner or later all countries of the basin have to be involved in the process of water problems' solution, no matter how weak they seem to be. Bringing the benefit to several regional states, the Ethiopian dam increases the tension in the region. The change in the status quo of the Egyptian-Sudanese agreement is already destabilizing international relations and is likely to cause further conflicts and proxy wars. The development of negative scenarios lies in the water law itself, as it is based on conflicting concepts.

Key words: water division, Nile, Egypt, Ethiopia, conflict, hydropower

REFERENCES

- 1. Dr. Order Bili's speech "Hydro political and technical assessment of water resources in the middle East" at the 4th General meeting of the European business Congress. Antalya, 13–14 June 2001. European business Congress. Available at: http://www.ebconline.org/cps/rde/xbcr/SID-3F57EEEE-EC235CF2/ebc/EBC_4AGM_Bilen rus.pdf (accessed 07.05.2013). (In Russ.)

  Denisenko/ukradennyy-nil-velikoe-vozrozhdenie-efiopii/ (accessed 27.04.2018). (In Russ.)
- 3. Egypt, Ethiopia and Sudan have finally signed the Nile Treaty. BBC. 23.03.2015. Available at: http://www.bbc.com/russian/international/2015/03/150323_nile_damb_dispute (accessed 18.04.2018). (In Russ.)
  4. Efimova M. Division of water. Kommersant Vlast'. No 18. 09.05.2016. P. 30 (In Russ.)

- 5. Ethiopia assured Cairo that the construction of a dam on the Nile will not create problems for Egypt and Sudan. Korabel.ru. 18.01.2018. Available at: https://www.korabel.ru/news/comments/efiopiya_zaverila_kair_chto_vozvedenie_plotiny_na_nile_
- ne_sozdast_problem_egiptu_i sudanu.html (accessed 28.04.2018). (In Russ.)

  6. Davison W. Will Ethiopia's 'grand' new dam steal Nile waters from Egypt? *The Christian Science Monitor*. 25.06.2013

  Available at: https://www.csmonitor.com/World/Africa/2013/0625/Will-Ethiopia-s-grand-new-dam-steal-Nile-waters-from-Egypt (accessed 28.04.2018).
- Gavin du Venage, Ethiopian dam creates waves. *The National*. 24.04.2017. Available at: https://www.thenational.ae/business/ethiopian-dam-creates-waves-1.36741 (accessed 08.05.2018).
   Stevis-Gridneff M., Kholaif D. Troubled Waters: Egypt and Ethiopia Wrangle Over Nile Dam. *The Wall Street Journal*.
- 17.01.2018. Available at: https://www.wsj.com/articles/troubled-waters-egypt-and-ethiopia-wrangle-over-nile-dam-1516185001 (accessed 08.05.2018).
- World Population Prospects: The 2017 Revision. United nations, Department of economic and social affairs. Available at: https://esa.un.org/unpd/wpp/ (accessed 27.04.2018).

Поступила в редакцию 04.05.2018

№ 5 (174). С. 17–22 Всеобщая история 2018

УДК 94

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.163

АННА МИХАЙЛОВНА ХАРИТОНОВА

аспирант, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация) a.kharitonova@spbu.ru

ВИЗИТЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДЕЛЕГАЦИЙ КОРОЛЕВСТВА КАМБОДЖА В СССР КАК ЭЛЕМЕНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ Н. СИАНУКА (1953–1970 годы)

Политика нейтралитета, проводившаяся рядом развивающихся государств, занимала важное место в системе международных отношений второй половины XX века. Особую роль в регионе Юго-Восточной Азии в 1950–1960-е годы играла внешнеполитическая стратегия Королевства Камбоджа, разработанная Нородомом Сиануком. Некоторые важные аспекты внешней политики все еще нуждаются в тщательном исследовании и рассмотрении, в том числе поднимавшаяся западными аналитиками проблема «непоследовательности» внешнеполитического курса Н. Сианука, что обуславливает актуальность данной статьи. Внешнеполитическая доктрина Н. Сианука и проводимая им «политика нейтралитета» неоднократно оценивались на Западе негативно по причине имевших место критических высказываний о политике США в Юго-Восточной Азии, а также из-за публичной демонстрации симпатий в отношении КНР и СССР, в то время как на самом деле неотъемлемым компонентом этой политики стала равноудаленность от противоборствующих военно-политических блоков. В статье предпринята попытка проанализировать внешнеполитические воззрения Н. Сианука, изложенные им в теоретических статьях, опубликованных кабинетом главы государства в Пномпене и в ежемесячном французском издании «Монд дипломатик» ("Le Monde diplomatique"). Рассмотрены визиты камбоджийских делегаций в СССР в 1953-1970 годах и переговоры по вопросам политического, военного, экономического и культурного взаимодействия, в научный оборот вводятся прежде не использовавшиеся источники на кхмерском, французском и русском языках.

Ключевые слова: Камбоджа, СССР, Нородом Сианук, политика нейтралитета, Индокитай, КНР, ежемесячное издание «Монд дипломатик»

В ноябре 1953 года Камбоджа, до того являвшаяся французским протекторатом, обрела независимость. Новое суверенное государство начало принимать активное участие в событиях на международной арене. Королевство Камбоджа, как и многие развивающиеся страны, стремилось проводить политику, основанную на принципе нейтралитета. Этот принцип впервые был сформулирован королевским правительством в 1953 году еще до получения независимости [7: 10]. Приверженность данной политике была декларирована во время Женевской международной конференции по Индокитаю в июле 1954 года. а официальное заявление о проведении политики нейтралитета было зачитано по радио 23 декабря 1954 года премьер-министром Королевства Камбоджа Пен Нутом [3: 114]. Однако на тот момент эти заявления имели скорее декларативный характер. Полное переосмысление и подтверждение руководством Камбоджи курса нейтралитета во внешней политике произошло во время Бандунгской конференции 1955 года, по итогам которой было подписано «Заключительное коммюнике конференции стран Азии и Африки», частью которого была «Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», содержащая десять принципов мирного сосуществования¹. 6 ноября

1957 года вступил в силу принятый Национальным собранием закон о постоянном нейтралитете Камбоджи.

В данной статье на основе сравнительного анализа будут рассмотрены важнейшие положения политики нейтралитета, сформулированные Н. Сиануком в его программных статьях и брошюрах. Внимание к работам этого камбоджийского политического деятеля объясняется тем, что именно он, выступая в рассматриваемый период в качестве важнейшей политической фигуры в Камбодже, являлся творцом ее внешнеполитического курса. Кроме того, на материале визитов камбоджийских делегаций в Советский Союз мы попробуем охарактеризовать особенности политики Нородома Сианука, которую он называл «политикой нейтралитета», объясним причины его критики в США.

СССР принимал участие в событиях, происходивших в то время в Индокитае, поскольку он опасался расширения американского военного присутствия на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Активное внедрение США в индокитайский конфликт в середине 1950-х годов и процесс создания антикоммунистического блока в Юго-Восточной Азии также были нежелательны для советской дипломатии.

Нородом Сианук (1922–2012) – один из наиболее активных и ярких политиков второй половины XX – начала XXI века в Азии. Он был королем Камбоджи с 1941 по 1955 и с 1993 по 2004 год. Десять раз занимал пост премьерминистра страны (1945; 1950; 1952–1953; 1954; 1955–1956; 1956; 1957; 1958–1960; 1961–1962). Н. Сианук также занимал пост главы государства (1960-1970; 1975-1976; 1993). Он активно разрабатывал внешнеполитическую доктрину нейтралитета и регулярно писал о ней в своих многочисленных брошюрах и статьях. Под политикой нейтралитета (применительно к Камбодже) он понимал борьбу за мир, равноправие, международное сотрудничество и мирное сосуществование, нацеленные на достижение всеобщего процветания, сохранение свободы и территориальной целостности Королевства Камбоджа [15: 6].

Для иллюстрации внешнеполитических взглядов Н. Сианука можно обратиться к одной из статей, в которой он подробно пишет о волновавших Камбоджу международных проблемах, — «Политика нейтралитета в беспокойной Азии» [17]. Она была опубликована на французском языке в ежемесячном издании «Монд дипломатик»² ("Le Monde diplomatique", «Дипломатический мир») в октябре 1963 года. Данная статья примечательна тем, что в ней Н. Сианук в свойственной ему пацифистской манере, пронизанной духом «неприятия насилия», подчеркивает, что Камбоджа — буддийское государство, и потому не приемлет силового вмешательства в политику других стран.

Буддийский подход был присущ Н. Сиануку как во внешней, так и во внутренней политике государства [2]. Ярким примером этого может служить внутриполитическая программа «кхмерского буддийского социализма», разработанная в 1950-х годах Н. Сиануком с целью достижения развития во всех сферах жизни государства. Эта программа соединяла в себе представления о важности сохранения в идеологии государства буддийской составляющей как исторического фактора, консолидирующего общество, а также задающего понятные и удобные для кхмеров традиционные модели этического поведения, с популярными тогда в Камбодже идеями социализма, которые воспринимались в адаптированном к местным условиям варианте и рассматривались как наиболее перспективный путь для проведения эффективных социально-экономических преобразований. При этом Н. Сианук открыто признавал, что «кхмерский социализм не имеет ничего общего с социализмом Маркса и Энгельса, так как он опирается на учение Будды» [8: 15].

Н. Сианук отмечал, что его внешнеполитический курс продиктован духом

соглашений, которые мы подписали; уроками прошлого; географией; эволюцией событий в этом регионе мира; и наконец, глубокими устремлениями нашего народа [17: 13–14].

Здесь автор имеет в виду Женевское соглашение, Первую Индокитайскую войну (1945–1954) и геополитическое положение Камбоджи на перекрестке между двумя противоборствующими блоками: проамериканским (в Индокитае он был представлен Южным Вьетнамом и Таиландом) и просоветским (Демократическая Республика Вьетнам).

Еще один важный вопрос, который поднимает Н. Сианук в этих статьях, – критика со стороны США и стран – членов военно-политического блока СЕАТО дружественных отношений Камбоджи с социалистическими странами. Он писал, что, с точки зрения руководителей США и стран СЕАТО, Южный Вьетнам, Таиланд и Лаос Фуми Носавана³ окружают Камбоджу защитным поясом от коммунистического влияния. В случае если эта «крепость» рухнет, Камбоджа станет легкой добычей для коммунистов, которые уничтожат монархию в Королевстве. Такая интерпретация политики, по мнению Н. Сианука, гармонично соотносилась с «теорией домино», согласно которой достаточно одному государству в регионе стать социалистическим, как за ним начинают следовать другие. Таким образом, США и их союзники, окружая Камбоджу защитным поясом, пытались «оберегать» ее от военных вторжений и революций, а столь жесткая опека не устраивала руководителя Камбоджи.

В свою очередь, социалистические страны (в первую очередь КНР, а затем и СССР) рассматривались главой кхмерского государства как дружественные, поскольку они, по его мнению, уважали суверенитет Камбоджи и не вмешивались во внутренние дела страны. Подобные высказывания можно встретить и в других статьях Н. Сианука, таких как «Мой антиамериканизм» [14: 5]. В работе «Открытое письмо прессе "свободного мира"» [13] глава Камбоджи ставит под сомнение объективность действий «либеральных» (то есть западных) стран в Индокитае. В упоминавшейся выше статье «Политика нейтралитета в беспокойной Азии» [17] Н. Сианук также дает объяснение причин того, почему другие страны не понимают особенности политики нейтралитета Камбоджи. Он указывал на то, что США, Австралией, Японией и их союзниками в Юго-Восточной Азии – Южным Вьетнамом и Таиландом – сознательно распространялся искаженный образ кхмерского нейтралитета.

Не менее важна проходящая лейтмотивом через многие труды Н. Сианука мысль о том, что КНР и СССР предоставляли экономическую помощь без каких-либо условий, в отличие от США и союзников, которые при оказании финансовой поддержки Камбодже непременно выдвигали обязательные к выполнению требования политического характера. В статье «Какой смысл мы должны придавать нашей независимости и нейтралитету?» [16], опубликованной в 1965 году, автор выделяет в качестве лучших друзей Камбоджи КНР, СССР, Францию и Югославию, добавляя при этом, что

Китайская Народная Республика помогает Камбодже в двух жизненно важных сферах – «поиске экономической независимости через индустриализацию и государственной обороне». Советская материально-техническая и военная помощь также была важна для кхмерского государства⁴. Н. Сианук в числе друзей Камбоджи называет одну из западных стран – Францию. Объясняется это особыми отношениями, сложившимися в то время между обоими государствами. В период президентства Шарля де Голля (1959–1969) Франция активно помогала Камбодже в экономическом плане и старалась не вмешиваться в политическое противостояние на Индокитайском полуострове.

В середине 1950-х годов Н. Сианук активно налаживал двусторонние контакты с мировыми державами, в том числе с СССР, стараясь, вполне успешно на начальном этапе, придерживаться политики равноудаленности от двух противоборствующих мировых блоков. Дипломатические отношения с Советским Союзом были установлены 13 мая 1956 года. После этого знаменательного события произошло заметное оживление двусторонних контактов, затронувших политическую, экономическую, военную, культурную и прочие сферы. С 1956 по 1970 год в Советский Союз из Камбоджи неоднократно приезжали делегации разного уровня. Сведения о них нашли отражение в советской прессе и кинохронике того времени.

В конце 1960-х годов во время усилившейся китайско-советской конфронтации Н. Сианук счел более предпочтительным выбрать сторону КНР, что привело к ухудшению советско-камбоджийских отношений. Затем в марте 1970 года в Камбодже произошел государственный переворот, в результате которого была свергнута монархия и формально установлена республиканская форма правления, на деле представлявшая собой проамериканский военный режим. Н. Сианук был вынужден уехать в Китай.

В 1950-е и 1960-е годы различные камбоджийские делегации посещали СССР. На примере этих визитов можно проследить процесс реализации внешнеполитических концепций политики нейтралитета, провозглашенной Н. Сиануком. Основная часть материалов по данному вопросу публиковалась в газете «Правда», являвшейся наиболее влиятельным печатным изданием в СССР, и в «Ленинградской правде».

«Ленинградская правда» в советское время была основным городским печатным органом и выходила ежедневно. В ней публиковалась актуальная информация о главных событиях, происходивших в стране и в городе, включая известия о визитах иностранных делегаций в СССР и Ленинград.

По данным СМИ, в указанный период кхмерскими делегациями было совершено по меньшей мере девять визитов в Ленинград. Первый визит был связан с посещением принцем Нородомом Сиануком СССР в 1956 году. Официальный

визит был частью длительной поездки по странам Европы (Испания⁶, Польша, Чехословакия, СССР) с целью укрепления политического положения кхмерского государства в мире и получения Камбоджей экономической помощи.

Еще в мае 1956 года были установлены дипломатические отношения между СССР и Королевством Камбоджа. В ходе визита принца Сианука в июле 1956 года было подписано совместное советско-камбоджийское коммюнике, в котором стороны заявили о том, что их отношения будут развиваться на основе пяти принципов мирного сосуществования. Кроме того, Советский Союз и Камбоджа договорились об обмене дипломатическими представителями в ранге послов и о расширении экономических и культурных связей. Был подписан договор о строительстве в Пномпене больницы на 500 мест в качестве дара Советского Союза. Принц Нородом Сианук и его отец король Сурамарит были удостоены ордена Суворова I степени. В августе 1956 года по дороге в Пномпень в Калькутте Нородом Сианук сообщил, что Камбодже будет оказана финансовая и экономическая помощь СССР, Польшей и Чехословакией «без каких бы то ни было условий». «Сианук подписал совместные заявления о мирном сосуществовании с СССР, Польшей и Чехословакией» /.

Вслед за этим событием в Советский Союз начали прибывать различные кхмерские делегации. Факт того, что принц Н. Сианук посетил за один период страны с разными политическими режимами, которые даже противостояли друг другу (с одной стороны франкистская Испания, с другой стороны Советский Союз), свидетельствует о том, что Н. Сианук действительно придерживался принципа равноудаленности от противоборствующих политических блоков, стараясь поддерживать отношения с различными государствами.

В ноябре 1957 года СССР посетила делегация партии Народно-социалистического сообщества Камбоджи (Сангкум)⁸. Ее возглавлял видный деятель партии, член Центрального Комитета Чуоп Самлот. В состав делегации входили и другие члены ЦК партии – Трин Хуан, Ньек Пхоин. Визит был приурочен к празднованию 40-й годовщины Октябрьской революции и сопровождался встречами с высшим руководством СССР. Например, согласно кинохронике того года, 20 ноября камбоджийские гости были приняты в Кремле Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным [6]. В Ленинграде делегацию встречали на перроне Московского вокзала руководители города, представители общественности и журналисты. Гости пробыли в Ленинграде два дня, посетили достопримечательности и познакомились с жизнью города.

Несмотря на скупость и формальность изложения, которые сопровождали практически все новости, связанные с камбоджийскими делегациями, можно сделать вывод о том, что визиты

носили не протокольный характер, а были нацелены на развитие реального сотрудничества между двумя государствами.

В июле и сентябре 1958 года в Советский Союз прибыли две камбоджийские делегации: парламентская [4: 4] во главе с председателем Совета королевства Сан Неаном и делегация камбоджийского министерства планирования [9: 4] во главе с советником министерства Пхлек Пхеном, также посетившие Ленинград. В газете «Ленинградская правда» от 15 июля 1958 года было опубликовано сообщение об отъезде парламентской делегации Камбоджи из Ленинграда, где присутствует информация о посещении Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, Усть-Ижорского фанерного завода, Главной обсерватории в Пулково и Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Делегации из Камбоджи, как и многочисленные делегации других стран, к тому времени недавно получивших независимость, прибывали в Советский Союз в том числе и с целью получить определенную помощь: военную, финансовую или иного характера. Таким образом, можно предположить, что посещение промышленных предприятий представителями Камбоджи имело целью изучение возможностей строительства подобных заводов в самой Камбодже.

Следует отметить, что в то время в нашей стране уделялось большое внимание проявлению элементов «народной дипломатии» в отношениях с афро-азиатскими странами. Поэтому «Ленинградская правда» на своих страницах размещала фотографии встреч членов камбоджийских делегаций с горожанами, например совместный снимок с рыболовом-любителем на набережной Невы. Известно также, что еще одна парламентская делегация Камбоджи приезжала в Ленинград в июле 1967 года, однако о ней на страницах газеты «Ленинградская правда» не сообщалось. Материалы о ее визите можно найти в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. В мае 1959 года Ленинград посетила группа чиновников муниципалитета города Пномпеня. Советско-камбоджийское сотрудничество развивалось также и в сфере образования. В статье под заголовком «Камбоджийцы учатся русскому языку» была опубликована информация о том, что в пномпеньском лицее имени Сисовата⁹ открылись первые в Камбодже курсы русского языка [5: 3].

Следующий визит Н. Сианука в СССР с посещением Ленинграда состоялся в 1960 году. Данному событию были посвящены несколько статей в газетах «Правда» и три публикации в «Ленинградской правде»: две в преддверии визита (от 18 и 19 ноября 1960 года) и одна во время визита (от 1 декабря 1960 года). В последней упоминается факт посещения главой государства Камбоджа городской больницы. Накануне, в мае 1960 года, в Пномпене начал действовать госпиталь кхмерско-советской дружбы, построенный Советским Союзом в качестве дара Камбодже, поэтому в ходе декабрьского визита Нородому Сиануку было предложено посетить именно городскую больницу. Н. Сианук в 1960 году посетил также Иркутскую область, был на Братской ГЭС и на Байкале. В своей речи по возвращении в Пномпень Нородом Сианук сообщил, что он, как и в 1956 году, посетил несколько социалистических стран. Целью данных визитов на этот раз стало улучшение экономических отношений и налаживание экономической помощи Камбодже. Советский Союз по итогам визита в качестве помощи поставит в Камбоджу вертолеты на 10–12 человек и построит университет (высшее техническое училище). Также СССР отправит геологов для геологоразведочных работ в Камбоджу с целью строительства двух гидроэлектростанций10.

В апреле 1964 года в Советский Союз прибыла военная делегация Камбоджи во главе с заместителем председателя совета министров, министром национальной обороны и главнокомандующим вооруженными силами Камбоджи генерал-лейтенантом Лон Нолом, впоследствии возглавившим государственный переворот в Камбодже 1970 года.

Помимо политических и военных делегаций из Камбоджи в Советский Союз приезжали также творческие коллективы, например артисты королевского балета Камбоджи (июль 1964 года). Кроме того, заслуживает внимания заметка в газете «Ленинградская правда» о том, что Союз композиторов СССР в 1967 году присудил Н. Сиануку премию за музыку к кинофильму «Зачарованный лес»¹¹. Руководитель Камбоджи был композитором и сценаристом этого фильма. Фильм был представлен на Московском международном кинофестивале в 1967 году.

Рассмотренный в данной статье материал позволяет прийти к выводу о том, что Нородом Сианук в качестве главы Королевства Камбоджа старался проводить активную политику на международной арене. Его внешнеполитическая концепция основывалась на десяти принципах мирного сосуществования и собственных идеях построения «кхмерского буддийского социалистического государства». В рамках данной политики глава Камбоджи стремился к установлению и поддержанию дружеских контактов с теми странами, которые были готовы к выстраиванию разносторонних равноправных отношений. Важным элементом разработанной Н. Сиануком внешнеполитической стратегии являлась равноудаленность от двух противоборствующих политических блоков. Вместе с тем связи со странами социалистического лагеря привлекали руководителя Камбоджи в большей степени, поскольку при подобном сотрудничестве ни КНР, ни СССР не пытались активно навязывать Камбодже свою политическую линию. Предоставляя экономическую помощь, страны социалистического лагеря не ставили политических и идеологических

условий королевству, что вписывалось в политику нейтралитета Н. Сианука.

В свою очередь, проамериканский лагерь в случае установления сотрудничества требовал выполнения ряда условий, например вступления Камбоджи в военно-политический блок СЕАТО, что противоречило принципам нейтралитета. Отказ от присоединения к военным союзам и сотрудничество с КНР и СССР вызывали негативную реакцию и критику внешнеполитического курса Камбоджи со стороны США.

Анализ реализации внешнеполитической стратегии Н. Сианука на примере визитов камбоджийских делегаций в СССР показывает, что хотя и имели место тенденции к сближению Королевства Камбоджи и Советского Союза, однако советско-камбоджийское сотрудничество так и не вышло на высокий уровень. Потенциал данного взаимодействия также не был полностью реализован, подтверждением этому могут служить эпизодический характер и низкая эффективность визитов камбоджийских официальных делегаций. Таким образом, политический нейтралитет, как его понимал Нородом Сианук, претворялся им в жизнь весьма своеобразно, а налаживание контактов с СССР посредством направления государственных делегаций, являвшееся составной частью данной политики, не имело далеко идущих последствий, что в итоге лишило Камбоджу возможности в трудные моменты последующей истории опереться на помощь Советского Союза в деле защиты своего суверенитета, как это сделали Демократическая Республика Вьетнам и революционно-патриотические силы Лаоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приведем их полностью: 1. Уважение прав человека, принципов и целей Устава ООН. 2. Уважение суверенитета и территориальной целостности всех государств. 3. Признание равенства всех рас и государств, как больших, так и малых. 4. Невмешательство во внутренние дела других стран. 5. Уважение права каждой страны на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии с Уставом ООН. 6. Отказ от использования соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав и оказания давления на другие страны. 7. Отказ от агрессии, угрозы агрессии и применения военной силы против территориальной целостности или политической независимости других стран. 8. Урегулирование международных споров мирными средствами. 9. Содействие взаимным интересам и сотрудничеству. 10. Уважение справедливости и международных обязательств.

По сути, это было расширение Пяти принципов мирного сосуществования («Панча шила»), сформулированных в индийско-китайском соглашении о Тибете, подписанном в 1954 году премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем (1954–1976, г. ж.: 1898–1976) и премьер-министром Индии Джавахарлалом Йеру (1947–1964, г. ж.: 1889–1964).

² Дочернее предприятие издательского концерна «Монд», пользующееся полной издательской автономией. Авторитетное ежемесячное издание левой ориентации, публикующее статьи по международной тематике.

³ На рубеже 1950-60-х годов в Лаосе с переменным успехом шла острая политическая борьба между тремя основными политическими силами – нейтралистским королевским правительством, революционно настроенным Патриотическим фронтом Лаоса (Патет-Лао) и правой проамериканской группировкой генерала Фуми Носавана. При материальной и финансовой поддержке США Ф. Носаван поднял мятеж и в 1961-1962 годах контролировал до двух третей территории Лаоса. 4 Подробнее об экономической, технической и военной помощи СССР и КНР Камбодже см. следующие статьи: [10] и [11].

5 Нородом Сианук в 1956 году прибыл в СССР в качестве принца, потому что 24 марта 1956 года он вышел в отставку с поста премьер-министра и вновь стал премьер-министром только 15 сентября 1956 года.

6 Визит в Испанию, состоявшийся непосредственно перед визитами в социалистические страны, по всей вероятности, должен был продемонстрировать, что в рамках политики нейтралитета Камбоджа развивает отношения со странами диаметрально противоположной политико-идеологической ориентации. 22 июня 1956 года принц Нородом Сианук получил в Мадриде государственную награду Испании – Орден военных заслуг (Большой белый крест за заслуги в мирное время или в военное время в тылу).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 231. Д. 28. Ч. III. Л. 31. Эта политическая организация была создана Н. Сиануком в 1955 году с целью построения «кхмерского буддийского социалистического» государства. Она объединила различные левоцентристские силы Камбоджи, включая монархистов,

националистов, либералов, социалистов и демократов. Партия с 1955 по 1970 год была важнейшей политической силой в стране. Ее члены формировали правительство страны. В нее входило до миллиона членов.

⁹ Лицей назван в честь кхмерского короля Сисовата I (1904–1927, г. ж.: 1840–1927

10 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 231. Д. 28. Ч. І. Л. 108. Фильм «Зачарованный лес» был снят в 1966 году. Жанр: фантастика, ужасы, мелодрама. Повествует об охотниках, блуждающих в магическом лесу, от которых уходят животные. Далее с ними происходят необъяснимые события. Нородом Сианук внес существенный вклад в кинематограф Камбоджи. Он неоднократно выступал в качестве режиссе-

ра, продюсера, сценариста, композитора и актера в своих фильмах, его фильмография насчитывает около 50 кинокартин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Бектимирова Н. Н. Влияние «Китайского фактора» на развитие российско-камбоджийских отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 483–495.
- 2. Бектимирова Н. Н. Историческая эволюция традиционной политической культуры кхмеров и ее роль в разви-
- тии современного камбоджийского общества (50–70-е гг. XX века): Дис. . . . д-ра ист. наук. М., 1993. 390 с. 3. Бектимирова Н. Н. Традиционные факторы во внешней политике Камбоджи на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. ХХVI (ЮВА 2014-2015). М.: ИВ РАН, 2015. С. 114-137.

4. Гости Ленинграда // Ленинградская правда. 1958. 13 июля.

- Камбоджийцы учатся русскому языку // Ленинградская правда. 1959. 22 мая.
- Киножурнал «Новости дня / хроника наших дней 1957, № 48» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.netfilm.ru/film-10459/?search=q%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B6%D0%B0 (дата обращения 30.04.2018).
- Малетин Н. П. Внешняя политика Камбоджи 1953–1998 гг. М.: МГИМО-Университет, 2004. 226 с.

- 8. Мосяков Д. В. Кампучия. Особенности революционного процесса и полпотовский «эксперимент». М.: Наука, 1986, 167 c.
- Приезд в Ленинград экономической делегации Камбоджи // Ленинградская правда. 1958. 5 сент.
- Харитонова А. М. Внешняя политика КНР в отношении Королевства Камбоджа 1950–1960-х гг. // Китай и соседи: Сб. материалов 1-й науч. конф. молодых петербургских востоковедов. СПб., 2016. С. 112–116.
   Харитонова А. М. Экономическая помощь СССР Королевству Камбоджа в 1950–1960-х гг. // Россия и Восточ-
- 11. Ааритонова А. М. Экономическая помощь СССР королевству камооджа в 1950—1960-х гг. // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны: Доклады, представленные на III междунар. конф. молодых востоковедов в ИДВ РАН (Москва, 11—12 ноября 2015 г.) / Совет молодых ученых ИДВ РАН. М., 2016. С. 240—246.
  12. Richardson S. China, Cambodia, and the Five Principles of Peaceful Coexistence. New York, 2010. 313 p.
  13. Sihanouk N. Lettre ouverte à la presse du monde "libre". Phnom Penh, Cabinet du chef de l'état, 1966. 8 p.
  14. Sihanouk N. Mon "anti-americanisme". Phnom Penh, Cabinet du chef de l'état, 1965. 9 p.
  15. Sihanouk N. Notre socialisme bouddhique. Phnom Penh La ministère de l'information. 1065. 27 p.

- 15. S i h a n o u k N. Notre socialisme bouddhique. Phnom Penh, Le ministère de l'information, 1965. 27 p.
  16. S i h a n o u k N. Quel sens convient-il de donner à notre indépendance et notre neutralité? Phnom Penh, Cabinet du chef de l'état, 1965. 7 p.

  17. Si hanouk N. Une politique de neutralité dans l'Asie trouble // Le Monde diplomatique. Paris, 1963. № 10. P. 13–14.
- 18. ដៀបសផល របបសង្គមរាស្ត្រនិយមពីមហាដ័យជំនះឈានទៅដលវិបត្តិនិងការដលរលំ (១៩៥៥ ១៩៧០), ភុំពេញ, ២០០៩.
- 19. ទស្សនាការជាមិត្តភាព, ភ្នំពេញ, ១៩៥៨.

Kharitonova A. M., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

VISITS OF OFFICIAL DELEGATIONS FROM THE KINGDOM OF CAMBODIA IN THE USSR AS AN ELEMENT OF THE NORODOM SIHANOUK'S FOREIGN POLICY STRATEGY (1953–1970)

The policy of neutrality pursued by a number of developing states in the middle and the second half of the 20th century took an important place in the system of foreign relations of that time. The foreign policy strategy of the Kingdom of Cambodia developed by Norodom Sihanouk played an important role in the South-East Asia region in the 1950s–1960s. Some important issues still need deeper research and clarification, including the problem of the N. Sihanouk's foreign policy "inconsistency". This fact determines the relevance of this article. The foreign policy doctrine of Norodom Sihanouk and the "policy of neutrality" pursued by him was repeatedly evaluated as negative in the West. His critical statements about US policy in Southeast Asia and public demonstration of sympathy toward China and the Soviet Union were the causes of the negative assessment given by the West. However, an essential component of this policy was equidistant from the opposing military-political blocs. In this article, the author makes an attempt to examine the foreign policy views of N. Sihanouk. They were declared by him in several theoretical articles published by the Cabinet of the Head of the State in Phnom Penh and in the monthly French edition "Le Monde diplomatique". International visits and negotiations on the political, military, economic and cultural interaction of Cambodian delegations with the USSR in 1953–1970 are analyzed in the article. The author of the paper introduces new historical materials in the Khmer, French and Russian languages for the first time.

Key words: Cambodia, the USSR, Norodom Sihanouk, the policy of neutrality, Indochina, PRC, the monthly French edition "Le Monde diplomatique'

REFERENCES

- Bektimirova N. N. The Influence of the 'Chinese factor' on the Development of the Russian-Cambodian Relations. Vestnik RUDN. International Relations. 2017. Vol. 17. No 3. P. 483–495. (In Russ.).
   Bektimirova N. N. The historical evolution of the traditional political culture of the Khmer and its role in the develop-
- ment of the modern Cambodian society (in 1950–1970). Diss. Dok. Sci. (Hist.). Moscow, 1993. 390 p. (In Russ.).

  3. Bektimirova N. N. Traditional factors in Cambodia's foreign policy in the contemporary era. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. Vypusk XXVI (YuVA 2014–2015)*. Moscow, IV RAN Publ., 2015. P. 114–137. (In Russ.)

- aktual nye problemy razvitiya. Vypusk XXVI (YuVA 2014–2015). Moscow, IV RAN Publ., 2015. P. 114–137. (In Russ.)
  Guests of Leningradskaya pravda. 1958. 13 July. (In Russ.).
  Cambodians learn the Russian language. Leningradskaya pravda. 1959. 22 May. (In Russ.).
  The film magazine "News of the day" / Chronicles of our days. Available at: https://www.net-film.ru/film-10459/?-search=q%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B6%D0%B0 (accessed 30.04.2018) (In Russ.).
  Maletin N. P. The foreign policy of Cambodia in 1953–1998. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2004. 226 p.
- (In Russ.)
- 8. Mosjakov D. V. Cambodia. Features of the revolutionary process and the Pol Pot's "experiment". Moscow, Nauka Publ., 1986. 167 p. (In Russ.).
- 9. Arrival in Leningrad of Cambodia's economic delegation. *Leningradskaya pravda*. 1958. 5 Sept. (In Russ.).

  10. K h a r i t o n o v a A. M. China's foreign policy in relation to the Kingdom of Cambodia during the 1950s and 1960s. *Kitay* i sosedi. Sbornik materialov 1-y nauchnoy konferentsii molodykh peterburgskikh vostokovedov. St. Petersburg, 2016. P. 112–116.
- 11. Kharitonova A. M. USSR economic aid to the Kingdom of Cambodia in 1950-1960s. Rossiya i Vostochnaya Aziya cherez 70 let posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny: doklady, predstavlennye na III mezhdunarodnoy konferentsii molodykh vostokovedov v IDV RAN (Moskva, 11–12 noyabrya 2015 g.). Moscow, 2016. P. 240–246. (In Russ.)
- 12. R i c h a r d s o n S. China, Cambodia, and the Five Principles of Peaceful Coexistence. New York, 2010. 313 p.
  13. S i h a n o u k N. Lettre ouverte à la presse du monde "libre". Phnom Penh, Cabinet du chef de l'état, 1966. 8 p.
  14. S i h a n o u k N. Mon "anti-americanisme". Phnom Penh, Cabinet du chef de l'état, 1965. 9 p.

- 15. S i h a n o u k N. Notre socialisme bouddhique. Phnom Penh, Le ministère de l'information, 1965. 27 p.
  16. S i h a n o u k N. Quel sens convient-il de donner à notre indépendance et notre neutralité? Phnom Penh, Cabinet du chef de l'état, 1965. 7 p.
- 17. Si hanouk N. Une politique de neutralité dans l'Asie trouble // Le Monde diplomatique. Paris, 1963. № 10. P. 13–14.
- 18. ដៀបសុផល បេបសង្គមរាស្ត្រនិយមពីមហាដ័យជំនះឈានទៅដលវិបត្តិនិងការដួលរលំ (១៩៥៥ ១៩៧០), ភ្នំពេញ, ២០០៩.
- 19. ទស្សនាការជាមិត្តភាព, ភ្នំពេញ, ១៩៥៨.

№ 5 (174). С. 23–27 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930.2

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.164

КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА ДОНИК

2018

аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) extale@mail.ru

ДНЕВНИК СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ А. С. МЕНШИКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Цель статьи – предпринять первую в историографии попытку источниковедческой характеристики дневника светлейшего князя А. С. Меншикова. Дневник представляет собой исторический источник, содержащий сведения по политической истории эпохи Александра I и Николая I, жизни придворной элиты и бюрократии, о повседневности персон аристократического круга первой половины XIX столетия. Научная новизна статьи заключается в общем источниковедческом описании документа, впервые вводимого в научный оборот, выявлении его места среди аналогичных документов этого времени, установлении адресата и целей многолетнего ведения автором поденных записей. Актуальность представленных наблюдений для исторической науки заключается в пополнении опыта изучения аналогичных источников, интерес к которым неуклонно возрастает в рамках таких востребованных сегодня направлений, как история повседневности аристократических элит, антропология власти и т. п. Основной вывод заключается в необходимости дальнейшей работы с дневником князя Меншикова и непременной его будущей публикации.

Ключевые слова: князь Меншиков, адмирал, дневник, эго-документ, личный архив, Николай I, государственные деятели XIX века

Светлейший князь А. С. Меншиков (1787– 1869) - один из самых влиятельных представителей управленческой элиты России первой половины XIX века. Начальник Главного Морского штаба его императорского величества (1836–1855), генерал-губернатор Финляндии, член нескольких секретных комитетов Николая I, член Государственного совета, дипломат и Главнокомандующий русской армией в годы Крымской войны, крупнейший помещик, личность, заслужившая противоположные оценки современников - от резких до самых восторженных [10: 407-411]. В историографии также присутствуют различные оценки его деятельности как дипломата и военачальника, государственного деятеля, причины влияния которого современники видели в «наследственном» фаворитизме при отрицательных личных характеристиках. Создание биографии князя Меншикова представляет собой значительную трудность не только из-за неоднозначности оценок, но и по причине фрагментарно изученных документов личного фонда, большая часть которых не известна исследователям. Материалы фонда Меншикова, хранящиеся в РГА ВМФ (Ф. 19), представляют собой на первый взгляд собрание малоинформативных документов, логическую связь между которыми сложно установить. Своеобразный почерк Меншикова делает некоторые из них нечитаемыми. К таковым относится и дневник, который князь вел практически всю жизнь. Основные причины, обесценившие его как исторический источник. его кажущаяся малоинформативность для создания больших описаний классической политической истории, а также мифологизация образа князя Меншикова как антигероя Крымской войны и влияние памяти на историографические построения [2: 142]. Произошедший в современной историографии сдвиг внимания исследователей от «изучения событий к изучению состояний» [8: 6] отразился в устойчивом закреплении понятия эго-документов как источников, в которых рельефно проступает личное – то, чему отводилась второстепенная роль в более ранней парадигме исследования дневников как свидетелей политического события. Главная задача нашей статьи заключается в создании первого в историографии краткого источниковедческого обозрения этого сложного источника: что он представляет собой как личное свидетельство, какова его форма, содержание, литературные характеристики, о чем он рассказывает и кому – вот круг вопросов, на который мы попытаемся дать ответ.

Дневник князя А. С. Меншикова — это совокупность погодных записей, хронологически охватывающих период с 1810 по 1865 год. Они велись в разных по формату тетрадях, а одни из самых ранних записей о пребывании князя в Пруссии во время заграничных походов русской армии (1813) — на оборотной стороне немецкого календаря. Необходимо отметить две особенности этого документа: плохая сохранность материального носителя (бумаги) и неразборчивый почерк князя Меншикова, который довольно нестабилен, из-за чего возникает эффект «разных писцов». Качество почерка меняется в зависимости от обстоятельств: например, можно проследить прямую зависимость между

24 К. В. Доник

многочисленными периодами болезни и снижением читаемости записей, равно как и их объема. Краткие небрежные записи сопровождают также те периоды, когда он был сильно занят.

Существенно затрудняет внешнюю критику документа и то, что в месте хранения (РГА ВМФ) исследователю с ним можно ознакомиться только на микрофильме. В то же время в тетрадях имеются перепутанные листы, трудно читаемые фрагменты, знакомство с подлинником документа отчасти бы упростило эти проблемы. За некоторые годы в ведении дневника имеются пропуски: так, например, отсутствуют записи за 1811, 1814–1819 годы – то время, когда князь Меншиков продвигается по службе, состоит в свите императора, становится известен в свете. И реконструкция этого дружеского круга общения князя была бы очень полезна для понимания его карьерного пути, политических и ценностных представлений. На данный момент не представляется возможным сказать, действительно ли князь Меншиков в это время не вел никаких записей или они были уничтожены после его отставки в 1824 году. В начале XX века, после покупки архива князя Морским министерством, с документами личного архива А. С. Меншикова работала специальная комиссия, разбиравшая и описывавшая бумаги¹; по всей видимости, дневник был в целях хранения и более удобного обращения к нему (в подлиннике) разделен на тетради по годам, которые потом стали отдельными архивными единицами. На данный момент дневник князя Меншикова – это 30 архивных дел, не считая того, что в описи значится «записными книжками» за 1820 и 1843 годы и что также можно отнести к поденным записям князя. Требуется реконструкция дневника как единого целого, текста, отражающего его автора на разных этапах жизненного пути. Дневник князя изобилует записями о семейной повседневности, привычках, болезнях и их лечении, путешествиях и вынужденных поездках, отношениях с детьми, сердечных увлечениях, обеденных пристрастиях и многом другом. Все это позволяет отнести его к богатейшим источникам по истории повседневности российской аристократии первой половины XIX столетия.

После смерти князя Меншикова дневник хранился у его сына вместе с богатейшим архивом. Последний представитель княжеского рода Меншиковых — светлейший князь Владимир Александрович Меншиков — скончался в 1893 году, не оставив наследников мужского пола. Как следует из документов Морского министерства, которое в 1913 году выкупило архив князя, до этого все документы находились «в частных руках». Уже тогда к нему обращались А. М. Зайончковский и Н. К. Шильдер. Широко текст дневника князя Меншикова использовался именно Н. К. Шильдером в его работе о Николае I² [11]. В ОР РНБ хра-

нится письмо А. М. Зайончковского Д. Ф. Кобеко, ставшему директором Императорской Публичной библиотеки после смерти Н. К. Шильдера в 1902 году. Из него следует, что А. М. Зайончковский содействовал Н. К. Шильдеру в получении дневника для работы у князя Николая Николаевича Гагарина (1823–1902)³. Князь Гагарин был сыном князя Николая Сергеевича Гагарина – близкого друга и свата князя А. С. Меншикова: Владимир Александрович Меншиков был женат на Леониде Николаевне Гагариной, скончавшейся в 1887 году. Таким образом, и документы князя А. С. Меншикова и его сына, по всей видимости, остались у кого-то из представителей Гагариных (Николай Николаевич умер в 1902 году) [6: 132]. Н. К. Шильдер, получив дневник, сделал выписки за период 1858-1865 годов, на данный момент хранящиеся в ГАРФ (Ф. 728). Поскольку род Гагариных фактически угасал в начале XX века, а фамильные архивы князей Меншиковых - государственных и военных деятелей представляли собой огромную историческую ценность и интерес, Морское ведомство изъявило желание их приобрести. Покупка состоялась в 1913 году, и несколько последующих лет архив князя А. С. Меншикова описывала специальная комиссия, которая работала и с дневниками светлейшего князя. Переписанные части дневника являются опорой в работе с текстом подлинника, хотя и нуждаются в уточнениях и в восполнении пробелов.

В советские годы к дневнику обращались Л. Г. Захарова в своей фундаментальной монографии, посвященной отмене крепостного права в России [3], а в более поздние годы — С. В. Мироненко, также изучавший деятельность князя Меншикова в отношении крестьянского вопроса за более раннее время — 1830—1840-е годы [4]. Однако, помимо обращения к дневнику князя как «свидетелю» фактов, в историографии не предпринималось попыток его целостного изучения, что, безусловно, связано с фигурой его создателя — светлейшего князя А. С. Меншикова, одного из самых одиозных и мифологизированных героев николаевского царствования, ни одной научной биографии которого пока не существует.

Записи князя Меншикова велись в характерной «сжатой» манере, где почти нет места оценкам и рассуждениям, эмоциям. Тексты дневника за 1820-е и 1860-е годы однообразны по сюжетам (что записывал), форме фиксации (как записывал) и почти отсутствующей оценочной и эмоциональной составляющим — в этом отношении мы зафиксировали устоявшуюся культуру ведения поденных записей, характерную для XVIII столетия, но продлившуюся в дневнике невероятно долго — до середины XIX столетия. Без пространных рассуждений, сконцентрированные на констатации событий дневники были записями «для себя» в будущем, часто — для памяти,

например, кому и когда нанести ответный визит. Поскольку князь Меншиков много занимался дипломатической деятельностью, дневник, по всей видимости, часто приобретал характер деловых записей и впоследствии становился основой для официального отчета. Интересную заметку в своем дневнике за 1826 год оставил П. Г. Дивов (1765–1841), сенатор и дипломат:

2 октября. Я получил из Москвы приказание поместить статью, одобренную императором и, кажется, им самим продиктованную, в которой заключался *дневник* князя Меншикова (о посольстве в Персию)⁵.

В дневнике за 1838 год вместо обычных записей есть часть, озаглавленная «Журнал плавания», когда князь совершал дипломатические поездки в свите императора или по долгу службы был в плавании, на крейсерстве записи дневника превращались в журнал плавания, как только князь сходил на берег — дневник заполнялся привычными записями о состоянии здоровья, визитах, повседневной жизни.

Каково место этого сложнейшего документа среди других аналогичных источников рубежа XVIII–XIX веков? Известно большое количество дневников (журналов, поденных записок и т. п.) за вторую половину XVIII - первую половину XIX столетия. В чем уникальность дневника князя Меншикова и его типичность? Прежде всего, следует отметить, что дневник князя наследует форму дневниковых записей, характерных для убывающего XVIII века. Асинхрония этого дневника заметна, если его рассматривать в контексте записей аналогичного круга лиц в 30-40-е годы века девятнадцатого, из которых он сильно выделяется устарелостью своей формы. Наоборот, если рассматривать дневники представителей аристократии за 1760–1790-е годы, то можно сделать заключение, что дневник князя очень похож на своих старших «собратьев». От «Журнала собственного» генерал-фельдмаршала Н. Ю. Трубецкого (1699–1767) его отличает тенденция фиксировать каждый прожитый день, а не только самые важные события, которые констатировались также «летописно», без комментариев и выражения собственного отношения⁶. Два практически однотипных дневника – князя Н. В. Репнина⁷ и графа А. Г. Бобринского⁸, в которых отражаются записи за 1770-1790 годы, очень близки к дневнику князя Меншикова по форме записей, структуре «дневного» сюжета (хронологическая последовательность событий, тщательная фиксация дат, лиц, обстоятельств). Еще ближе к дневнику князя Меншикова в отдельных фрагментах дневник сенатора А. Я. Ильина, масона, который вел свои записи в 1775–1776 годах⁹. В «Русском Архиве» в 1895 году был опубликован очень похожий «Журнал биографический моей жизни»¹⁰ неизвестного офицера 1785 года рождения (почти ровесника князя Меншикова), героя наполеоновских войн, который также ведет летопись своей жизни, отмечая события, происходившие с ним на войне. Нельзя не отметить поденные записи великого князя Николая Павловича за 1822–1825 годы, форма которых также на первый взгляд кажется «монотонной» и малоинформативной [7: 12]. Все приводимые в качестве жанрового временного контекста дневники являются летописями жизни их авторов. Такая аналогия может показаться несколько неоправданной в силу временного зазора между существованием летописей и дневников, тем не менее она позволяет подчеркнуть предпосылки дневных записей XVIII – начала XIX столетия как личных летописей: они призваны были не столько давать оценки происходящему, сколько фиксировать важные для автора события в целях сделать себя в прошлом очевидным, «историческим». Дневник князя Меншикова следует за ним на прогулки, «слышит» слухи, замечает перемены, учитывает визиты, отправляется с ним в плавание и на осаду крепости. «Я» дневниковое в начале записей (1810–1830-е годы) совпадает с «Я» настоящим. «Я» дневниковое как собеседник, свидетель событий, аналитик и критик дел и поступков, спорщик и ироничный обозреватель появится намного позже.

Предполагался ли изначально у дневника адресат? Как отмечал известный исследователь русской мемуаристики А. Г. Тартаковский, дневник как самый распространенный автожанр — это прежде всего послание себе, и во время создания дневник

рассчитан главным образом на внутренние интимные нужды автора, не предназначается им к прижизненному обнародованию, как правило, «секретен» для окружающих [9: 12].

В то же время любому ведущему дневник свойственно, по выражению А. Г. Тартаковского, «затаенное понимание» того, что эти записи рано или поздно будут прочтены. В дневнике князя Меншикова мы единственный раз почти случайно обнаруживаем указание на адресата. В ноябре 1824 года он оказывается в отставке за свои «карбонарские» настроения. На данный момент в историографии это принято связывать с тем, что Меншиков вместе с М. С. Воронцовым пытались создать общество помещиков для освобождения крепостных крестьян [5: 158–159]. Крах своей военной и придворной карьеры он воспринял очень тяжело и 30 ноября 1824 года записал в дневнике:

Получил сего дня из Петербурга приказ, отданный 20-м числом сего ноября, коим увольняют от службы по домашним обстоятельствам с мундиром. Сын мой, может быть, после меня любопытен будет знать причины действий отца своего. И потому изложу [их] здесь откровенно...¹¹

Далее следует запись за 1 декабря. Думается, что князь Меншиков уничтожил страницы дневника, на которых была сделана запись

26 К. В. Доник

о причинах его удаления. Во время восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года князь Меншиков находился в своем родовом имении в Клинском уезде Московской губернии; по его словам, о случившемся он узнал от сенатора В. С. Новосильцова (племянник Н. Н. Новосильцова), с которым состоял в дружеских отношениях. Нельзя исключать, что вместе со страницами об отставке были уничтожены и более ранние записи, в которых, возможно, отражалось членство Меншикова в одной из тайных преддекабристских организаций¹² [1: 415]. Итак, читателем дневника, помимо самого автора, должен был стать Владимир Александрович Меншиков – его единственный сын, который по мере взросления и поступления на службу становится одним из героев дневника.

Определяя место дневника князя Меншикова среди других аналогичных документов, мы условно раздели дневник на две большие части – 1) записи, которые велись до 1840-х годов, и 2) записи 1840–1860-х годов. При всей схожести в структуре описания каждого дня, записи «второй» половины более информативны, содержат не только констатацию событий, но и их описания, иногда (редко) – проявления эмоций, личное отношение и описание внутренних состояний. Более подробно описываются события государственной деятельности князя как члена Государственного совета и Комитета министров. Безусловно, эти записи весьма далеки, например, от дневников секретаря совета барона М. А. Корфа или цензора А. В. Никитенко, которые также условно можно принять за идеал дневниковой исторической записи, прежде всего для политического историка. Для них характерны: пространное описание событий, передача разговоров, большое количество персоналий, описание обстановки, личностей, хорошая литературная форма текстов – то, что можно было бы назвать сильным присутствием автора в повествовании. Князь Меншиков продолжает вести записи фактографического, событийного характера, тем не менее уже распространяясь и рассуждая на тот или иной сюжет. Осмелимся выдвинуть предположение. Заметно меняющийся характер записей мог быть вызван не только развитием этого жанра вследствие растущей практики ведения дневников и перемены с годами в самом пишущем, но и в значительной степени пошатнувшимся положением князя Меншикова при дворе. Его секретарь К. И. Фишер указывает на то, что с началом 40-х годов начинается новый виток борьбы за влияние на Николая І. Деятели первого десятилетия (1826–1836) по разным причинам в это время либо утрачивают влияние, либо сходят с политической сцены. Князь Меншиков остается одним из немногих министров «первого набора»¹³. При дворе возникали и рассыпались группировки непостоянного характера, однако те сановники, которые их формировали, оставались около царя и стремились контролировать доступ в этот замкнутый круг, а также обсуждение и принятие важных решений. Едва уловимое изменение дневника по характеру записей прослеживается с той поры, как Фишер указывает на начавшуюся изоляцию Меншикова. Князь записывает обсуждения решений в Государственном совете, споры (иногда – в виде диалогов), разговоры с друзьями молодости, с которыми отношения считались испорченными. Ситуации, когда ему не удается повлиять на исход обсуждения законопроекта в совете и на окончательное монаршее решение, он излагает, подчеркивая свою правоту. Встречаются редкие, а потому и столь ценные сюжеты повседневности князя:

Приходил ко мне выгнанный за взятки из Инспекторского департамента чиновник Петров, просит пенсии. Хладнокровие мне изменило. Я его выгнал ругательски. Это так во мне необыкновенно, что удивило моих алъютантов¹⁴.

Дневник становится многомерным, появляется тенденция записывать более полно и литературно, проекция себя в дневнике приобретает контуры молчаливого собеседника – слушателя, аналитика и адресата риторических вопросов.

Подводя итог этой общей источниковедческой характеристике, необходимо сделать вывод о том, что дневник князя А. С. Меншикова как источник личного происхождения и эго-документ своей эпохи нуждается в обстоятельном исследовании и дальнейшей публикации с развернутым критическим комментарием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О ее деятельности: РГА ВМФ. Ф. 411. Оп. 4. Д. 256. Об отчетности по израсходованию из сумм, отпущенных на приведение в порядок Архива князя Меншикова. Л. 1–59.

² Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Тип. А. Суворина, 1903.

³ ОР РНБ. Ф. 354 (Архив А. Д. Кобеко). Ед. хр. 206. Л. 1–3об.

⁴ Возможно, у князя А. Г. Гагарина. См. подробно: [7].

5 Дневник сенатора Дивова П. Г. // Русская Старина. 1897. Т. 89. № 3. С. 489.

6 Трубецкой Н. Ю. Журнал собственный К. Н. Т. по возвращении в 1717 г. из немецкой земли // Русская старина. 1870. Т. 1. СПб., 1875. С. 34—41.

⁷ Репнин Н. В. Журнал князя Репнина // Русский архив. 1869. Кн. 1. Вып. 3. Стб. 562–575. В ст.: М. Ф. Де-Пуле. Крестьянское движение при имп. Павле Петровиче.

⁸ Бобринский А. Г. Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границею [Извлечение] // Русский архив. 1877. Кн. 3. Вып. 10. С. 116–165.

9 [Ильин А. Я.] Из дневника масона. 1775–1776 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. 4. Отд. 4. С. 1–15.

- ¹⁰ Журнал биографический моей жизни // Русский архив. 1895. Кн. 2. Вып. 6. С. 200–216.
- ¹¹ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17. Дневники князя Меншикова. Л. 19.

¹² Орден русских рыцарей, 1815–1817 гг.

¹³ Фишер К. И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. С. 261.

¹⁴ По копии архивной комиссии: РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 7. Д. 134 (2 ч.). Л. 422.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. А н д р е е в а Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 912 с.
- 2. Доник К. В. «Герой проигранных сражений»: фигура князя А.С. Меншикова (1787–1869) в историографии и проблемы исторической памяти // Военная история России XIX-XX веков: Материалы X Междунар, конф. СПб., 2017.
- 3. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 256 с
- 4. М и р о н е н к о С. В. Страницы тайной истории самодержавия. М.: Мысль, 1990. 235 с. 5. М и р о н е н к о С. В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле,
- 6. Сергеева Г. И. А. Д. Меншиков и историческая память // Меншиковские чтения 2015: Материалы Российской науч. конф. Берёзово, 2015. С. 123-139.
- Сидорова М. В., Силаева М. Н. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 // Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М.: Политическая энциклопедия. 2013. С. 3–16.
- 8. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эгодокументах: Исследования и источники. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6–13. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристка XVIII – первой половины XIX в. М.: Археографический центр, 1991.
- 358 c.
- 10. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 407-411.

Donik K. V., Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

THE DIARY OF PRINCE A. S. MENSHIKOV AS A HISTORICAL SOURCE

The article is concerned with the study of the diary belonging to the prince A. S. Menshikov. For the first time in the life of historiography an attempt to describe the diary as a historical source is undertaken. The diary is a historical source that contains information on the political history of the era of Alexander I and Nicholas I, the life of the court elite, the life of bureaucracy and aristocracy of the first half of the XIX century. The article contains a general description of the source and information on its introduction to historical science. The author tries to identify the place of the diary among similar documents of that time and to establish its addressee. The study also surmises the reason for keeping this diary. The author came to a conclusion that there is a need for further work with the diary of Prince Menshikov and its indispensable future publication.

Key words: Prince Menshikov, Admiral, diary, ego-document, personal archive. Nicholas I, statesmen of the XIX century

REFERENCES

- 1. And reeva T. V. Secret societies in Russia in the first third of the XIX century. Government policy and public opinion. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009. 912 p. (In Russ.)
- Donik K. V. "The hero of lost battles": the figure of Prince A. S. Menshikov (1787–1869) in historiography and the problems of historical memory. *Materials of the International Conference "Russian Military history of XIX–XX centuries"*. St. Petersburg, 2017. P. 125–145. (In Russ.)
- 3. Zaharova L. G. Autocracy and the abolition of serfdom in Russia 1856–1861. Moscow, Moscow University Publ., 1984. 256 p. (In Russ.)
- 4. Mironenko S. V. Pages of the secret history of autocracy. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 235 p. (In Russ.)
  5. Mironenko S. V. The Decembrists and I: Russia in the first quarter of the XIX century. Selecting the path. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 400 p. (In Russ.)
- 6. Sergeeva G. I. A. D. Menshikov and historical memory. *Materials of the International Conference "Menshikovskie chteniya 2015"*. Beryozovo, 2015. P. 123–139. (In Russ.)
- 7. Sidorova M. V., Silaeva M. N. Notebooks of Grand Duke Nicholas Pavlovich. 1822 1825. *Zapisnye knizhki velikogo knyazya Nikolaya Pavlovicha. 1822–1825.* Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2013. P. 3–16. (In Russ.)
- 8. Surzhikova N. V. Ego-documents: intellectual fashion or conscious necessity? Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg, AsPUr Publ., 2014. P. 6–13. (In Russ.)
  Tartakovskij A. G. Russian memoirists of the XVIII – first half of the XIX century. Moscow, Arkheograficheskiy tsentr
- Publ., 1991. 358 p. (In Russ.)
  Shilov D. N. Statesmen of the Russian Empire. 1802–1917. Biobibliographical reference book. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2001. P. 407–411. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.03.2018

№ 5 (174). C. 28-36

Отечественная история

2018

УДК 930

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.165

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) pashkov@petrsu.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В КАРЕЛИИ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРАБЛЕВ

В конце 1980-х годов Советский Союз вошел в период общего кризиса, завершившегося распадом СССР и полной сменой общественно-политической и социально-экономической систем. Этот кризис в полной мере повлиял и на историческую науку. В изменившейся ситуации только хорошо подготовленные и преданные своему делу ученые могли профессионально реализовать себя и вывести историческую науку на уровень новых требований. Как это происходило в исторической науке Карелии, можно проследить на примере научной деятельности Н. А. Кораблева (1947–2015). Он изучал историю Карелии 1861-1917 годов, а также был известным специалистом в области изучения и охраны памятников истории и культуры Карелии. Его работы позволяют с современных позиций реконструировать многие значимые события истории Карелии, такие как Первая русская революпия 1905—1907 годов, история крестьянства и предпринимательства в пореформенный период (1861— 1917), влияние на Карелию Столыпинской аграрной реформы и Первой мировой войны, история городов Карелии (Петрозаводска, Олонца и Пудожа), просопография губернаторов Олонецкой губернии, современное состояние памятников и памятных мест, посвященных Великой Отечественной войне, и многие другие. В статье сделан вывод о том, что высокий профессионализм и преданность науке позволили Н. А. Кораблеву успешно реализовать себя как в советский период, так и в условиях постсоветской реальности и в переломный период конца XX – начала XXI века внести большой вклад в изучение истории Карелии.

Ключевые слова: Н. А. Кораблев, советская и постсоветская историография, история Карелии, Карельский научный центр РАН

Николай Александрович Кораблев родился 21 февраля 1947 года в городе Пудоже в семье известного краеведа Александра Федотовича Кораблева (1906-1981) (подробнее о нем см.: [35]). Именно отец сыграл важнейшую роль в формировании у сына интереса к истории. А. Ф. Кораблев родился в деревне Семеново в семье зажиточных крестьян, занимавшихся заготовкой и торговлей лесом. Уже в 12 лет он остался сиротой. Начальную школу А. Ф. Кораблев окончил в родном Семенове, а затем, в 1923 году, – школу второй ступени в Пудоже. Свой трудовой путь он начал в 1924 году заведующим избой-читальней в Семенове, затем работал секретарем Нигижемского волостного комитета комсомола, заведующим избой-читальней в селе Каршево и директором районного Дома культуры в Пудоже. В 1933 году перешел на педагогическую работу. Он был преподавателем истории и директором школы крестьянской молодежи в Пудоже. Одновременно в 1933–1938 годах учился на заочном отделении Ленинградского политикопросветительного института имени Н. К. Крупской (ныне С.-Петербургский государственный институт культуры) и окончил его с отличием по специальности «история СССР». В эти же годы он участвовал в организации колхозов, был председателем Пудожского уездного Союза воинствующих безбожников. В 1936 году его арестовали как «сына кулака и лесопромышленника»¹, но вскоре освободили. Опасаясь нового ареста, А. Ф. Кораблев переехал в село Сорока (ныне город Беломорск), где работал учителем истории и географии в средней школе. Во время Великой Отечественной войны – с июля 1941 по май 1945 года – Александр Федотович воевал на Карельском, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах, был награжден несколькими боевыми медалями. В 1946 году А. Ф. Кораблев возвратился в Пудож, был назначен директором Пудожского педучилища, затем директором вечерней школы рабочей молодежи. С 1959 по 1969 год он трудился учителем истории и обществоведения в вечерней школе. Наряду с педагогической работой с 1952 года активно и целеустремленно занимался сбором материалов по истории родного края. Многолетняя подвижническая деятельность Александра Федотовича на ниве краеведения приобрела всесоюзную известность, корреспонденции о нем появились на страницах ведущих центральных изданий. В 1960 году на основе собранных коллекций А. Ф. Кораблев организовал музей при вечерней и средней общеобразовательной школах Пудожа, который постепенно, в ходе постоянной поисковой работы, перерос в районный народный краеведческий

музей. Официальное открытие Пудожского районного музея состоялось 22 апреля 1970 года, А. Ф. Кораблев стал его первым директором и в этом качестве проводил экскурсионную, лекционную и научную работу. В 1981 году музейные коллекции насчитывали более 8 тысяч экспонатов по различным периодам истории Пудожского края.

Среди первых посетителей музея был известный российский писатель Даниил Александрович Гранин, приезжавший в Пудож в конце мая 1970 года. При встрече с читателями районной библиотеки на вопрос: «Какие впечатления вы увезете с собой?» – писатель лаконично ответил: «Мне очень понравился ваш музей»². Некоторые люди считают, что Александр Федотович послужил Д. А. Гранину одним из прототипов для создания собирательного художественного образа краеведа Юрия Емельяновича Поливанова в романе «Картина», вышедшем в 1980 году. Вплоть до выхода на пенсию в 1976 году А. Ф. Кораблев продолжал собирательскую и экскурсоводческую деятельность. В 1983 году, учитывая значительные масштабы, разнообразие и ценность фондов Пудожского районного музея, ему был придан статус государственного. В 1997 году музею присвоено имя его основателя – А. Ф. Кораблева. В настоящее время Пудожский районный музей по богатству экспонатов является одним из лучших музеев Республики Карелия.

Личность и подвижническая деятельность отца в значительной мере определили интерес его сына к истории. Уже в юные годы он помогал отцу создавать и пополнять музей, после ухода из жизни Александра Федотовича продолжал заботиться о музее, был его наставником, передавал в музей свои книги, а в сентябре 2006 года был организатором на базе Пудожского районного историко-краеведческого музея им. А. Ф. Кораблева региональной научной конференции «Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера». Н. А. Кораблев стал также и первым биографом своего отца [13], [17].

В ходе хрущевской школьной реформы в старших классах средних школ было введено производственное обучение. В Пудожской средней школе была введена специализация с сельскохозяйственным уклоном. Поэтому родители решили после восьмого класса перевести Николая в Сегежу, где жила с семьей старшая сестра А. Ф. Кораблева Маргарита Александровна, которая работа в школе с промышленным уклоном. В 1965 году Николай окончил среднюю школу № 1 в городе Сегеже и в этом же году поступил на историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета имени О. В. Куусинена по специальности «история», успешно окончил его в 1969 году, получив диплом историка, учителя истории и обществознания. В годы учебы в университете Николай Александрович специализировался по кафедре истории СССР, заведующим которой в то время был Н. Ф. Славин. На кафедре работали хорошо подготовленные специалисты: А. М. Борисов, Р. В. Филиппов, Е. П. Еленевский, Ю. В. Курсков, Б. А. Юргенс и Т. В. Старостина [2: 68]. Именно выпускница истфака ЛГУ Т. В. Старостина³ стала научным руководителем дипломной работы Н. А. Кораблева «Русские поселения Восточного Обонежья в XVI—XVIII веках». О своей работе по теме дипломного сочинения Кораблев писал впоследствии:

...на втором курсе под руководством Т. В. Старостиной начал работу над курсовым сочинением по теме «Русская колонизация Карелии в исторической литературе». В беседе по итогам курсовой Татьяна Владимировна, учитывая мой интерес к истории родного Пудожского края, посоветовала продолжить работу в русле избранной проблемы, развив и конкретизировав ее на материалах Пудожа. К совету я прислушался. Так возник замысел дипломного сочинения «Русские поселения Восточного Обонежья в XVI–XVIII веках».

Дав установочные ориентиры, мой научный руководитель не спешила делать практические замечания, не «давила» своим авторитетом, открывая возможность подопечному «выговориться». При этом она умело подогревала интерес к теме, то раскрывая методические приемы работы со специальными источниками, то рекомендуя дополнительную литературу, то рассказывая о каких-либо любопытных научных аналогиях. Разбор подготовленных разделов Татьяна Владимировна вела очень доброжелательно, но взыскательно.

Работа над дипломным сочинением очень увлекала меня. Именно в этот период я впервые почувствовал интерес к истории не только как к области знаний, но и как к предмету исследовательского труда⁴.

В январе 2004 года, через полгода после кончины Т. В. Старостиной и в день ее рождения, Кораблев опубликовал небольшую статью, в которой с большой теплотой вспоминал своего первого наставника. Статья завершалась такими словами:

Работа над дипломным сочинением под руководством Татьяны Владимировны определила мой дальнейший жизненный путь. Я навсегда благодарен ей, своему первому наставнику в науке⁵.

Не удивительно, что имевший склонность к научной работе и определенный опыт в этой области студент Николай Кораблев уже в студенческие годы написал свою первую научную статью «Русская колонизация в Карелии в исторической литературе» [9]. В основу этой статьи лег доклад, прочитанный им в апреле 1968 года на XX студенческой научной конференции Петрозаводского университета. По окончании университета Н. А. Кораблев был призван в ряды Советской армии, с декабря 1969 по ноябрь 1970 года проходил службу в железнодорожных войсках в Ленинградской области и был демобилизован в звании сержанта.

В 1971 году Н. А. Кораблев стал аспирантом Карельского филиала АН СССР по специальности «отечественная история». Его научным

30 А. М. Пашков

руководителем был крупнейший специалист по истории Карелии в XVIII – начале XX века доктор исторических наук, профессор Яков Алексеевич Балагуров (1904–1977) (подробнее о нем см.: [26], [33], [36]). Я. А. Балагуров предложил Кораблеву написать работу на тему «Социальноэкономическая история карельского Поморья во второй половине XIX века». Возможно, интерес Я. А. Балагурова к этой теме был обусловлен тем, что он сам родился в многодетной семье рыбака-помора села Шуерецкое, уже подростком ходил на Мурманские промыслы и не понаслышке знал нелегкую жизнь и тяжелый труд поморов. По окончании аспирантуры в 1973 году Кораблев стал научным сотрудником сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала РАН, в котором в то время работали такие известные историки Карелии и Финляндии, как М. Н. Власова (директор ИЯЛИ в 1965–1988 годах), В. И. Машезерский (директор ИЯЛИ в 1950–1965 годах, заведовал сектором истории в 1965-1972 годах) (см. о нем: [29]), А. С. Жербин (заведовал сектором истории в 1972–1986 годах) (см. о нем: [25]), К. А. Морозов (заведовал сектором истории в 1986–1988 годах), А. П. Лайдинен (работал в секторе истории в 1967–1992 годах), Л. В. Суни (работал в секторе истории в 1971–1980 годах) и другие. В одно время с Кораблевым в сектор истории пришли его однокурсники В. Г. Макуров (заведовал сектором истории в 1989–2005 годах), Ю. А. Тополь (работал в секторе истории в 1973-1977 годах) и выпускник истфака Петрозаводского университета Г. М. Коваленко (работал в секторе истории в 1970-е годы).

Пожалуй, кроме Я. А. Балагурова, наибольшее влияние на начинающего исследователя оказал В. И. Машезерский, которому Кораблев посвятил одну из своих статей, где дал высокую оценку его научной и общественной деятельности [19].

Вероятно, болезнь и кончина Я. А. Балагурова в апреле 1977 года не позволили Н. А. Кораблеву в срок подготовиться к защите. По некоторым данным, текст диссертации был готов, но не было необходимого числа публикаций, требуемых для защиты. Но благодаря своему упорству и трудолюбию Кораблеву удалось преодолеть все трудности и не только «довести до ума» собранные материалы, но и издать две большие работы: «Социально-экономическое развитие Карельского Поморья в пореформенный период (1861–1904 гг.)» [10] и «Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века» [11], а также опубликовать в 1974–1980 годах 7 статей и тезисов по теме диссертации. В мае 1980 года он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономическая история карельского Поморья во второй половине XIX века» в совете Ленинградского отделения Института истории СССР

АН СССР по специальности 07.00.02 — История СССР. Его научным руководителем продолжал числиться Я. А. Балагуров, к тому времени уже скончавшийся, что добавляло дополнительные трудности для защиты, официальными оппонентами были сотрудники Ленинградского отделения Института истории доктор исторических наук Л. Е. Шепелев и кандидат исторических наук Н. И. Ананьич. Защита диссертации укрепила статус Кораблева как научного сотрудника, освободила время и силы и придала импульс для новых научных достижений.

В 1970–1980-е годы положение историков в системе Академии наук было достаточно благоприятным. Неплохая зарплата, всего два присутственных (обязательных для появления в институте) дня в неделю, неограниченные возможности для проведения конференций и семинаров, поездок в командировки (даже в длительные и далекие), издательские возможности делали работу историка престижной, необременительной и желанной для многих. Конечно, проблематика и содержание научной работы не должны были выходить за рамки марксистсколенинской парадигмы (применительно к дореволюционной истории это означало, что приоритетными темами были история классовой борьбы и угнетенных классов - пролетариата и крестьянства), но годы жесткого идеологического диктата были уже позади, и часто приверженность авторов марксизму-ленинизму проявлялась лишь в ритуальных (к месту и не к месту) цитатах из сочинений «классиков». Другим ограничением была минимизация контактов с зарубежными коллегами и знакомства с зарубежной литературой. Еще одной особенностью бытия ученых системы Академии наук были многочисленные отвлечения исследователей на непрофильные занятия (выезды на сенокос, на уборку урожая, работа на овощебазах и т. д.). И, конечно, Николаю Александровичу, как одному из самых молодых ученых в те времена, пришлось в полной мере применить свои умения и в этих сферах деятельности. Впрочем, учитывая его пудожское детство, эти занятия не были для него обременительными.

У Н. А. Кораблева было еще одно занятие, отвлекавшее его от научной работы. К. А. Морозов, который был одним из руководителей Карельского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, еще в 1980-е годы привлек его к составлению свода памятников истории и культуры на территории Карелии, и с этого времени Николай Александрович летом выезжал в экспедиции по обследованию памятников на территории отдельных районов. В 1990-е годы этой работой занимался Центр по охране памятников при Министерстве культуры Карелии. В результате этой многолетней работы Кораблев стал одним из лучших знатоков памятников истории

и культуры на территории Карелии и членом экспертного совета по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры Карелии.

Первой научной проблемой, на изучение которой был нацелен Кораблев, стало составление хроники рабочего движения Карелии в 1895-1917 годах. Для подготовки этой хроники он и архивистка Центрального государственного архива Карелии И. С. Петричева пересмотрели огромное количество архивных документов. В результате этой работы вышли сборник документов «Революционные события в Карелии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.)» [32] и небольшая брошюра «Основные события рабочего и социал-демократического движения в Олонецкой губернии и в Кемском уезде Архангельской губернии в 1895–1907 гг. Хроника» [30]. Последняя брошюра объемом всего 35 страниц основного текста содержала большое количество изложенных в хронологическом порядке фактов о рабочем, революционном и либеральном движении в Олонецкой губернии в 1895-1907 годах со сносками по каждому факту на архивные документы и научную литературу. Это уникальное издание, где впервые, помимо сведений о деятельности социал-демократов, была дана объективная информация об активности кадетской и эсеровской организаций, об анархических выступлениях петрозаводской молодежи в 1906 году и о многих других ранее неизвестных фактах общественно-политической жизни края на рубеже XIX-XX веков. Можно сказать, что данная хроника заложила основу научного изучения истории Карелии начала XX века в указанный период. Естественным продолжением данной хроники были небольшие публикации «Хроника рабочего движения в Карелии в период первой российской революции (январь 1905 – июнь 1907 гг.)» и «Хроника рабочего движения в Карелии (июль 1907 – февраль 1917 гг.)». В эти же годы Николай Александрович подготовил и издал в серии «Города и районы Карелии» небольшую брошюру о своем родном Пудоже [12].

С середины 1980-х годов Кораблев начал разрабатывать новую тему – историю крестьянства Карелии в пореформенный период (1861–1900 годы). Традиционно в советской историографии истории крестьянства уделялось значительно меньше внимания, чем, например, истории рабочего класса. Впрочем, и история крестьянства, и история пролетариата изучались исходя из двух постулатов: необходимо было доказать, что постоянно происходили ухудшение положения народных масс и рост классовой борьбы. Применительно к истории Европейского Севера России ситуация стала меняться в 1970— 1980-е годы благодаря деятельности вологодского историка П. А. Колесникова. Его усилиями были подготовлены и изданы два тома коллективного труда «История северного крестьянства»

[5], [6]. В ходе подготовки этого издания выяснилось, что история крестьянства Карелии пореформенного периода практически не изучена. Эту работу успешно выполнил Н. А. Кораблев. В его итоговой рукописи дается широкая, основанная на солидной источниковой базе, картина истории крестьянства Карелии пореформенного периода, включавшая детальный анализ состояния земледелия, животноводства, промыслов, отходничества, связей с рынком, участия крестьян в развитии лесной промышленности и т. д. Общий вывод, сделанный Н. А. Кораблевым, – в 1861–1900 годах крестьянство Карелии шло по пути медленного социально-экономического прогресса. К сожалению, подготовленная Н. А. Кораблевым рукопись так и не была опубликована, хотя ее большие разделы были использованы автором в обобщающих трудах «История Карелии с древнейших времен до наших дней» и «История экономики Карелии».

Тщательное и глубокое изучение Николаем Александровичем истории крестьянства Карелии в пореформенный период вывело его на три новых темы: изучение предпринимательства и формирование буржуазии на территории Карелии во второй половине XIX - начале XX века (возможно, тут свою роль сыграла и родовая память о крестьянах-предпринимателях Кораблевых), история крестьянских промыслов Карелии и проведение на территории Карелии Столыпинской аграрной реформы. Вероятно, первой большой публикацией Кораблева по истории предпринимательства стала его статья «Крестьянское предпринимательство в Карелии во второй половине XIX века», вышедшая в 1994 году. В 1999 году он опубликовал и первую работу по истории крестьянских промыслов. Тема Столыпинской аграрной реформы впервые была им заявлена в небольших тезисах 1999 года.

В 1990-е годы ситуация в секторе истории изменилась не в лучшую сторону. Начались сокращения сотрудников, многие уходили сами, огромная инфляция обесценивала зарплату, осложнилось издание научных работ. Тем не менее продолжали выходить сборники статей и монографии, оставшиеся исследователи активно осваивали новые темы, развивалось краеведческое движение. К тому времени Николай Александрович уже был одним из самых авторитетных и известных историков в Карелии, много печатался, активно ездил на международные, региональные и краеведческие конференции. В 1990-е годы он опубликовал в России и Финляндии несколько статей и тезисов по истории Беломорской Карелии. В конце 1990-х годов по инициативе директора Олонецкого национального музея карелов-ливвиков имени Н. Г. Прилукина Н. С. Волокославской была проведена серия краеведческих конференций, итогом которых стало издание историко-краеведческих очерков «Олонец», где 32 А. М. Пашков

Кораблев написал раздел «От великой реформы до великой революции (1861–1917)» [14]. Также он принял участие в подготовке брошюры [3] и нескольких статей по истории старинного карельского села Реболы.

На рубеже XX–XXI веков перед историками Карелии возникло несколько новых задач: подготовка нового обобщающего издания по истории Карелии, подготовка к празднованию 300-летия основания Петрозаводска, отмечавшегося в 2003 году, и подготовка к изданию энциклопедии «Карелия». С учетом того, что ряды историков в 1990-е годы серьезно поредели, нагрузка на оставшихся серьезно возросла. И Николай Александрович, как один из наиболее опытных и авторитетных историков Карелии, должен был взять на себя значительную часть и работы, и ответственности за решение этих сложных задач.

В обобщающей коллективной монографии «История Карелии с древнейших времен до наших дней» Н. А. Кораблев был членом редколлегии и автором главы «Карелия во второй половине XIX — начале XX в. (1861—1917 гг.)» [15]. В подготовленном Национальным архивом РК сборнике документов «Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы» — одним из составителей, редакторов, комментаторов и автором предисловия второй книги. В качестве одного из составителей, редакторов и комментаторов Кораблев участвовал и в подготовке к изданию третьей книги.

В 2002 году сотрудники сектора истории Института языка литературы и истории Карельского научного центра РАН подготовили хронику истории Петрозаводска «Петрозаводск. Хроника трех столетий. 1703–2002». В этом издании Кораблев стал членом редколлегии и автором предисловия и одного из разделов. В подготовленном тогда же Национальной библиотекой Карелии библиографическом указателе «Петрозаводск» – соавтором вступительной статьи. В иллюстрированном альбоме «Три века Петрозаводска» [16] Н. А. Кораблев и В. Г. Макуров стали авторами раздела «Петрозаводский хронограф» – текстовой части этого альбома.

Завершающий аккорд в изучении истории Петрозаводска для Николая Александровича — участие в коллективной монографии «История Петрозаводска: власть и горожане», где он написал главу «Петрозаводск во второй половине XIX — начале XX века». Трудно назвать второго историка, который внес бы такой большой вклад в изучение истории Петрозаводска в эти юбилейные годы.

На начало XXI века пришлась еще одна большая и ответственная работа — участие в написании статей для энциклопедий. В 2004 году вышла «Северная энциклопедия» [34], для которой Николай Александрович один и в соавторстве с В. Г. Макуровым написал 14 статей. Еще более

длительным и тяжелым процессом была работа над энциклопедией «Карелия», которая вышла в 2007–2011 годах в трех томах [7]. Николай Александрович написал для нее один и в соавторстве 107 статей, а также участвовал в составлении хронологической таблицы «Основные даты истории [Карелии]» и перечня «Руководители высших органов власти Олонецкой губернии, Карельской Трудовой коммуны, Автономной Карельской ССР, КФССР, КАССР, Республики Карелия». Данный перечень показывает обширную эрудицию и компетентность Кораблева в самых разных вопросах истории Карелии, не говоря уже о его огромном трудолюбии. Сотрудничал он и с «Большой российской энциклопедией».

В связи с работой по поиску и выявлению памятников советско-финской и Великой Отечественной войн на территории Карелии Кораблев стал заниматься изучением малоизвестных и неизвестных эпизодов этих войн и вопросами их мемориализации. На эту тему им в соавторстве с В. Г. Макуровым было опубликовано несколько статей. В 2015 году (уже после кончины Николая Александровича) вышла их совместная с В. Г. Макуровым работа «Великая Отечественная война в Карелии: памятники и памятные места» [1].

С середины 2000-х годов Кораблев увлекся еще одной темой – просопографией губернаторов Олонецкой губернии, городских голов Петрозаводска и георгиевских кавалеров – уроженцев Олонецкой губернии. В этой работе его надежной помощницей стала Т. А. Мошина. От отдельных биографических статей они перешли к созданию справочников «Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы» [18], «Городские головы Петрозаводска. 1778—1918 гг.» [20] и «Георгиевские кавалеры Олонецкой губернии, 1812—1917» [27].

В 2005 году вышел первый том коллективной монографии «История экономики Карелии», посвященный дореволюционному периоду. В создание этого тома Кораблев также внес большой личный вклад как автор и редактор.

Не забывал Николай Александрович и историю своей малой родины — Пудожского края. В сентябре 2006 года он организовал и провел на базе Пудожского музея конференцию «Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера». По итогам конференции был издан сборник, в котором он был соавтором предисловия, членом редколлегии и автором двух статей, а также подготовил переиздание работы дореволюционного пудожского краеведа Н. С. Шайжина «Старая Пудога», впервые изданной в 1906 году [4].

За большие заслуги в сохранении историкокультурного наследия и популяризации истории Пудожского края в 2007 году Н. А. Кораблеву было присвоено звание «Почетный гражданин города Пудожа». Последней его заметной работой, посвященной «малой родине», стал очерк «Пудожье — древний край за Онежским озером», опубликованный в журнале «Север» в 2010 году [22].

Отражением научного авторитета Кораблева стало его приглашение в группу по подготовке нового школьного учебного пособия по истории Карелии, выходившего в 2005, 2007 и 2012 годах.

С середины 2000-х годов Кораблев стал изучать историю предпринимательства в дореволюционной Карелии. По этой теме у него вышла серия статей и монография «Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX века» [23]. Это издание можно считать новаторским по проблематике. Автор опирался главным образом на архивные источники и сумел заполнить эту лакуну в социальной истории Карелии. Он реконструировал биографии многих предпринимателей, живших на территории Карелии до 1917 года, и показал их заслуги в развитии экономики региона, благотворительности и т. д. В ходе изучения данной темы внимание Кораблева привлекла династия петрозаводских купцов Пименовых. Собранные об этих предпринимателях материалы легли в основу книги, написанной им совместно с Т. А. Мошиной [24].

Одновременно с изучением предпринимательства Кораблев собрал материалы и подготовил небольшое исследование о традиционных кустарных промыслах и ремеслах Карелии во второй половине XIX – начале XX века [21].

В последние годы жизни Кораблев успешно разрабатывал три большие темы: историю политических партий и общественных организаций, действовавших на территории Карелии в начале XX века, историю Столыпинской аграрной реформы в Олонецкой губернии и историю Карелии в годы Первой мировой войны. По каждой из этих тем им было опубликовано несколько статей

В архиве историка осталась подготовленная им рукопись «Общественно-политическая жизнь Карелии в начале XX в. (1900 – февраль 1917 гг.)». Эту работу тоже можно назвать новаторской, поскольку история политических партий и общественных организаций дореволюционной Карелии не была предметом изучения советских историков (за исключением, естественно, социалдемократов, которых обычно скопом записывали в большевики). Деятельность других партий до 1985 года была известна лишь фрагментарно. Но главная трудность была не в этом. Кораблев был знатоком архивных фондов Национального архива РК и эпохи кануна революции 1917 года в истории Карелии, и для него не представлял больших трудностей сбор архивных материалов. Но после 1991 года в отечественной историографии появилось множество исследований, посвященных именно политическим партиям начала XX века. В этих новейших работах пересматривались многие ранее сделанные оценки. Поэтому было необходимо дать анализ деятельности политических партий и общественных организаций Карелии начала XX века в общероссийском контексте. И эту задачу Николай Александрович сумел решить благодаря молодому историку, ведущему библиографу ИНИОН РАН А. Н. Старицыну, который снабжал его новейшей литературой.

Крупнейшим достижением Кораблева в изучении Столыпинской реформы в Карелии стало его участие в издании сборника «Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906—1917 гг.)» [31], где он выступил редактором, составителем, автором предисловия и вступительного очерка «Столыпинская аграрная реформа в Карелии».

Сразу после издания сборника о столыпинской реформе он был привлечен к изданию нового сборника документов «Карелия в годы Первой мировой войны» [8], в котором написал историческую часть предисловия. В последние годы жизни Кораблев совместно со старшим научным сотрудником сектора истории ИЯЛИ КарНЦ РАН Е. Ю. Дубровской работал над темой «Карелия в период Первой мировой войны. 1914— 1918 гг.». И в этом проекте, как и в более ранних, он проявил характерные для него новаторство в подходах, доскональность в изучении источников, объективность в оценках и взвешенность выводов. Так, он фактически «раскопал с нуля» историю постройки азотного завода в селе Кондопога и показал, что сделанный в годы Первой мировой войны задел позволил уже в 1920-е годы построить в Кондопоге гидроэлектростанцию и бумажную фабрику. Впрочем, книга уже вышла, и читатель может сам убедиться в высоком научном уровне этой работы [28].

В конце 2000-х годов у Николая Александровича возникли серьезные проблемы со здоровьем. После продолжительного лечения он был направлен для реабилитации в санаторий «Марциальные воды». Ему удалось вернуться к активной научной работе, но он уже никуда не выезжал из Петрозаводска, отказывался от участия во многих мероприятиях, продолжая посещать архив и активно работая над новыми исследованиями. Николай Александрович скоропостижно скончался в ночь с 3 на 4 апреля 2015 года.

Н. А. Кораблевым было издано более 150 научных работ, главным образом, по истории Карелии и сопредельных регионов второй половины XIX — начала XX века, а также более 120 статей в «Северной энциклопедии», «Большой российской энциклопедии» и энциклопедии «Карелия». Он был также редактором многих монографий, сборников статей и документов. Его научные труды позволяют отойти от старых схем и с современных позиций взглянуть на историю Карелии в последние предреволюционные десятилетия.

Н. А. Кораблева отличало огромное трудолюбие, упорство в решение своих исследовательских

34 А. М. Пашков

задач, тщательность и корректность в изучении поставленных проблем, широкий кругозор, огромная эрудиция, восприимчивость к инновациям (уже в зрелом возрасте он неплохо освоил компьютер и Интернет). Николай Александрович был доброжелательным человеком, с готовностью консультировал коллег, писал рецензии на научные статьи и монографии, деликатно критикуя и советуя. Вместе с тем его врожденная деликатность сочеталась с твердой принципиальностью как в научных, так и в иных вопросах.

Готовность откликнуться на предложения о сотрудничестве приводила к тому, что для Николая Александровича второй научной сферой стала работа по выявлению, изучению и охране памятников истории и культуры Карелии, которую он вел на протяжении многих лет сначала с Карельским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а затем с Центром охраны памятников Министерства культуры Карелии. Среди других организаций, с которыми сотрудничал Н. А. Кораблев, можно назвать Петрозаводский государственный университет, Национальный архив и Национальный музей РК и многие другие учреждения и организации республики.

Как ученый Николай Александрович пользовался огромный авторитетом не только в Карелии, но и за ее пределами, особенно на Северо-Западе России. Ќончина Н. А. Кораблева – это огромная потеря для всей исторической науки Карелии. Его коллега А. П. Конкка написал на своей страничке в соцсетях: «Умер Николай Александрович Кораблев. Слов никаких нет. С ним ушло целое поколение. И вся историческая наука Карелии». И в этих словах нет большого преувеличения...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дед Н. А. Кораблева, Федот Семенович Кораблев (1858–1918), был разбогатевшим крестьянином, совладельцем фирмы «Братья Кораблевы», имевшей 3 парохода-буксира на Онежском озере и занимавшейся судоходством, заготовкой леса и торговлей [23: 182–184]. Его второй женой была Александра Васильевна (1881–1911), урожденная Белоусова, родная сестра крестьянина Дмитрия Васильевича Белоусова (1863 – после 1920), избранного в 1906 году депутатом Первой Государственной думы от Олонецкой губернии (Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 26. Д. 102. Л. 1980б.; Ф. 26. Оп. 26. Д. 104. Л. 1890б.). Приношу свою искреннюю благодарность известному петрозаводскому кра-

еведу Т. А. Мошиной за любезное предоставление этой информации.
Агеева Н. Читателям «Ровесника» // Знамя труда [газета]. 1970. 2 июня.
Подробнее о Т. В. Старостиной (1916–2003) см.: Пашков А. М. «А как поживает Татьяна Владимировна?»: юбилей потомственной дворянки // Северный курьер [газета]. 1997. 16 января; Пашков А. М. Портрет историка на фоне эпохи // Петрозаводский университет [газета]. 1997. 24 января.

Кораблев Н. А. Мой первый наставник // Петрозаводский университет [газета]. 2004. 16 января.

⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Великая Отечественная война в Карелии: памятники и памятные места / Авт.-сост. Н. А. Кораблёв, В. Г. Макуров. Петрозаводск: Кирья, 2015. 334 с.
- 25 лет Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена / Под ред. В. В. Стефанихина. Петроза-
- водск: Карельское книжное изд-во, 1965. 226 с.
  3. Жуков А. Ю., Кораблев Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 1999. 19 с.
- Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера: Материалы региональной научной конференции. 7–9 сентября 2006 г. / Под ред. Ю. А. Савватеева. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2006. 353 с.
- 5. История северного крестьянства / Гл. ред. В. Т. Пашуто. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1984. 431 с.
- 6. История северного крестьянства / Гл. ред. В. Т. Пашуто. Т. 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1985. 384 с.

Карелия: Энциклопедия / Гл. ред. А. Ф. Титов. Т. 1–3. Петрозаводск, 2007–2011.

- Карелия в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов / Под ред. Е. Ю. Матвеевой, Е. С. Намятовой, М. Е. Нееловой. Петрозаводск: Verso, 2014. 494 с.
- 9. Кораблев Н. А. Русская колонизация в Карелии в исторической литературе // Сборник научных работ студентов, посвященный 50-летию Ленинского комсомола / Под ред. А. С. Лантратовой, А. Л. Витухновского, И. П. Лупановой и др. Вып. 7. Петрозаводск, 1970. С. 21-24.
- 10. Кораблев Н. А. Социально-экономическое развитие Карельского Поморья в пореформенный период (1861-1904 гг.): Препринт доклада на Ученом Совете Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, ИЯЛИ, 1978. 68 с.
- 11. Кораблев Н. А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск: Карелия, 1980. 127 с.
- 12. Кораблев Н. А. Пудож. Историко-экономический очерк о городе и районе. Петрозаводск: Карелия, 1983. 159 с. 13. Кораблев Н. А. Создатель Пудожского музея // Краеведение и музей: к 125-летию Карельского государственного краеведческого музея. Петрозаводск: Карельский государственный краеведческий музей, 1996. С. 49–58.
- 14. Кораблев Н. А. От великой реформы до великой революции. (1861—1917 годы) // Олонец: Историко-краеведческие очерки: В 2 ч. / Отв. ред. А. М. Пашков. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 118—146.
- 15. Кораблев Н. А. Карелия во второй половине XIX начале XX в. (1861–1917 гг.) // История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева и М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 241–341.
- 16. Кораблев Н. А., Макуров В. Г. Петрозаводский хронограф // Три века Петрозаводска. Иллюстрированная история города. 1703–2003 / Авт.-сост. Ю. В. Шлейкин, Н. П. Кутьков, В. П. Лобанов. Петрозаводск: Петропресс, 2003. 318 c.

- 17. Кораблев Н. А. Александр Федотович Кораблев // Календарь знаменательных дат Карелии. 2006 год. Петрозаводск: Национальная библиотека РК, 2005. С. 85.
- 18. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Петрозаводск: Паритет, 2006. 100 с.; Изд. 2-е, испр. и доп.: Петрозаводск: Строительный стандарт, 2012. 139 с.
- 19. Кораблев Н. А. В. И. Машезерский историк карельского народа // Краевед: Сборник статей. Петрозаводск, 2007. С. 120–125.
- 20. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска. 1778—1918 гг.: Биографический справочник. Петрозаводск: Стандарт, 2008. 75 с.
- 21. Кораблев Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии. Вторая половина XIX начало XX века. Петрозаводск: Петропресс, 2009. 63 с.
- Кораблев Н. А. Пудожье древний край за Онежским озером: Исторический очерк // Север. 2010. № 3/4. С. 152–163.
- 23. Кораблев Н. А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX начале XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 266 с.
- 24. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей: Исторический очерк. Петрозаводск: Periodika, 2013. 107 с.; 2-е изд., перераб и дополн.: Петрозаводск: Periodika, 2016. 109 с.
- 25. Кораблев Н. А., Макуров В. Г. Алексей Степанович Жербин (к 90-летию со дня рождения) // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 143–145.
- 26. Кораблев Н. А., Макуров В. Г. Яков Алексеевич Балагуров (к 110-летию со дня рождения) // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 173—175.
- Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Георгиевские кавалеры Олонецкой губернии, 1812–1917: Краткий справочник. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. 70 с.
- 28. Кораблев Н. А., Дубровская Е. Ю. Карелия в годы Первой мировой войны. 1914—1918. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 432 с.
- 29. Макуров В. Г. Виктор Иванович Машезерский (к 110-летию со дня рождения) // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 211–213.
- Основные события рабочего и социал-демократического движения в Олонецкой губернии и в Кемском уезде Архангельской губернии в 1895–1907 гг. Хроника / Авт.-сост. Н. А. Кораблев, И. С. Петричева. Петрозаводск: Интеллект, 1991.
   40 с
- 31. Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 гг.): Сборник документов и материалов / Под ред. Н. А. Кораблева; Сост. Н. А. Кораблев и В. Г. Баданов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 496 с.
- 32. Революционные события в Карелии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.): Сборник документов и материалов / Сост.: Н. А. Кораблев, И. С. Петричева и др.; Под ред. М. Н. Власова. Изд. 2-е, испр. и доп. Петрозаводск, 1981. 173 с
- 33. Савватеев Ю. А. Я. А. Балагуров: ученый, педагог, общественный деятель // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Сыктывкар, 2010. № 1 (9). С. 83–115.
- 34. Северная энциклопедия = Northern practical dictionary / Сост. Е. Р. Акбальян; Ред. Е. Г. Абрамович и др. М.: Европейские издания, Северные просторы, 2004. 1196 с.
- 35. Фомина С. Н. Краевед А. Ф. Кораблев и создание пудожского музея // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера: Материалы региональной научной конференции (7–9 сентября 2006 года) / Под ред. Ю. А. Савватеева. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2006. С. 8–13.
- Эпштейн Е. М. Биограф карельского края: Очерк о жизни и деятельности проф. Я. А. Балагурова. Петрозаводск: Карелия, 1980. 96 с.

Pashkov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HISTORICAL SCIENCE OF KARELIA AT THE EPOCH'S TURNING POINT: CASE STUDY OF NIKOLAI ALEXANDROVICH KORABLEV

At end of the late 1980s the Soviet Union entered a period of general decline, which lead to the collapse of the USSR and total socio-political and socio-economical change of the system. In the changed conditions, only skilled and faithful to the profession historians could fully realize themselves and take historical science to the level of new requirements. An example of the research activity undertaken by N. Korablev (1947–2015) is a valid illustration of the changes occurring at that time in the historical science in Karelia. N. A. Korablev studied the history of Karelia in 1861–1917. He was also known as a famous specialist in the field of research and protection of historical and cultural monuments of Karelia. His works allowed us to reconstruct many important events of Karelian history from a contemporary point of view: such as the First Russian revolution of 1905–1907, the history of peasantry and business in 1861–1917, the impact of Stolypin's agrarian reforms and of the First World War on Karelia, the urban history of Karelia (Petrozavodsk, Olonets and Pudozh), the prosopography of Olonets Province (gubernija) governors, the current state of local monuments and memorial places commemorating events of the Great Patriotic War, and etc. We came to a conclusion that a high level of professionalism and commitment to science allowed N. A. Korablev to realize himself successfully both during the Soviet and the post-Soviet period in conditions of the post-Soviet realities. He greatly contributed to the research of the history of Karelia at the turning-point of the late 20th – early 21st centuries.

Key words: N. A. Korablev, Soviet and post-Soviet historiography, history of Karelia, Karelian research centre of the Russian Academy of Sciences

REFERENCES

- 1. The Great Patriotic War in Karelia: monuments and memory places. N. A. Korablev, V. G. Makurov (eds.). Petrozavodsk, Kir'ya Publ., 2015. 334 p. (In Russ.)
- 25 years of Petrozavodsk State University named after O. Kuusinen. V. V. Stefanikhin (ed.). Petrozavodsk, Karel'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 226 p. (In Russ.)

36 А М Пашков

3. Zhukov A. Yu., Korablev N. A., Makurov V. G., Pul'kin M. V. Reboly area. Historical essay. Petrozavodsk, IYaLI KarNTs RAN Publ., 1999. 19 p. (In Russ.)

- 4. Historical and cultural traditions of the Russian North ethnic minorities. Yu. A. Savvateev (ed.), Petrozavodsk, IYaLI KarNTs RAN Publ., 2006. 353 p. (In Russ.)
- The History of the Northern peasantry, V. T. Pashuto (ed.), Vol. 1. The European North peasantry in feudal period. Arkhangelsk, Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 431 p. (In Russ.)
- The History of the Northern peasantry. V. T. Pashuto (ed.). Vol. 2. The European North peasantry in capitalist period. Arkhangelsk, Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 384 p. (In Russ.) Karelia: Encyclopaedia. A. F. Titov (ed.). Vol. 1–3. Petrozavodsk, Petropress Publ., 2007–2011. (In Russ.)
- Karelia in the First World War. Collection of documents and materials. E. Yu. Matveeva, E. S. Namjatova, M. E. Neelova (eds.).
- Petrozavodsk, Verso Publ., 2014. 494 p. (In Russ.)

  Korablev N. A. The Russian colonization of Karelia in the Historical literature. Sbornik nauchnykh rabot studentov.

  A. S. Lantratova, A. L. Vitukhnovskii, I. P. Lupanova ets. (eds.). Vol. 7. Petrozavodsk, 1970. P. 21–24. (In Russ.)
- 10. Korablev N. A. The social and economical development of Karelian Pomorje at post-reform period (1861–1904). Petrozavodsk, Karel'skiy filial AN SSSR, IYaLI Publ., 1978. 68 p. (In Russ.)
- 11. Korablev N. A. The social and economical History of Karelian Pomorje at the 2nd half of 19th century. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1980. 127 c. (In Russ.)
- 12. Korablev N. A. Pudozh. Historical and economical essay about the city and the district. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1983. 159 p. (In Russ.)
- 13. Korablev N. A. The founder of Pudozh museum. Kraevedenie i muzey: k 125-letiyu Karel'skogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeya. Petrozavodsk, Karel'skiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey Publ., 1996. P. 49–58.
- 14. K or a b lev N. A. From the Great Reform to the Great Revolution (1861–1917). Olonets. Istoriko-kraevedcheskie ocherki. A. M. Pashkov (ed.). Vol. 1. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 1999. P. 118–146. (In Russ.)
- 15. Korablev N. A. Karelia 2nd half of 19th century early 20 century (1861–1917). *Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen* do nashikh dney, N. A. Korabley, V. G. Makuroy, Yu. A. Savvateey, M. I. Shumiloy (eds.). Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. P. 241–341. (In Russ.)
- 16. Korablev N. A., Makurov V. G. Petrozavodsk Chronograph. *Tri veka Petrozavodska. Illustrirovannaya istoriya goroda. 1703–2003.* Yu. V. Sleikin, N. P. Kutjkov, V. P. Lobanov (eds.). Petrozavodsk, Petropress Publ., 2003. 318 p.
- 17. Korablev N. A. Alexandr Fedotovich Korablev. Kalendar' znamenatel'nykh dat Karelii. 2006 god. Petrozavodsk, Natsional'naya biblioteka RK Publ., 2005. P. 85. (In Russ.)
- 18. Korablev N. A., Moshina T. A. Olonets Governor and General-Governors. Biographical reference book. Petrozavodsk, Paritet Publ., 2006. 100 p.; 2nd ed.: Petrozavodsk, Stroitel'nyy standart Publ., 2012. 139 p. (In Russ.)
- 19. Korablev N. A. V. I. Mashererskii as the Historian of Karelian people. Kraeved. Sbornik statey. Petrozavodsk, Natsional'naya biblioteka RK Publ., 2007. P. 120–125. (In Russ.)

  20. Korablev N. A., Moshina T. A. Mayor of Petrozavodsk. 1778–1918. Biographical reference book. Petrozavodsk,
- Standart Publ., 2008. 75 p. (In Russ.)
- 21. Korablev N. A. Traditionnal handicraft trades and industries in Karelia. The 2nd half of 19th century early 20 century. Petrozavodsk, Petropress Publ., 2009. 63 p. (In Russ.)
- 22. Korablev N. Å. Pudozhje the very old region behind Onega Lake. Historical essay. Sever. 2010. № 3/4. P. 152–163. (In Russ.)
- 23. K o r a b l e v N. A. Business undertakings in Karelia at the 2nd half of 19th century early 20 century. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2011. 266 p. (In Russ.)
- 24. Korablev N. A., Moshina T. A. Pimenovs: the dynasty of businessmen, philanthropists and public figures. Historical essay. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2013. 107 p.; 2nd ed.: Petrozavodsk, Periodika Publ., 2016. 109 p. (In Russ.)
- 25. Korablev N. A., Makurov V. G. Aleksei Stepanovich Zherbin (to the 90th anniversary of the birth). Transactions of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. 2013. № 4. P. 143–145 (In Russ.)
- 26. Korablev N. A., Makurov V. G. Yakov Alerseevich Balagurov (to the 110th anniversary of the birth). Transactions of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. 2014. № 3. P. 173–175 (In Russ.)
- 27. Korablev N. A., Moshina T. A. St. George's knight from Olonets province. 1812–1917: short reference book. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2016. 70 p. (In Russ.)
- 28. Korablev N. A., Dubrovskaja E. Yu. Karelia in the First World War. 1914–1918. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2017. 432 p. (In Russ.)
- 29. Makurov V. G. Viktor Ivanovich Mashererskii (to the 110th anniversary of the birth). Transactions of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 4. P. 211–213. (In Russ.)
- 30. Main events of working and social-democratic movement in Olonets province and Kem' district of Arkhangelsk province in 1895–1907 gg. Khronika. N. A. Korablev, I. S. Petricheva (eds.). Petrozavodsk, Intellekt Publ., 1991. 40 p. (In Russ.)
- 31. The implementing Stolypin's agrarial reform in Karelia (1906-1917). Collection of documents and materials. N. A. Korablev, V. G. Badanov (eds.). Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)
- 32. Revolionary events in Karelia during The First Russian Revolution (1905–1907): collection of documents and materials. N. A. Korablev, I. S. Petricheva, M. N. Vlasova (eds.). 2nd ed.: Petrozavodsk, 1981. 173 p. (In Russ.)
- 33. Savvateev Yu. A. Ya. A. Balagurov: researcher, pedagogue, public figure. Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy. Syktyvkar, 2010. № 1 (9). P. 83–115. (In Russ.)
- 34. The Northern encyclopaedia = Northern practical dictionary. E. R. Akbaljan; E. G. Abramovich ets. (ed.). Moscow, Evropeyskie izdaniya, Severnye prostory Publ., 2004. 1196 p. (In Russ.)

  35. Fo m i n a S. N. The Local Scolar A. F. Korablev and the foundation of Pudozh museum. *Istoriko-kul turnye traditsii malykh*
- gorodov Russkogo Severa. Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii. Yu. A. Savvateev (ed.). Petrozavodsk, IYaLI KarNts
- RAN Publ., 2006. P. 8–13. (In Russ.)

  36. Epshtein E. M. The Biographer of Karelian region: Essay about life and activities of Professor Ya. A. Balagurov. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1980. 96 p. (In Russ.)

№ 5 (174). C. 37-44

Отечественная история

2018

УДК 930.85

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.166

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ САЗОНОВ

протоиерей, кандидат богословия, докторант, Общецерковная докторантура имени св. Кирилла и Мефодия (Кострома, Российская Федерация) sazonow63.12@gmail.com

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОТОВ

доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала, Институт управления (Иваново, Российская Федерация)

aalfedotov@yandex.ru

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1958–1988 ГОДАХ: СТАТУС И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Анализируется деятельность и социальный статус духовенства Русской Православной Церкви в период антирелигиозных гонений Н. С. Хрущева до начала перестройки. Дается характеристика состоянию государственного контроля за церковной кадровой политикой, ограничению сферы деятельности духовенства в результате реформы приходского управления 1961 года, обозначается проблема многоштатных приходов в условиях, когда количество приходов не соразмерно числу потенциальных прихожан. На основе архивных материалов и опубликованных документов показано, что во время своего существования в данный период Церковь находилась под тотальным контролем государства, всячески ограничивавшим ее каноническую деятельность. При этом она использовала предоставленные ей властью площадки «борцов за мир», «патриотическую деятельность», смогла подготовить новые высокопрофессиональные кадры, завоевать авторитет не только в советском обществе, но и во всем мире. Делается вывод, что правильное использование очень ограниченных в рассматриваемый исторический период возможностей во многом зависело от личности архиерея или священника.

Ключевые слова: приходская жизнь, духовенство, Церковь, государство, священник, образование

1958–1988 годы – особый период в истории Русской Православной Церкви (РПЦ), связанный с двумя реформами приходского управления. Первая из них, проведенная в 1961 году в рамках антицерковных репрессий хрущевской оттепели, отстранила духовенство от управления приходами. Вторая, ставшая возможной в силу происходивших в Советском Союзе демократических преобразований, вернула в 1988 году духовенству право активного участия в приходском управлении. Статус и деятельность православных священнослужителей в этот период – тема, без понимания которой сложно правильно воспринимать и отечественную историю последующего периода, когда РПЦ активно включилась в общественные процессы. Среди вопросов, которые нуждаются в рассмотрении в рамках данной проблемы, - реформа приходского управления 1961 года и ее последствия, государственный контроль за церковной кадровой политикой, возможности архиереев и священников осуществлять свою деятельность в условиях прессинга со стороны атеистического государства. Несмотря на то, что вопросы истории РПЦ в обозначенный период рассматривались О. Ю. Васильевой. М. В. Шкаровским, протоиереем Владиславом

Цыпиным, Д. В. Поспеловским, многими другими исследователями как на центральных, так и на региональных материалах, ряд вопросов, в том числе проблемы статуса и деятельности священнослужителей, требует дальнейшего изучения, в том числе в связи с введением в научный оборот новых архивных материалов, в первую очередь материалов региональных церковных архивов.

В статье использованы материалы Государственного архива РФ, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального государственного архива Московской области, государственных архивов Владимирской, Костромской и Смоленской областей, текущие архивы Иваново-Вознесенской и Костромской епархий, документальные публикации. Анализ и синтез полученной при изучении данных документов информации позволяет рассмотреть проблему достаточно полно.

Путем психологического и административного давления на желающих стать священнослужителями людей искусственно создавался кадровый голод. Через Совет по делам религий при СМ СССР существовал прямой контроль государства за церковной кадровой политикой, потому

что без санкции Совета или его региональных уполномоченных не мог быть назначен ни один священнослужитель. Сокращением количества приходов, искусственным созданием нетерпимого отношения к религии в обществе было сформировано внешнее давление на Церковь. Недопущение Церкви к присущей ей деятельности в социальной, благотворительной, воспитательной сферах создавало внутреннее давление на верующих, имеющих активную гражданскую позицию. Оно усугублялось внедрением в органы управления приходами людей аморальных, порой неверующих, что приводило к разладу приходской жизни, созданию конфликтных ситуаций между священнослужителями и приходским советом, прихожанами¹.

С конца 1950-х годов священноначалие РПЦ осознавало опасность смены государственного курса в отношении религии, произошедшей с приходом к власти Н. С. Хрущева. Уровень массированной атеистической пропаганды в государственных изданиях был тенденциозным и крайне низким: «Печатается явная ложь, оскорбления, карикатуры», - заявлял митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), назвав подтасовкой и ложью высказывания в газетах, которые приписывались Григорию Богослову². В создавшихся условиях нетерпимого отношения к религиозным убеждениям в обществе тема «защиты мира» стала для Московской Патриархии одним из главных направлений [9], благодаря которому удавалось выходить из-под удара ревнителей полной ликвидации религиозных организаций. Был найден способ заявить о своей нужности государству, своей лояльности власти, «провозглашающей построение коммунизма без религии», которое для целей внешней политики вынуждено было терпеть существование РПЦ и само «религиозное пространство». Одним из факторов «нужности» были «добровольные» взносы в Фонд мира, которые тяжелым бременем ложились на финансовую сторону жизни Церкви. В церковной среде они воспринимались как неизбежная подать. Начиная с конца 1960-х годов каждый священник должен был ежегодно рапортом, с приложением номера квитанции отчитаться управляющему епархией о добровольно сданной им сумме взноса в Фонд мира³. В адресе по случаю награждения в 1979 году архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (Ярославского) медалью советского Фонда мира уполномоченный Совета по делам религий по Костромской области М. В. Кузнецов отмечал:

Приятно отметить, что духовенство в нашей стране и в нашей области по примеру Священного Синода и лично Патриарха Московского и всея Руси Пимена проявляет не просто политическую лояльность по

отношению к социалистическому строю, но и активно содействует усилиям нашего государства в борьбе за мир, разоружение и справедливое отношение между народами. Борьба за мир стала традицией РПЦ, ее усилия в этом деле получают сегодня высокую оценку Советского правительства, советской общественностью⁴.

Финансовые отчисления, производимые Костромской епархией, были тому подтверждением. Если на нужды Патриархии епархия сдавала 70 000 руб., то в Фонд мира – 50 000 руб. ^{5} Политика Церкви, делающая акцент на патриотизм и не только словесное, но и материальное участие в борьбе за мир, приносила свои дивиденды в виде некоторых послаблений строгого контроля и нетерпимого отношения к религии со стороны властей. С 1970-х годов был увеличена квота поступающих в Духовные семинарии, что допускало возможность решать острый вопрос с нехваткой кадров. Таким образом, в основе своих отношений с властями Патриархия придерживалась нейтральной линии о воздаянии «кесарева кесарю, а Божие Богу», утверждая в речах своих иерархов, особенно за рубежом, что Церковь призвана разделять судьбу родного народа и жить своей благодатной жизнью при любом политическом строе [5: 30].

Лояльность власти и патриотизм через отчисления в Фонд мира служили оценкой деятельности не только руководителей Патриархии, но и епархиальных управляющих и священников в приходах. По признаку политической совместимости, как заявлял заместитель председателя Совета по делам религий В. Г. Фуров в своем докладе, оценивались епархиальные архиереи [9: 33–35]. Такие формулировки говорили о том, что Совет и власти контролировали все сферы бытия религиозных организаций. Важно отметить, что под особо жестким контролем находились кадры священнослужителей, причем не только в приходе, но в первую очередь в учебных заведения x^6 . Все эти направления антирелигиозной работы были приняты с целью выработки общего подхода и стратегии для работы партийных и государственных деятелей с представителями религиозных организаций, результатом которой должен быть тотальный контроль над священнослужителями, особенно в сфере формирования политических и идеологических представлений у служителей культа. В процессе учебы в семинариях власти держали под продуманным и тщательным контролем идеологическую сферу бытия семинаристов. В. Г. Фуров говорил присутствующим партийным функционерам, что в духовных школах налажен процесс воспитания духовенства в духе патриотизма и любви к Советской Родине. По его словам, эта работа осуществлялась с помощью иерархов, руководителей духовных школ. В программу семинарий были включены следующие предметы: история СССР, Конституция СССР, были пересмотрены в интересах международной политики государства учебные пособия по ряду церковных предметов. Например, в предмет нравственного богословия была введена тема «Международный мир как нравственная задача христиан и людей доброй воли». Использовались политические лектории среди учащихся духовных школ, индивидуальные и доверительные беседы. Тех, кто не вписывался в общие рамки, отчисляли [9: 52-54]. Предполагалось, что контроль за обучением и воспитанием будущих пастырей обеспечит их лояльность власти в процессе их приходского служения и будет соответствовать новой генерации советских людей. В данной связи необходимо отметить, что будучи лояльными к существующей власти духовенство все же не могло не говорить или думать о притеснениях проявлений религиозных убеждений верующих людей со стороны государства, в частности о вмешательстве властей в приходскую жизнь Церкви, где духовенству отводилась роль наемного служащего. В открытом письме московских священников к Патриарху Алексию I в 1965 году указывалось, что борьба идет не просто между Церковью и властью, борьба ведется между лучшими представителями Церкви – епископами, священниками, мирянами и против антирелигиозной политики власти, и против официальной политики Московской Патриархии, которая в некоторых случаях протеста против гонений на Церковь со стороны священнослужителей и мирян превращается в инструментарий власти по отношению к ним [8]. В том же письме недвусмысленно уточняется положение Совета по делам РПЦ, реорганизованного в 1966 году в Совет по делам религий при Совете Министров СССР:

С назначением председателем СДРПЦ В. А. Куроедова вместо Г. Г. Карпова Совет превратился из государственного органа — посредника, регулирующего отношения между Церковью и государством, в орган неофициального, диктаторского управления Московской Патриархией, которая в нарушение советского законодательства подчинялась устным распоряжениям власти [8: 162].

Архиерейский Собор, собравшийся 18 июля 1961 года в Троице-Сергиевой лавре, своим изменением традиционной системы приходского управления отстранил настоятеля от управления приходом. Принятые Собором постановления рассматривались государственной властью как способ в условиях равноправия граждан, данного им Конституцией, с помощью внутренней церковной процедуры ограничить в правах священнослужителей, и как форма тотального

контроля за церковными финансами. 15 января 1960 года Г. Г. Карпов в докладной записке Н. С. Хрушеву, сообщая об итогах работы Совета за последние годы, приводил красноречивые цифры, свидетельствующие о работе Совета против Церкви:

...что касается последних 12 лет, то мы сдерживаем натиск <верующих>, прямо игнорируя все заявления об открытии церквей и молитвенных домов <...> За 1959 г. нами закрыто 300 церквей и молитвенных домов. По сравнению с 1948 г. число церквей уменьшилось более чем на 1300⁷.

В докладе В. Г. Фурова указывалось, что областные уполномоченные Совета по делам религий в тесной связи с местными органами власти принимали меры как по ограничению приема в Духовные семинарии, так и по недопущению приема нежелательных элементов [9: 51]. Он отмечал, что

стараниями Совета по недопущению абитуриентов к поступлению в семинарии к 1974 году среди церковных кадров доля престарелых священнослужителей (старше 60 лет) составляла 48,5 %, т. е. почти половина от общего числа. Образовательный уровень духовенства оставлял желать лучшего: количество священнослужителей со средним духовным образованием (окончивших семинарии) составляет 39 % от общего числа духовенства, что, по его мнению, показывает: а) фактор отмирания религии, б) не самую высокую квалификацию кадров [9: 28–29].

Его слова подтверждаются действиями власти, искусственно создававшей условия для дефицита кадров — «кадровый голод», в результате которого на законном основании можно было закрывать церкви, особенно в малолюдных приходах, из-за отсутствия священника и верующих.

В свете антирелигиозной политики по отношению к любому религиозному проявлению власть строго и ревностно следила за активностью архиереев и священников. Всякий отход от политики невмешательства в епархиальные дела вызывал неудовольствие уполномоченных и конфликты между ними и епархиальными архиереями. О «неуправляемости» архиерея уполномоченный сразу докладывал в Москву. Конфликт приводил во многих случаях к смещению «активного и деятельного архиерея» из епархии, находящейся в Центральной России, в епархии находящиеся на окраинах Советского Союза. Активность архиерея характеризовалась следующими признаками: а) увеличение числа архиерейских служб, при которых присутствует большое количество молящихся, б) частое посещение приходов, требование к духовенству увеличения богослужений и произносимых проповедей, в) обеспечение религиозных объединений литературой и предметами культа,

г) своевременное обеспечение приходов кадрами священнослужителей, д) привлечение молодежи в Церковь, е) вмешательство в финансовые и организационные дела общин и т. д. Такой активностью обладал, например, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), по этой причине смещенный со всех административных церковных постов и безвременно почивший в 1961 году. В докладной записке о результатах проверки деятельности уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Москве и Московской области А. А Трушина, адресованной заместителю Совета С. К. Белышеву, говорилось:

В отличие от других областей, в Московской области в составе духовенства из года в год происходит увеличение числа служителей культа молодых возрастов <...> В большинстве своем (68 человек) это служители культа не старше 35-летнего возраста, составляющие активную часть духовенства, принимающие всяческие меры к укреплению и расширению влияния церкви <...> Многие священники, недавно покинувшие духовные учебные заведения, своей деятельностью значительно оживили и активизировали приходы, считавшиеся «бедными» и от службы в которых ранее отказывались служители культа⁸.

Вышеприведенный текст докладной записки А. Трушина свидетельствует о том, что, несмотря на принятые меры по недопущению молодежи к поступлению в духовные учебные заведения, несмотря на кампанию запугивания и административные воздействия, число абитуриентов неуклонно росло, кадры омолаживались. Так, заявление о приеме в Духовные школы в 1960 году подали более 30 человек из Москвы и Московской области, что превышало показатели предыдущего, 1959, года [8: 124].

С целью парализовать волю к проявлению религиозной активности и сопротивлению антирелигиозной политике государства, в частности в деле вмешательства в хозяйственно-финансовую деятельность приходов, в 1960-е годы в рамках инициированных Н. С. Хрущевым антирелигиозных репрессий оказывалось давление на епархиальных архиереев. В случае с архиепископом Иовом (Кресовичем) оно закончилось уголовным делом по надуманному обвинению и реальным сроком заключения⁹. Этим примером возможностей власти по отношению к «нарушителям» было наглядно показано, как опасно противостоять государственному нажиму. Но такие случаи были все же редкостью. В основном же для решения вопросов в необходимом русле власти не нужно было прибегать к таким крайним формам – церковная иерархия «послушно» исполняла требования властей по сокращению числа религиозных организаций и религиозной активности. Так, после «соответствующей работы» уполномоченного по Москве и Московской области А. Трушина с преемником митрополита Николая (Ярушевича) митрополитом Питиримом (Свиридовым) последний пересмотрел состав благочинных, сменив 8 из 12 наиболее активных и принципиальных пастырей на людей более покладистых для власти¹⁰. Уголовные дела возбуждались и на приходских священников. Обвинения носили, как правило, экономический характер, чем подчеркивалось, что неподчинение политике властей со стороны священнослужителей и верующих имеет в первую очередь криминальный характер. На протоиерея Богдана Стефанко было заведено уголовное дело по обвинению в незаконном приобретении строительных материалов для постройки храма ^{11} .

Последовательно проводя политику по сокращению числа духовенства, власти подходили к решению вопроса комплексно: как через недопущение верующих к учебе в Духовных заведениях, лишение регистрации наиболее активных священников, так и сокращение числа священнослужителей через сокращение штатов церквей. Таким образом был искусственно создан и поддержан кризис кадров. В Московской епархии было сокращено количество второштатных священников и прекращены назначения для временного служения заштатных клириков. Были приняты решения об отказе в рукоположении лицам, оставившим гражданскую службу, пенсионерам, запрете дополнительных сборов и других мерах, направленных на укрепление позиций Церкви. В течение следующих 4 лет в Московской области было закрыто 30 храмов и значительно сократилось число священнослужителей: с 1959 по 1965 год количество храмов сократилось с 211 до 134; количество священнослужителей сократилось с 388 священников и 107 диаконов до 181 и 30 соответственно¹².

Оценивая ситуацию в епархиях и на приходах Центральной России после отставки Н. С. Хрущева, отметим, что, несмотря на административное давление властей, положение религиозных институтов во многом напрямую зависело от личности правящего архиерея, его авторитета, отношений с уполномоченным по делам религий. Ситуация и в приходах была аналогичной епархиальной. Дипломатический талант, выдержка, умение наладить диалог играли огромную роль в отношениях между священником и церковным советом, священником и уполномоченным, райсполкомом. О высоте архиерейского и пастырского служения, об авторитете священнослужителя среди верующих и неверующих говорят факты. Например, несмотря на противодействие государственных и партийных органов костромской архиепископ Кассиан не только не закрывал храмы в своей епархии, но с 1964 по 1983 год рукоположил 45 священнослужителей, найдя, что было весьма непростым делом, кандидатов на священнические места среди верующих людей, не окончивших учебные заведения, так как Учебный комитет РПЦ направлял для служения в епархию 1–2 человек в течение 2–3. а то и 5 лет и решить проблему кадров, рукополагая кандидатов в священство, имеющих духовное образование, не было возможности. По состоянию Костромской епархии на 1988 год в ней насчитывалось 67 действующих храмов¹³. Такой показатель держался фактически весь период служения архиепископа Кассиана в Костроме. Из этого можно заключить, что за период своего служения в Костромской епархии владыка рукоположил священнослужителей к 67 % храмов своей епархии¹⁴, что подтверждает факт возможности противостояния антирелигиозному наступлению при разумной осторожности и мудрости управления.

Таким же образом обстояло дело и с привлечением молодежи в храмы. Несмотря на запреты властей о привлечении молодежи к церковной жизни, например, в храмах Московской области продолжалось увеличение количества молодых людей, присутствующих на богослужении. К немалому возмущению уполномоченного по делам религии А. Трушина, накануне начала нового учебного года 30 и 31 августа 1960 года в храме г. Коломны молились 47 школьников, над 5 первоклассниками было совершено таинство крещения¹⁵.

Будучи вынужденным внешне быть лояльным антирелигиозной политике власти и отрицать на международных площадках гонение на религию, священноначалие Патриархии с конца 1950-х годов письменно через воззвания и статьи, устно через наставления укрепляло посредством епархиальных архиереев дисциплину среди духовенства, что свидетельствовало о заботе и повышении авторитета духовенства как среди верующих, так и в обществе:

Осуществляя свои задачи по укреплению разлагающихся приходов, «намеченных Советом к закрытию, они незамедлительно делали соответствующие переводы тех служителей культа, которые в глазах верующей части населения теряли свое достоинство, активно реагировали на внутрицерковные склоки¹⁶.

Меры по повышению дисциплины духовенства и авторитета его в обществе были актуальными и давали надежду переломить религиозную ситуацию как на приходе, так и в стране. Как уже отмечалось, роль священника в приходе была снижена до роли наемного служащего. Управление приходом не только распоряжениями светской власти, но и церковной было отдано

фактически старостам и приходскому совету. Священник не мог служить в приходе без регистрации у уполномоченного Совета по делам религий, являющейся своего рода лицензией на его деятельность - государственным разрешением на совершение богослужений. В 1961 году при специальной перерегистрации духовенства всем священнослужителям было предложено к исполнению распоряжение власти о том, что все требы на дому и панихиды на кладбищах можно совершать только по письменному разрешению государственных органов. Регистрация священникам выдавалась только в том случае, если они расписывались, подтверждая, что будут беспрекословно выполнять данное распоряжение. Получить разрешение на требы практически было невозможно, таким образом, духовенство оказалось лишенным возможности выполнять требы по просьбе верующих. Но если она была и дана, то в любой момент под любым предлогом священник снимался с регистрации и фактически выбывал «за борт жизни» без пенсии и пособия, так как епархия выплачивала пенсии только тем священникам, кто добровольно вышел за штат, а также вдовам священнослужителей. Таким образом, путем регистрации церковных треб власть проводила совершенно отчетливо выраженную политику религиозной дискриминации верующего населения СССР. Под официальным запретом была благотворительная деятельность Церкви, что лишало Церковь и духовенство выполнения главной миссии – заботы о страждущих, немощных и больных:

В СССР созданы условия, при которых становится невозможным и ненужным возрождение в какой-либо форме благотворительности, этого позорного пережитка эксплуататорского общества <...> Гроши, выделяемые церковью из своих огромных доходов, способны лишь унизить человека [2].

Но заштатные и престарелые священно- и церковнослужители, их вдовы, оставшиеся без государственных пенсий, так не считали¹⁷.

Социальные различия между городом и деревней определяли разницу между сельским и городским духовенством. В данном контексте дистанция огромного размера отделяла сельского священника от настоятеля собора в областном или столичном городе как в материальном, образовательном, культурном плане, так и в плане общения с властями, вынужденной солидаризации с государственной идеологией.

Однако все вышеперечисленные меры по воспитанию нового поколения священников, разложению приходов, дискредитации религии не приносили должного результата. Время показало невозможность искоренения религии, к каким бы методам и средствам не прибегали ее

противники. Именно такой вывод делает уполномоченный Совета по делам религий по Смоленской области в 1987 году:

Идет процесс воспроизводства религии, причем в новых поколениях советских людей. Имеют место факты мировоззренческой незрелости отдельной части молодежи, проявления нездорового интереса к религиозному прошлому, неосознанного участия в церковных праздниках и обрядах¹⁸.

Отметим, что, несмотря на прогнозы В. Г. Фурова по поводу воспроизводства церковных кадров [9: 29], несмотря на жесткий подход со стороны контролирующих органов, епархии с каждым годом пополнялись образованными клириками, прошедшими курс как очного, так и заочного отделений духовных школ. К примеру, архиепископ Костромской и Галичский Кассиан окончил Ленинградскую духовную академию и защитил кандидатскую диссертацию в 1958 году в возрасте 57 лет. От клириков своей епархии он неуклонно требовал повышения образовательного уровня. В целом в епархиях Центральной России (исключая Москву и Московскую область, где уровень образования был выше) количество священнослужителей с кандидатской богословской степенью составляло 12 % от общего количества духовенства 19. Как показывают документы, не только контролирующие органы уделяли внимание воспитанию церковных кадров. В первую очередь этим занималась Церковь, которой в тяжелое время гонений, преодолевая препоны власти, удалось воспитать новую генерацию священнослужителей, да еще и в нужном ей контексте. Говоря о заботе и внимании, которые уделялись священноначалием монастырям и духовным школам, приведем слова Патриарха Пимена, который говорил, что задача духовных школ – подготовить достойных священнослужителей, которые проводили бы жизнь благочестивую, трезвую, от суетных обычаев устраненную, в духе смиренномудрия и кротости [6: 370–371].

Серьезной мотивацией к повышению уровня образования духовенства было назначение окончивших академии в городские приходы и на должности благочинных. Священники стремились получить заочное образование, чтобы получить приход более достойного содержания. Например, в Костромской епархии в 1980-е годы из 6 благочинных 5 были кандидатами богословия²⁰.

1988–1989 годы стали переломными в церковно-государственных отношениях. Со времени хрущевских гонений начала 1960-х годов прошло двадцать лет. Обещанный на XXII съезде партии коммунизм так и не был построен, страна вступала в эпоху перемен,

перестройки. Были открыты 32 монастыря, 3000 новых приходов, 3 духовные семинарии, 6 духовных училищ, множество воскресных школ, увеличился прием в духовные учебные заведения, начались внебогослужебные катехизические занятия с верующими, духовенство получило доступ к СМИ, стало участвовать в общественном диалоге, свидетельствуя о колоссальном духовном опыте и огромных созидательных возможностях Церкви. Церковной властью практически были выполнены все пункты по преодолению духовного кризиса 1960–1970-х годов, к выполнению которых призывали активисты правозащитного движения, в частности в обращении С. Красовского от 4 июля 1987 года [7: 141–142]. Более того, за 1960– 1980-е годы РПЦ стала влиятельной международной силой. 25 мая 1978 года в выступлении на торжественном праздновании 60-летия Патриаршества Святейший Патриарх Пимен констатировал невозможные ранее факты, а именно, открытие и регистрацию семи новых приходов. Конечно, они располагались на окраинах Советского Союза: в Томской, Ростовской областях, Алтайском крае, в Узбекской, Казахской ССР, в Новгородской и Новосибирской епархиях, но это само по себе было позитивным прецедентом [6: 14]. И хотя об изменении ситуации со свободой религии в СССР на тот момент не могло быть и речи, однако отметим знаменательное в своем роде событие: в 1981 году Издательский отдел РПЦ переехал из тесных помещений Новодевичьего монастыря в отреставрированное здание на Погодинской улице, в 1983 году началось восстановление Данилова монастыря в Москве.

Генерация молодых священнослужителей, стоявших на патриотических позициях и пользовавшихся возможностью формы сотрудничества с властью в сфере «борьбы за мир», переломила ситуацию с восприятием образа церковника как врага власти. Глубоко закономерно, что в 1989 году в народные депутаты РСФСР нескольких автономных республик и областей, а также в окружные, городские районные и сельские советы по всей стране были избраны десятки священнослужителей Русской Православной Церкви. Патриарх Пимен был избран в состав высшего депутатского корпуса - он стал народным депутатом СССР [1: 290-291]. 3 апреля 1990 года было озвучено заявление Священного Синода Русской Православной Церкви, которое явилось историческим документом исключительного значения. Как подметил в своей оценке документа митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне Патриарх Московский и всея Руси), ничего подобного ранее не заявляли ни Синод, ни Архиерейские Соборы:

Документ свидетельствует о новом курсе, который приняла Русская Церковь в начале 1990 года. Суть курса заключается в том, чтобы, во-первых, определить позицию перед лицом быстро меняющейся политической ситуации, сохранить мир и единство Церкви, сформулировать главные проблемы, которые волнуют Церковь, и наметить пути ее преобразования. В документах сообщается о создании комиссии по возрождению религиозно-нравственного воспитания и благотворительности <...> Документ содержит в себе ясную и принципиальную оценку внутрицерковного положения, открытую критику в адрес правительства и, в частности, Совета по делам религий, предложения, направленные на коренные, принципиальные изменения церковно-государственных отношений. Вспомним, что документ был написан в далеком уже 1990 году, когда власть, к которой обращала своей слово Церковь, имела еще возможность в очередной раз противопоставить себя Церкви и заглушить ее голос [4: 36].

Выводы, которые можно сделать по данной теме на основании изученных документов центральных и региональных архивов, а также исследований заслуженных современных историков, таковы: антицерковная политика Н. С. Хрущева характеризовалась попыткой отменить результаты перемен в государственно-церковных отношениях, произошедших в послевоенные годы, вернуться к антирелигиозной деятельности, направленной на полное уничтожение религии в СССР. Реформа приходского управления, проведение единовременного учета религиозных объединений, закрытие храмов были внешними проявлениями этой политики. Появление на-

учного атеизма и широкое использование его в учебном процессе были призваны обеспечить идеологическую базу проводимого администрирования. Влияние государственного атеизма на внутрицерковную жизнь было достаточно велико и после отставки Н. С. Хрущева в 1964 году и сохранялось фактически до 1988 года, когда после празднования Тысячелетия Крещения Руси произошли перемены в государственно-церковных отношениях. Усиление внешнего контроля обеспечивалось созданием комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при райисполкомах, причем общее число членов этих комиссий существенно превышало число священнослужителей. Давление на православные приходы изнутри обеспечивалось введением в число их исполнительных органов людей нерелигиозных и аморальных, получавших поддержку местной власти за то, что они проводили деятельность по подрыву авторитета православия (зачастую не прилагая к этому никаких усилий, так как она была для них естественной). В этих условиях Русская Православная Церковь выстояла благодаря тому, что смогла внутренне дисциплинироваться, защититься желанием быть полезной государству, подразумевая под термином «государство» Родину, завоевала высокий авторитет своего служения среди народа (даже среди неверующих) благодаря пастырям, искренне избравшим служение Богу целью своей

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Текущий архив Иваново-Вознесенского епархиального управления (по состоянию на 2005 год). Годовой отчет по Ивановской епархии за 1970 год. Иваново, 1970.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 284. 82 с.
- ³ Архив Костромского епархиального управления. Личное дело протоиерея Степанова Владимира Михайловича. 69 с.
- ⁴ Архив Костромского епархиального управления. Личное дело архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (Ярославского). 95 с.
- ⁵ Архив Костромского епархиального управления. Годовой отчет Костромского епархиального управления за 1988 г. Раздел: Наименование статей расходов. Кострома, 1989. 12 с.
- ⁶ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 207, 216.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1747. 93 с.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1037. 101 с. С. 25.
- ⁹ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. СПб., 2003 С. 71–72.
- 10 ГАРФ. Ф. 6991 Оп.1. Д. 1037. 101 с. С.14.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 15.
- ¹³ Архив Костромского епархиального управления. Годовой отчет Костромской епархии за 1988 год. Кострома, 1989. 37 с.
- 14 Архив Костромского епархиального управления. Личное дело архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (Ярославского). 95 с.
- 15 Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 7383. Оп. 3. Д. 28. 132 с.
- 16 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 5. 113 с.
- ¹⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 29. 115 с.
- 18 Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 985. Оп. 2. Д. 75. 46 с.
- 19 Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. р-632. Оп. 7. Д. 2. 62 с.
- ²⁰ Архив Костромского епархиального управления. Годовой отчет Костромской епархии за 1988 год. Кострома, 1989. 37 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавский А.В. Приход в Русской Православной Церкви. ХХ век // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 290–291.

- 2. И в а н о в А. «Хрущевская оттепель» // Ивановский епархиальный вестник. 1998. № 4. С. 5–13.
- 3. Носов В. Церковное подаяние // Наука и религия. 1960. № 5. С. 86–90.
- 4. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. От редакции. Предисловие к разделу «Новейшая история русской Церкви в документах» // Церковь и время. 1998. № 1 (4). С. 36–38.
- 5. Окончание учебного года в Одесской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1959. № 7. С. 30–31.
- 6. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Речь на выпускном акте МДА 14 июня 1973 г. // Слова, Речи, Послания, Обращения. 1957—1977. Т. 1 / Изд. Московской Патриархии. М., 1977. С. 370—371.
- 7. Русов А. Открытое письмо А. Красовского // «Русское возрождение». Нью-Йорк; М.; Париж, 1987. № 40 (IV). С. 141–144.
- 8. Сообщения Института по изучению СССР. Мюнхен, 1965. № 1. 212 с.
- 9. Фуров В. Отчет Совета по делам религии членам Центрального комитета коммунистической партии СССР. Нью-Йорк; Монреаль, 1991. 79 с.

Sazonov D. I., Diocese of Kostroma (Kostroma, Russian Federation) Fedotov A. A., Institute of Management (Ivanovo, Russian Federation)

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1958-1988: ITS STATUS AND ACTIVITIES

This article is concerned with the analysis of the social status and activities of the Russian Orthodox Church clergy during religious persecutions conducted by N. Khrushchev up to the beginning of perestroika. The author characterizes the essence of the state control over the Church personnel policy. The limitations of the clergy's activity as a result of the reform of the parish administration in 1961 are studied. The author also identified the problem of the increased staff in parishes with a disproportionately small number of potential parishioners. On the basis of the archival materials and published documents, it is shown that during this period the Church was totally controlled by the state, which in every way limited its canonical activity. At the same time, the Church effectively used the platforms of "fighters for peace" and "patriotic activity" provided by the authorities. As a result the Church managed to train a new highly professional personnel and to gain credibility not only in the Soviet society but throughout the world as well. The author came to a conclusion that the proper employment of very limited opportunities during this historical period largely depended on the personality of the Bishop and priests.

Key words: parish life, clergy, Church, state, priest, education

REFERENCES

- 1. Zhuravskii A. V. Parish in the Russian Orthodox Church of the twentieth century. *Pravoslavnaya entsiklopediya. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*. Moscow, 2000. P. 290–291. (In Russ.)
- 2. I v a n o v A. "Khrushchev's thaw". *Ivanovskiy eparkhial'nyy vestnik*. 1998. No 4. P. 5–13. (In Russ.)
- 3. Nosov V. Church alms. *Nauka i religiya*. 1960. No 5. P. 86–90. (In Russ.)
- 4. Mitropolit Smolenskii i Kaliningradskii Kirill. Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad. From the editor. Preface to the section "Modern history of the Russian Church in documents". *Tserkov'i vremya*. 1998. No 1 (4). P. 36–38. (In Russ.)
- 5. The end of the school year in Odessa theological Seminary. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. Moscow, 1959. No 7. P. 30–31. (In Russ.)
- 6. Pimen, Patriarkh Moskovskii i vseya Rusi. The speech at the graduation ceremony of MDA 14 Jun 1973. Slova, Rechi, Poslaniya, Obrashcheniya. 1957–1977. Vol. 1. Moscow, 1977. P. 370–371. (In Russ.)
- 7. Rusov A. Ruses open letter to A. A. Krasovsky. "Russkoe vozrozhdenie". New York, Moscow, Paris, 1987. No 40 (IV). P. 141–144. (In Russ.)
- 8. Reports Of the Institute for the study of the USSR. Myunkhen, 1965. No 1. 212 p. (In Russ.)
- 9. Fur ov V. A letter of the council on religious Affairs to members of The Central Committee of the Communist party of the USSR. New York, Monreal, 1991. 79 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.04.2018

№ 5 (174). C. 45-50

Отечественная история

2018

УДК 93/99

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.167

ЯНКЕЛЬ ГУТМАНОВИЧ СОЛОДКИН

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного факультета, Нижневартовский государственный университет (Нижневартовск, Российская Федерация) hist2@yandex.ru

МИТРОПОЛИТ ТОБОЛЬСКИЙ ПАВЕЛ И СИБИРСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ КОНЦА XVII ВЕКА*

Целью исследования является раскрытие роли тобольского митрополита Павла I (ранее о ней говорилось лишь предположительно) в развитии сибирского летописания, которое велось при предшественнике этого владыки Корнилии, а скорее всего, и прежде. В задачи статьи входит определение редакций Сибирского летописного свода, возможно, сложившихся в бытность Павла I главой Тобольского архиерейского дома (1678–1692 годы), и круга повременных записей, отражающих судьбы владычной кафедры той поры, - записей, не исключено, появившихся при участии этого «святителя». Методами исследования служат выявление летописных известий, обнаруживающих интерес к деятельности митрополита Павла, их атрибуция книжникам, входившим в окружение этого владыки, и установление редакций Сибирского летописного свода, которые содержат наиболее значительные пласты соответствующих известий. В результате исследования определено, что внимание к деятельности Павла ощутимо в Книге записной и двух последующих редакциях этого свода – Головинской и Нарышкинской. Летописцы, в частности, сообщали о поездках этого владыки в Москву, наказаниях им воевод М. В. и И. В. Приклонских, перенесении «святителем» в Успенский Софийский собор останков архиепископов Макария и Герасима, митрополита Корнилия, «поставлении» Павлом (с наделением белой шапкой) архимандрита енисейского Спасского монастыря Матфея, освящении архиереем храмов, его предсмертной болезни и кончине. Десятки записей отведены в Головинской и Нарышкинской редакциях свода церковному строительству и доставке из Москвы колоколов; он запечатлел и немало случаев старообрядческих «гарей». Соответствующие известия, появлявшиеся иногда по горячим следам событий, есть основания возвести к двум летописным сочинениям, одно из которых стало источником Книги записной, а второе, подчас менее обстоятельное, – Головинской и Нарышкинской редакций свода. Оба эти произведения заметно отличаются по составу статей. Сообщения Книги записной о длительной болезни митрополита (после перенесения им в освященную накануне Успенскую соборную церковь останков прежних сибирских владык и перед смертью), его возвращении из Москвы в Тобольск 2 января 1683 и 20 марта 1687 годов можно приписать очевидцам, скорее всего лицам, близким к Павлу I, как и запись из Головинской редакции свода о перипетиях строительства каменного Успенского собора. В конце XVII века Тобольский архиерейский дом оставался центром летописания, которое одновременно велось и в воеводской «избе» «царствующего града» «Сибирской страны».

Ключевые слова: митрополит Тобольский Павел I, Сибирский летописный свод, Книга записная, Головинская и Нарышкинская редакции Сибирского летописного свода, летописные сообщения о деятельности митрополита Павла, известия летописного свода о церковном строительстве и самосожжениях раскольников

В последние годы XVII века в Тобольске возникло несколько редакций Сибирского летописного свода (далее – СЛС). К созданию одной из них – Головинской (далее – ГР), по допущению Н. А. Дворецкой, оказался причастным митрополит Павел I, ибо она содержит известие о приезде этого владыки из Москвы в Тобольск в 1678 году [2: 59, 115, ср. 71]. (Точнее, новый митрополит прибыл в «столнейший град» Сибири год спустя.)

Насколько оправданно такое предположение и мог ли «святитель», без малого 13 лет находившийся во главе Тобольского архиерейского дома, сыграть какую-то роль в появлении и указанной – Головинской, – или более ранней – Книги записной (далее – КЗ), либо сложившейся впо-

следствии Нарышкинской редакции (далее – HP) обширного летописного свода, запечатлевшего перипетии истории «русской» Сибири со времен похода Ермака до кануна Петровской эпохи?

В КЗ подобно ряду предшествующих сообщений о тобольских архиереях¹ говорится о приезде из Москвы в сибирский «царствующий град» 25 марта 1679 года митрополита Павла, хиротонисанного из чудовских архимандритов «в неделю» 21 июля предыдущего года². Как повествуется в КЗ, в 1680/81 году в соответствии с государевой грамотой «привожен был и головою отдан» Павлу младший тобольский воевода стольник М. В. Приклонский. Его 6 января того же года отлучили от церкви «за презорство

46 Я. Г. Солодкин

и гордость, и за неистовое ево житие, и блудодеяние, и за непристойные и поносные речи», и 8 марта 1692 года М. В. Приклонский выехал в Москву «во отлучении под анафемою» от митрополита, и там не получил аудиенции у «великих государей» и патриаршего благословения, и хотя «последи постригся и посхимился», скончался, так и не дождавшись «прощения и разрешения, во отлучении от архиерея». Согласно КЗ, в 1684/85 году возвращавшийся из Якутска воевода стольник И. В. Приклонский в Тобольске на основании царской грамоты «за архиерейский понос сажен в тюрму на тюремном дворе и ко архиерею из приказныя полаты посылан был головою». По словам летописца, тогда же тюменский воевода стольник Т. Г. Ртищев «отсылан головою же ко архиерею (митрополиту Павлу. – $\mathcal{A}$. $\mathcal{C}$.), и велено его (очевидно, государевой грамотой. - $\mathcal{A}$. $\mathcal{C}$.) в тюрму садить. И он архиерея умолил, и простил его архиерей, а в тюрму не сажен по умолению боярскому (тобольского воеводы князя П. С. Прозоровского. – Я. С.)»³. 1 февраля 1682 года, вслед за получением грамоты царя Федора Алексеевича, - констатируется в КЗ, сибирский митрополит выехал в Москву, откуда вернулся 2 января 1683 года⁴, «того же дни и на гору, в соборную церковь, пришел из монастыря (Знаменского. – $\bar{A}$. C.) со кресты и служил, и стол у него был». (Ранее в старшей редакции свода говорится о поездках в столицу архиепископов Симеона и Корнилия⁵). В 1685/86 году по поручению тобольского владыки с его отписками царям Ивану и Петру, а также патриарху, как мы узнаем из КЗ, в Москву ездил «собору большаго» протопоп Константин Кубасов, и привезенными им в январе грамотами митрополит вызывался в «царствующий град». 4 февраля, в четверг мясопустной недели, Павел, «отслужа божественную литургию в соборной церкви и молебствовал», «не входя в полаты», отправился в Москву, куда прибыл в марте. Как поясняет летописец, владыка находился со второго приезда в сибирскую столицу «по второй же поезд к Москве из Тобольска 3 года и месяц един», а первая поездка продолжалась (о чем уже было сказано) 11 месяцев – с 1 февраля 1682 до 2 января 1683 года. В 1686/87 году Павел в третий раз отправился из Москвы в Тобольск; в «первоимянитый град» Сибири владыка прибыл 20 марта, в вербное воскресенье, к обедне, тогда он «шел на гору в соборную церковь из Знаменского монастыря со кресты и литургию служил»; после разрывающего повествование сообщения о «сидении» в Тобольске боярина князя П. С. Прозоровского «с товарыщи» с 11 апреля 1684 до 19 января 1686 года сказано, что очередное архиерейское «путешествие» продолжалось год и 10 дней⁶.

Обращает на себя внимание и летописное известие о том, что 27 октября 1685 года, во вторник, Павел освятил в Тобольске соборную

церковь «своего строения каменную Успения Пресвятыя Богородицы»⁷, а следом в течение трех дней перенес останки прежних сибирских архиереев Макария, Герасима и Корнилия из деревянной Сергиевской церкви⁸ в соборную и положил их на правой стороне, подле стены, в трех гробницах. После освящения Успенского (Софийского) собора, как счел нужным сообщить анонимный книжник, «великий архиерей Павел скорбел близ четырех недель, и в той скорби маслом святым посвятился и споведался, и святых тайн Христовых причастился, и... подаде ему Господь Бог облегчение». По свидетельству летописца, в 1686 году «охочие» отправились на одном из 39 дощаников («митропольим») за солью на Ямышевское озеро (как и двумя годами прежде); при этом «войсковом караване» письменного головы стольника Г. Ф. Синявина находился соборный поп Афанасий. КЗ, работа над которой прервалась в 1688 году, завершается известиями о старообрядческих «гарях» в Каменке и на Юрмыче, пожаре в Тюмени, как «говорят... от раскольнаго ж вымыслу», новой попытке самосожжения в пустыни на Юрмыче («в ином месте»), куда были посланы «на разговор от архиерея собору большаго ключарь Иван Васильев», сын боярский «из приказной палаты» Афанасий Ушаков, подьячий Стефан; «и их (староверов. – $\mathcal{A}$. C.) де они разговорили»⁹.

Таким образом, самая ранняя из дошедших до нас редакций СЛС сохранила ряд более или менее подробных записей, которые, вероятно, появились в стенах Тобольского архиерейского дома, даже в окружении митрополита Павла: об отлучении им воеводы М. В. Приклонского, «посылке» к владыке «головою» И. В. Приклонского, прощении святителем Т. Г. Ртищева, поездках митрополита в Москву, перенесении Павлом останков прежних архиереев из Сергиевской церкви в соборную «своего строения», постигшей затем владыку болезни. Таким образом, в 1680-х годах его резиденция оставалась центром официального сибирского летописания наряду с воеводской «палатой».

ГР содержит десятки отсутствующих в КЗ преимущественно лаконичных записей, которые, скорее всего, сделаны в Софийском доме, учрежденном в 1620 году на востоке России. Таковы, в частности, известия о выезде хиротонисанного митрополита из Москвы в Тобольск 9 февраля 1679 года¹⁰, погребении Павлом своего предшественника на святительском престоле Корнилия 17 июля того же года¹¹, «поставлении» архимандрита Матфея (с наделением его белой шапкой 12) в енисейский Спасский монастырь «рукоположением» Павла 13 мая 1679 года, о доставке из Москвы в Тобольск к соборной церкви больших колоколов 18 марта 1680 и 17 мая 1684 годов (эти колокола повезли в Сибирь в январе 1679 и 1681/82 годов соответственно) 13, пространный

рассказ о возвращении митрополита из Москвы в Тобольск в «нынешнем» 1686/87 году (оказывается. 19 марта Павла, вступившего в 3-м часу дня в 1-й четверти в Знаменский монастырь, встречали в деревне Шишкиной, затем в Медянских юртах, а 20 марта, в цветоносное воскресенье, в 1-м часу дня к владыке на Софийский звоз прибыли разрядный воевода боярин А. П. Головин, многие протопопы и священники; митрополит из Знаменского монастыря «на гору взошел в 4-м часе дни и... служил обедню»)¹⁴. Если в КЗ лишь упоминается об освящении Павлом каменного Успенского собора 27 октября 1686 года, то благодаря ГР известно, что «почали ров копать» под эту церковь 3 июля 1681 года, ее стали «созидать» 22 апреля 1683 года, но, когда «склали церковный верх шеи немного не до главы», 17 июня 1684 года «паде у церкви столбы и обломилися своды, и верх весь паде внутрь церкви», строительство которой возобновилось в 1684/85 году; она была «совершена» и освящена в октябре 1685 года. В ГР налицо еще почти два десятка записей, где с точностью до дня определено время закладки, окончания строительства и освящения церквей, главным образом в Тобольске¹⁵. По сведениям летописца, 28 апреля 1679 года, «в неделю Фомину», была заложена Троицкая церковь на святительском дворе, освященная 30 августа того же года; 4 апреля 1679 года в Тобольске стали сооружать Никольскую церковь с приделом Димитрия Солунского, освященную спустя восемь месяцев (3 декабря); 21 марта 1680 года освятили Троицкую церковь, заложенную «на прежнем месте... у прежнего гостина двора», 1 июня 1679 года; через 12 дней была заложена церковь «во имя Вход во Иерусалим... на прежнем месте, что на торговой площади» (освящение состоялось 5 июня 1681 года); к 23 сентября 1679 года относится «совершение и освящение» церкви во имя Сергия Радонежского, заложенной 6 июля того же года «на святительском дворе над телесы прежних архиереев», на месте бывшей «преукрашенной» Троицкой церкви; в мае и июне 1681 года были заложены Вознесенская церковь в городовой стене и Троицкая возле этой стены, «гостина двора» (на старом месте); их освящение произошло в 1681/82 и 1682/83 годах соответственно (все эти храмы возвели взамен сгоревших в страшном пожаре 29 мая 1677 года)¹⁶. В течение 1679/80–1680/81 годов, если следовать ГР свода, велось строительство каменных палат на Софийском дворе. К маю 1679 года в этой летописи «о Сибирсьтей стране и о начале, где царие царствоваху и князи князяху... и о бывших временах в Сибири по взятии... и о поставлении... града Тоболска и протчих сибирских градов»¹⁷ отнесена закладка церкви во имя Евфимия Суздальского в софийском селе Преображенском, что в Тобольском уезде (ее освятили в августе того же года). По данным ГР, 17 мая 1680 года

«в вечеру» на Абалаке до основания сгорели Богородицкая и Преображенская церкви с колокольней, но иконы удалось спасти, их поставили в сооруженную на следующий день часовню. а образ Знамения 8 июля отнесли в тобольскую Троицкую церковь; уже в мае 1680 года на Абалаке заложили Преображенский храм, освященный в августе, и туда перенесли иконы, в том числе образ Знамения Богородицы, из сгоревших церквей. После случившегося в Тобольске 7 августа 1680 года пожара, в октябре того же года, под горой, где размещалась колокольня, была заложена и освящена в том же году Богоявленская церковь. В ГР СЛС упоминается о том, что 22 июля 1683 года около церкви Сергия Радонежского начали копать ров для каменной соборной колокольни; ее «совершение» летописец приурочил к 1684/85 году, когда на Софийском дворе были заложены и святые каменные ворота с церковью Сергия Радонежского (деревянную церковь Сергия перевезли в софийское село Преображенское)18.

В ГР мы находим и заметки о строительстве в Тобольске деревянной церкви во имя Владимирской Богоматери (на прежнем месте, под горой) в 1686 году и (по митрополичью благословению) каменной Троицкой церкви три года спустя. Подробно рассказывая о сооружении в 1688 году в «начальном граде» Сибири земляного вала и рва, летописец отметил, что около Софийского двора был «поставлен» острог, а владыка «построил ныне башни и меж башнями стены каменные». По его «челобитью», как сообщается в ГР, с 20 пудов слюды, обнаруженной в Тобольском уезде, за Чумляцкой слободой, отдали «на строение окончин к соборной церкви». В той же редакции СЛС имеется указание на освящение митрополитом 27 июня 1689 года церкви Петра и Павла, воздвигнутой на средства боярина А. П. Головина, и упоминается (в двух списках летописи) о дарах этого тобольского воеводы архиерею и причту вслед за освящением храма.

В ГР обстоятельно рассказывается о возникновении Утяцкой слободы и состоявшейся там (после неудачной попытки игумена Далматовой пустыни Исакия уговорить раскольников) массовой «гари», причем отмечено, что бежавшие из слободы старцы умерли в Тобольске в 1682/83 году, а некоторых из них сожгли в следующем; под 1686/87 годом (как и в КЗ) говорится о старообрядческих самосожжениях в Каменке и на Юрмыче. Но если в КЗ утверждается, что в Каменке 27 марта сгорели Покровская и старая церкви «с людми от пороху», были убиты бревнами и раскольники, как говорят, сожгли с собой «человек с полтретьяста», то в ГР сообщается о загоревшейся «с ысподи» одной церкви, куда собралось с 300 «всяких чинов» местных жителей, некоторые из которых «выкидывались в окна». По свидетельству создателя КЗ, в «раскольной 48 Я. Г. Солодкин

пустыни», «на Юрмыче близ Киргинские слободы, что в Верхотурских уездах», сгорело «близ» ста человек. В ГР же сказано о погибших на Юрмыче, но в Тобольском уезде — 30 «и болши» крестьян с женами и детьми. В той же редакции СЛС говорится (о чем в КЗ мы не прочтем) о старообрядческой «гари» на Тегени (в Тюменском уезде) и в Куярской слободе на Пышме.

«Слогатель» ГР, наконец, сообщил о том, что 26 июня 1691 года «в 9 часу дни» тобольский митрополит «заскорбел скоропостижною болезнию»: «язык и правая рука и нога заболели и памяти не стало, и бысть от того языком гугнив августа до последних чисел»; в 1691/92 году по царскому указу Павел выехал в Москву, но в дороге «болезнь паки усугубися», и, не доехав до Соли Камской, на Верхотурском волоке, «зовомо на Чикмане», в январе владыка скончался¹⁹.

Как нетрудно заметить, в ГР свода отсутствуют многие известия КЗ, которые можно возвести к владычному летописцу того времени, когда митрополитом Тобольским являлся Павел І: о наказаниях М. В. и И. В. Приклонских, прощении архиереем Т. Г. Ртищева, перенесении в Успенский собор останков прежних сибирских святителей, последующей болезни митрополита, его отъезде в Москву в 1686 году, продолжительности второго «путешествия... архиерейского» в столицу²⁰ и пребывания в Тобольске до начала этой поездки, первых старообрядческих самосожжениях и предотвращении повторной «гари» на Юрмыче. Зато в ГР насчитывается три десятка сообщений такого рода, которые мы не найдем в КЗ (о церковном строительстве в Тобольске и поблизости от него²¹, о времени отъезда Павла из Москвы на свой «богопорученный престол», погребения этим владыкой митрополита Корнилия, «поставления» Павлом архимандрита енисейского Спасского монастыря Матфея, доставке из столицы колоколов, старообрядческих «гарях» в Утяцкой слободе и на Тегени, освящении митрополитом Петропавловской церкви, его предсмертной болезни и кончине). Кроме того, в ГР гораздо подробнее, нежели в КЗ, сообщается о встрече вернувшегося из Москвы владыки 19 и 20 марта 1687 года, названного «нынешним», то есть рассказ написан по горячим следам. Думается, источником ГР послужил созданный в окружении Павла I (прежде всего об этом выразительно свидетельствуют строки, отведенные его болезни накануне смерти и кончине) летописец, отличающийся от использованного в КЗ, – летописец, фиксировавший главным образом факты церковного строительства в Тобольске, на Абалаке и в селе Преображенском.

В НР – следующей по времени создания за ГР – сказано про обрушение «верха» строившегося Успенского Софийского собора 26 (а не 27) июня 1684 года; при этом объясняется, что «столпы тонкости ради не удержаша великия тягости.

А паде в нощное время, а людей Бог милостию своею сохранил» ^{22} .

В НР свода сообщается, что 300-пудовый колокол для Успенского собора, привезенный из Москвы 17 мая 1684 года, отлили по благословению митрополита Павла «на домовые казенные денги». Если из ГР нам известно о закладке в июле 1685 года каменной Знаменской церкви в тобольском Знаменском монастыре, то в НР (а также ТР) речь идет о Преображенской церкви этой обители, заложенной в 1684/85 году и освященной 6 сентября 1690 года²³. В ГР упоминается о том, что каменную Троицкую церковь «подле малой город» «обложили» по митрополичьему благословению в октябре 1689 года. В НР и двух более поздних разновидностях СЛС сказано, что эта церковь, «совершенная и освященная» 3 сентября 1690 года, «строена на софейские казенные денги и на ево (Павла. – $\mathcal{A}$. $\mathcal{C}$.) архиерейские, келеные (келейные. – $\mathcal{A}$. $\mathcal{C}$.) денги ж по ево обещанию». В НР сравнительно с ГР есть еще четыре записи о церковном строительстве в Тобольске и его окрестностях. Таковы сообщения о закладке 17 сентября 1690 года на Софийском дворе у палат сенной церкви во имя сорока мучеников, «иже в Севастийском езере» (ее освящение состоялось уже 13 октября того же года), закладке каменной Владимирской церкви «под горою у торга» 23 июля 1691 года, каменной Знаменской церкви на Абалаке 8 июля 1683 года (митрополит освятил ее 8 октября 1690 года), каменного Преображенского храма в софийском селе Преображенском 5 октября 1690 года (освящение состоялось 30 сентября 1691 года)²⁴. Создатель НР дополнил сообщения своего предшественника о «гари» в Каменке, вдобавок поведал о самосожжении староверов на реке Березовке и указал, что «гарь» в Куяровской слободе произошла в деревне Боровикове. Кроме того, в НР в отличие от предыдущих повествуется о том, что в Каменке (в 20 верстах от Тюмени) собралось с 400 прихожан, а многие прыгавшие из окон загоревшейся церкви «высоты ради убивалися до смерти, а иные ломали руки и ноги». «Гарь» на Юрмыче, унесшая жизни 50 с лишним человек (а не сотни или 30 «и болши»), как следует из HP, состоялась в 1687/88 году, то есть на год позднее, чем утверждалось в КЗ и ГР. На Тегени, что в 50 верстах от Тюмени, по данным «списателя» НР, погибли как минимум 300 человек (в ГР же утверждалось, что около 60). Наконец, вслед за известием о смерти митрополита Павла в НР сказано, что он в Тобольске «пас церков Божию лет» (для их обозначения оставлено место)²⁵. Скорее всего, интересующие нас сведения НР почерпнуты из того же митрополичьего летописца, к которому часто обращался «слогатель» ГР СЛС.

Насколько известно, в конце XVII века местные иерархи были причастны к летописанию в Новгороде Великом, Вологде, Ростове, так что

появление в стенах Тобольского архиерейского дома повременных записей, отражающих события святительства Павла I, является для того периода в значительной мере типичным.

Оказавшись во главе Сибирской епархии, этот владыка мог санкционировать ведение летописания в Тобольске, поскольку оно становилось там уже традиционным, существовало при «первопрестольном» митрополите Корнилии, а не исключено, и ранее – в годы, когда «архиепископство» в «русской» Сибири занимал Симеон (1651–1664). Учтем также, что до «поставления» в тобольские митрополиты Павел являлся архимандритом Чудова монастыря – давнего центра летописания. Возможно, новый святитель привез с собой за Урал созданную в этой обители летопись, послужившую источником «обшерусских» известий СЛС [7: 147]. Этот свод, между прочим, должен был запечатлеть деятельное участие Павла в церковном строительстве и борьбе с нарушениями религиозных и бытовых норм местными администраторами, так что митрополит мог заниматься «летописным делом» и по личным мотивам, и стремясь укрепить авторитет самой обширной российской епархии.

Рассмотрение «церковных» известий ГР и HP СЛС, а также КЗ склоняет к мысли о том, что в 1678–1692 годах, когда митрополитом Тобольским являлся Павел, видимо, не без его участия в архиерейском доме возникли два летописных сочинения, запечатлевшие, причем с разной степенью полноты, многочисленные факты строительства храмов, поездок владыки в Москву, доставки оттуда колоколов для Успенского Софийского собора, а также перенесения в этот собор останков архиепископов Макария и Герасима, митрополита Корнилия, наказаний воевод, самосожжений раскольников. Стало быть (вопреки мнению Е. К. Ромодановской [4: 88], [5: 48]. [6: 421]²⁶), в конце XVII века Тобольский архиерейский дом оставался центром летописания наряду с воеводской «избой». Сложившиеся там произведения (в форме повременных записей) явились источниками нескольких редакций СЛС, в которых изложение иногда доводилось до событий последних месяцев.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Департамента образования и молодежной политики ХМАО-Югры № 18-49-86002.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). М.: Наука, 1987. Т. 36. С. 146, 148, 151, 153, 157, 161.
- ² Там же. С. 171. Последняя из этих дат повторена в других редакциях СЛС. В. К. Зиборов почему-то писал о «поставлении» Павла в митрополиты Тобольские 21 июня 1678 года [3: 3].
- ³ ПСРЛ. Т. 36. С. 17̂2, 175.
- ⁴ В ГР, НР и Томской редакции (далее ТР) свода возвращение митрополита из столицы приурочено к следующему дню (ПСРЛ. Т. 36. С. 217, 277, 333).
- ⁵ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 158, 160, 161, 163. ⁶ Там же. С. 172, 173, 175–176.
- Утверждать, что строительство собора было закончено годом прежде [1: 114—115], не приходится.
- ⁸ В ГР она названа Троицкой. В той же редакции СЛС рассказывается о перенесении митрополитом Корнилием 19 сентября 1675 года «ис-под соборные церкви» «телес» прежних тобольских архиереев Макария и Герасима в новую Троицкую церковь на святительском дворе. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 209–210, 212.
- 9 ПСРЛ. Т. 36. С. 169, 175–177.
- ¹⁰ В других редакциях СЛС этого известия нет. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 171, 275, 331, 351, 375. Ср.: С. 101.
- 11 В КЗ сказано о смерти Корнилия в схиме в Знаменском монастыре в 1677 года «декабря против 24 числа, нощи в 8-м часу». В ГР последнего замечания нет, как и указания на кончину митрополита в Знаменской обители, но отмечено, что до погребения Корнилий лежал там в церкви. Создатель НР посчитал данное сообщение излишним, но добавил, что Корнилий являлся архиепископом Тобольским 4 года, а митрополитом «лет 10» (ПСРЛ. Т. 36. С. 170, 213, 274. Ср.: С. 351, 375).
- 12 В ГР упоминается о пожаловании архиепископом Симеоном белой шапки архимандриту тобольского Знаменского монастыря Иосифу 17 апреля 1652 года (ПСРЛ. Т. 36. С. 202).
- ¹³ В ГР упоминается о доставке колокола из Москвы «к соборной церкви» Тобольска в 1650/51 году и «колокола-благовестника», присланного государем «первопрестолнику Киприяну архиепископу» (ПСРЛ. Т. 36. С. 203, 212).
- 14 ПСРЛ. Т. 36. С. 213–215, 220, 223–224. Примеч. 16.
- ¹⁵ В ГР есть всего несколько таких известий за 1646, 1668/69, 1670/71, 1673/74, 1676 и 1677 годы (ПСРЛ. Т. 36. С. 201, 208, 209, 212. Ср.: С. 155–157). ¹⁶ ПСРЛ. Т. 36. С. 212, 215–217.
- ¹⁷ Там же. С. 177.
- ¹⁸ В двух списках ГР говорится о закладке этих ворот, а также ограды между соборной церковью и святыми воротами в сентябре 1685 года. В тех же рукописях сказано о закладке в июле того же года в Знаменском монастыре по благословению митрополита Павла, «челобитью и тщательством» архимандрита этой обители Матфея с братией каменной Зна-
- менской церкви (ПСРЛ. Т. 36. С. 220. Примеч. 65–67).

  ¹⁹ ПСРЛ. Т. 36. С. 177, 215–219, 222, 225–230. В НР и Академической редакции СЛС говорится о смерти Павла 4 января (Там же. С. 285, 376). В. К. Зиборов в данной связи безосновательно писал про 4 февраля [3: 3].
- ²⁰ По подсчету летописца, оно длилось год 10 дней. Точнее, это «путешествие» продолжалось с 4 февраля 1686 до 20 марта 1687 года, то есть год и полтора месяца.
- ²¹ В К3, напомним, идет речь лишь об освящении Павлом Успенского Софийского собора.
- ²² Об этом мы читаем также в ТР и Шлецеровской редакции (далее ШР) свода. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 332, 351.
- 23 ПСРЛ. Т. 36. С. 279, 335. В ШР СЛС при этом сказано про 6 сентября, в продолжении Абрамовского летописца 5 сентября 1685 года (Там же. С. 102, 352). ²⁴ ПСРЛ. Т. 36. С. 104, 283, 284, 338, 353.

50 Я. Г. Сололкин

25 Там же. С. 275, 282, 285. Ср.: С. 103, 331, 337, 351.

²⁶ См. также: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 8, 362 (История Сибири: Первоисточники. Вып. X).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. А л е к с е е в В. Н. Новонайденная икона С. У. Ремезова «София Премудрость Божия» из Тобольского Успенского Софийского собора // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков / Отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев. Тобольск: РИО ГПНТБ СО РАН, 2005. С. 103–119.
- 2. Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука, Сибирское отдние. 1984. 136 с.
- 3. Зиборов В. К. Павел // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П-С. С. 3-4.
- 4. Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. Т. 1. 606 с.
- 5. Ромодановская Е. Тобольские летописцы // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск живая былина. С. 45–49. 6. Ромодановская Е. К. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. С. 420–423.
- 7. Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины второй половины XVII века. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2011. 211 с.

Solodkin Ya. G., Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation)

METROPOLITAN PAUL I OF TOBOLSK AND SIBERIAN CHRONICLE WRITING OF THE LATE 17th CENTURY

This paper is concerned with the role of Metropolitan Paul I of Tobolsk (previously discussed on assumptions only) in the development of the Siberian chronicle writing, which was conducted under the predecessor of this bishop, Cornelius, and most likely before. The objectives of the paper include the definition of the editions of the Siberian Chronicle, probably formed during the stay of Paul I as a head of the Tobolsk Bishop's House (1678–1692), and of the range of the year-by-year records revealing an interest in the fate of the metropolitan department of that time – records that may have appeared with the participation of this prelate. The methods of study employed in this paper are the identification of chronicle reports, in which the interest in Metropolitan Paul's activities is revealed, and which are attributed to the scribes of the Sophia Bishop's House, who served under Metropolitan Paul. The research is also aimed at the establishment of Siberian Chronicle editions that contain the most significant layers of such reports. In the course of the study it was determined that the interest in Paul's activities is felt in Kniga Zapisnaya (the Book of Records) and in two subsequent editions of this collection – Golovinskaya and Naryshkinskaya. The chroniclers, in particular, reported on the trips of this lord to Moscow; the punishments of voivodes M. V. and I. V. Priklonsky; the transfer of the remains of the archbishops Makary and Gerasimus, Metropolitan Kornilius to the Assumption Cathedral of St. Sophia; Paul's "consecration" (with the granting of the white cap) of Archimandrite of the Yenisei Spassky Monastery of St. Matthew; the bishop's consecration of temples, his illness and further death. Dozens of entries in the Golovinskaya and Naryshkinskaya editions of Siberian Chronicles are devoted to the church construction and the process of church bells' delivery from Moscow; multiple cases of Old Believers "fires" were also registered. Relevant reports that appeared in the hot pursuit of events provide grounds to connect them with two annalistic works. One of them became the source for Kniga Zapisnaya, and the second, sometimes less detailed, for Golovinskaya and Naryshkinskaya editions of Siberian Chronicles. Both of these works differ significantly in the composition of entries. Messages from Kniga Zapisnaya on the prolonged illness of the metropolitan (after the transfer of the remains of former Siberian lords conducted by him before his death), on his return from Moscow to Tobolsk on January 2, 1683 and March 20, 1687 can be attributed to eyewitnesses, most likely to persons close to Paul I. The same conclusions can be made about the records from the Golovinskaya edition of the Siberian Chronicles about the ups and downs of the construction of the stone Assumption Cathedral. At the end of the 17th century, the Tobolsk Bishop's House remained the center of chronicle writings with the latter being simultaneously conducted in the voivode administration of the "reigning city" of Siberian land.

Key words: Metropolitan Paul I of Tobolsk, Siberian Chronicles, Kniga Zapisnaya, Golovinskaya and Naryshkinskaya editions of Siberian Chronicles, annalistic reports on the activities of Metropolitan Paul, chronicle reports on the church construction and self-immolations of Old Believers

* This study was conducted with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Department of Education and Youth Policy of Khanty-Mansi Autonomous Area-Yugra № 18-49-86002.

REFERENCES

- 1. A lekseev V. N. The newly-found icon of S. U. Remezov "Sophia the God's Wisdom" from Tobolsk Uspensky Sophia Cathedral. Semyon Remezov and the Russian culture of the second half of the 17th-19th centuries. Ed. by Ye. I. Dergacheva-Skop and V. N. Alekseev. Tobolsk, RIO GPNTB SO RAN Publ., 2005. P. 103–119. (In Russ.)
- 2. Dvoretskaya N. A. The Siberian Chronicles (the second half of the 17th century). Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1984. 136 p. (In Russ.)
- 3. Ziborov V. K. Pavel. *Dictionary of chroniclers and chronicles of Ancient Russia*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1998. Issue 3 (17th century). Part 3: P–S. P. 3–4. (In Russ.)
- 4. Essays on the Russian literature in Siberia: In two vol. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1982. Vol. 1. 606 p. (In Russ.) Romodanovskaja E. Tobolsk chroniclers. Rodina. 2004. Special issue: Tobolsk: A Living Epic. P. 45-49. (In Russ.)
- 6. Romodanovskaja E. K. Description of the establishment of towns and stockade settlements in Siberia upon its acquisition. Dictionary of chroniclers and chronicles of Ancient Russia. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1993. Issue 3 (17th century). Part 2: I–Ó. P. 420–423. (In Russ.)
- 7. Solodkin Ya. G. In the footsteps of Savva Yesipov: Essays on the history of Siberian chronicle writing of the middle second half of the 17th century. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk University of Humanities Publ., 2011. 211 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.05.2018

№ 5 (174). C. 51-55

Отечественная история

2018

УДК 94(470.22)

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.168

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ЗЕЛЕНСКАЯ

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

ЭВАКУАЦИОННЫЕ ПЕРЕВОЗКИ – ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Эвакуационные перевозки, осуществлявшиеся по Кировской железной дороге летом — осенью 1941 года, проводились в экстренном порядке. Одновременно с транспортировкой материально-технической базы и жителей КФССР коллектив Кировской магистрали демонтировал и вывозил имущество своих служб и депо. Перевозил документы и архив железнодорожного управления. Слаженная деятельность работников магистрали позволила сохранить и переправить в тыл значительную часть промышленного оборудования, скота, строительных материалов, продовольствия и населения республики. На оккупированной противником территории осталась лишь малая доля железнодорожного имущества. Однако в делопроизводственной документации из фондов Национального архива Республики Карелия встречается низкая оценка деятельности Кировской магистрали в этом направлении. В частности, указывается на невыполнение администрацией магистрали плана предоставления подвижного состава для предприятий и организации КФССР. Анализ исторических источников, сопоставление данных показали на объективные причины, не позволившие управлению дороги направить установленное планом количество вагонов и платформ. По этим же причинам железнодорожникам пришлось уничтожать и оставлять имущество магистрали на территории, занятой противником.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кировская железная дорога, эвакуационные перевозки

Отступление частей и соединений Красной армии на начальном этапе Великой Отечественной войны заставило советское руководство принять экстренные меры по эвакуации населения, промышленных предприятий, продукции сельского хозяйства из прифронтовой зоны в тыловые районы страны, где создавалась новая экономическая база [15: 34].

Эвакуация населения и материально-технической базы СССР в годы Великой Отечественной войны остается одной из центральных тем в отечественной историографии на протяжении многих лет. Этому вопросу посвящены монографии [8], [12] и статьи [7], [13], [17]. По данной теме защищены диссертации [1], [9], [16].

Карельские ученые на основе регионального материала проанализировали деятельность Комиссии по эвакуации КФССР, рассмотрели направления эвакуации грузов и населения, а также условия, в которых оказались эвакуированные из КФССР люди [2], [3], [10], [11], [15]. До сегодняшнего дня вне внимания исследователей оставался вопрос об участии карельского транспорта в проведении эвакуации.

На территории Европейского Севера СССР военные действия начались 29 июня 1941 года с наступления немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия» из района Петсамо в направлении Мурманска¹. 1 июля 1941 года немецкие войска нанесли удар на кандалакшском направлении.

Действия вооруженных сил Германии поддерживались финскими войсками, которые в начале июля 1941 года начали наступление на кестеньгском, ухтинском, ребольском, петрозаводском и олонецком направлениях. Немецко-финские войска стремились захватить г. Мурманск, блокировать военно-морскую базу Полярный, выйти к Беломорско-Балтийскому каналу и перерезать Кировскую железную дорогу. Отрезав регион от железнодорожного сообщения с центральными районами страны, противник планировал выйти к рекам Свирь и Волхов и соединиться с группой армий «Север», наступавшей на Ленинград [6: 31, 35, 39, 40].

В условиях стремительного продвижения войск противника вглубь территории Карело-Финской ССР руководство республики предприняло активные действия по организации эвакуации имущества промышленных предприятий, колхозов, органов власти и управления, образовательных учреждений и населения. Эвакуация проводилась с использованием автомобильного, водного и железнодорожного транспорта.

Целью данной статьи является изучение на основе широкого корпуса источников эвакуационных перевозок, осуществлявшихся по Кировской железной дороге на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Эвакуационные перевозки, проводившиеся по Кировской железной дороге летом – осенью

52 Ю. Н. Зеленская

1941 года, можно условно разделить на два потока. Первый поток – население и материальнотехническая база КФССР, второй – собственное железнодорожное имущество и коллектив. По удаленности оба потока носили региональный и государственный характер, по времени начала проведения – экстренный (безотлагательный).

Эвакуацией имущества и населения КФССР руководила созданная 3 июля 1941 года Комиссия по эвакуации КФССР. Возглавляли Комиссию секретарь обкома партии П. В. Соляков и заместитель председателя Совнаркома республики М. В. Иванов. Комиссия разработала план эвакуации предприятий и жителей КФССР. По ее решению оборудование предприятий Петрозаводска, Кондопоги из южных районов КФССР отправлялось по главной линии Кировской железной дороги на юг. Материально-техническая база Беломорского, Кемского и Сегежского районов вывозилась в тыловые районы по железнодорожной линии Сорокская – Обозерская [15: 36]. Захват противником южного участка главной железнодорожной линии Кировской магистрали в сентябре 1941 года блокировал продвижение эвакуируемых грузов и населения по маршруту Петрозаводск – Волховстрой. С этого времени эвакуация осуществлялась только по северному участку через линию Сорокская – Обозерская [4].

Наиболее напряженным временем эвакуационных перевозок на Кировской железной дороге стал июль 1941 года, когда по эвакуации было перевезено 9 165 вагонов². До 27 августа 1941 года (то есть до момента, когда противник прервал железнодорожное сообщение с Ленинградом) эвакуационные перевозки производились из Ленинграда на восток страны транзитом по участку Волхов – Тихвин³. В это время по Кировской железной дороге было вывезено 550 000 ленинградцев⁴. Всего же до 1 ноября 1941 года дорога предоставила 20 782 вагона, в том числе 7 732 вагона для перевозки оборудования, 13 012 вагонов для имущества и населения⁵. Н. Крутовский, начальник железнодорожного депо Сумпосад, вспоминал об эвакуации населения из г. Сортавала:

Все население эвакуировалось, угоняли скот, увозили все, что можно было увезти. Город опустел... Ощущение очень неприятное, особенно когда проходишь по улицам, где нет ни одной живой души, все квартиры пустые⁶.

Покидавшие свои дома люди стремились увезти с собой как можно больше вещей. Под предлогом ценного оборудования пытались эвакуировать мебель, телеги, канцелярские принадлежности. Для контроля за правильным использованием подвижного состава на станциях Сегежа, Идель, Сорокская и Кодино были установлены контрольные посты⁷.

Кировская железная дорога приняла участие в эвакуации крупнейших предприятий региона. Для эвакуации оборудования Онегзавода

администрация железной дороги предоставила 317 вагонов, Сегежстроя – 406, Наркомлеса – 562, Маткожстроя – 549 и Кондопожского ЦБК – 256 вагонов. Для эвакуации ББК выделила 1 078 вагонов⁸. Из г. Виипури (г. Выборг) и Виипурского района (Выборгский район) было вывезено по Кировской железной дороге 1 647 вагонов оборудования предприятий, из г. Сортавала и Сортавальского района – 401 вагон, из г. Кякисалми (г. Приозерск) и Кякисалмского района (Приозерский район) – 969 вагонов, из Куркиекского района – 49 вагонов и т. д. По железнодорожным путям Кировской магистрали в период с 1 июля по 1 декабря 1941 года в тыловые районы страны удалось отправить 60 тыс. голов крупного рогатого скота, 35 тыс. голов лошадей, 40 тыс. голов овец, 20 тыс. голов свиней, 21 877 тонн муки и зерна, 1 100 тонн крупы и различных товаров на 30 млн руб.9

Предоставив подвижной состав для эвакуации имущества региона, администрация Кировской железной дороги лишь частично выполнила стоявшие перед ней задачи по эвакуации. Например, из справки «О выполнении управлением Кировской железной дороги решений Комиссии (по эвакуации. – Ю. 3.) о предоставлении вагонов на 24 июля 1941 года» следует, что с 18 по 24 июля 1941 года управление Кировской железной дороги должно было обеспечить подачу вагонов 679 организациям, в том числе 250 вагонов Онегзаводу, 150 вагонов ББК, 12 вагонов Архивному управлению и т. д. Подано же было 409 вагонов, в том числе Онегзаводу — 127 вагонов, ББК — 108 вагонов, Архивному управлению — 3 вагона¹⁰.

Невыполнение требований Комиссии по эвакуации КФССР администрацией Кировской железной дороги произошло вследствие совпадения эвакуационных перевозок с воинскими, топливной проблемы, неразвитости станционного хозяйства и низкой пропускной способности магистрали в целом и Сорокско-Обозерской линии в частности, а также эвакуации части подвижного состава на тыловые железные дороги.

Эвакуация оборудования и ценностей дорожного хозяйства Кировской магистрали проводилась в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б), которая предписывала «при вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона...» [5: 56].

Эвакуацией руководила администрация Кировской железной дороги во главе с начальником дороги П. Н. Гарцуевым. В первую очередь эвакуации подлежал паровозный парк, который, по архивным данным, состоял из 328 грузовых и 58 пассажирских паровозов¹¹. Первоначально паровозы переправлялись по участку Волхов — Тихвин на Северную железную дорогу. Затем, из-за возникшей угрозы прорыва противником железнодорожной линии у Лодейного Поля,

паровозы отправлялись через линию Сорокская — Обозерская. Всего на другие железные дороги эвакуировали 127 паровозов, из них на Северную железную дорогу — 84, Ярославскую — 10, Октябрьскую — 13 и т. д. Оставшиеся паровозы перевезли на станцию Кемь и линию Сорокская — Обозерская¹².

Эвакуация имущества паровозной службы Кировской железной дороги проходила в 3 этапа. Сначала, в июле 1941 года, оборудование подъемного ремонта вывезли из депо Сортавала, Петрозаводск, Масельская, Кемь, Кандалакша и Волховстрой. Затем резервное оборудование водоснабжения и электростанций паровозных отделений. На третьем этапе, в сентябре 1941 года, с Кировской железной дороги эвакуировали остальное оборудование Петрозаводского депо и электростанции Лижма¹³.

Вслед за эвакуацией паровозного хозяйства железнодорожники приступили к разбору верхнего строения пути¹⁴. Демонтированные рельсы, шпалы, строительные механизмы, подвижной состав, инструменты и материалы, предназначенные для возведения железнодорожных путей, перевозились на Северную железную дорогу. Под неприятельским огнем в сентябре — октябре 1941 года проводились работы на участке Петрозаводск — Кяппесельга¹⁵.

В августе 1941 года по распоряжению НКПС с Кировской железной дороги на склады тыловых дорог были отправлены 17 вагонов оборудования, необходимого для работы в зимнее время: печи, трубы, оконные рамы, подвижные мостки и др. 16

Несмотря на предпринятые администрацией Кировской железной дороги действия, стремительное наступление войск противника не позволило эвакуировать все железнодорожное имущество и подвижной состав. На станции Питкяранта пришлось оставить 15 паровозов, два из которых железнодорожники успели подорвать, 97 крытых вагонов, 203 платформы, 34 цистерны, 1 ледник. Со станции Суоярви в августе 1941 года не успели вывезти 125 вагонов, бронепоезд, было подорвано 8 паровозов. Со станции Сяньга не эвакуировали 1 паровоз и 15 платформ, с участка Токари – Петрозаводск – 1 бронепоезд, 6 паровозов и 60 вагонов и т. д. 17 Всего на территории, занятой противником, остались 49 паровозов¹⁸, 2 бронепоезда, 282 крытых вагона, 248 платформ, 34 цистерны и 1 ледник¹⁹.

Одновременно с эвакуацией подвижного состава и имущества хозяйственных единиц дороги производилась эвакуация отделов управления Кировской железной дороги. Санитарный, жилищный, хозяйственно-материальный и другие отделы 27 августа 1941 года были перевезены из Петрозаводска на станцию Сорокская. Секретномобилизационные документы и архивы дороги переправлены на станцию Шарья. 8 сентября

1941 года из Петрозаводска эвакуирован аппарат оперативных служб, а 17 сентября – остальные сотрудники управления дороги²⁰. Новым местом работы администрации Кировской железной дороги стало здание Беломорского порта. Сотрудники аппарата управления магистрали размещались в восьми двухэтажных зданиях. Большинство из них жили в вагонах, в которых приехали. В ноябре 1941 года часть аппарата управления дороги была переведена на станцию Обозерская и размещена в здании лесного техникума²¹. Из протокола совещания Дорожного профсоюза железнодорожников Кировской магистрали от 12 декабря 1941 года следует, что администрация дороги, эвакуированная на станцию Обозерская, столкнулась с большими трудностями в организации своей работы на новом месте. Служебных помещений, предоставленных Обкомом ВКП(б) и Обместполкомом Архангельской области, не хватало. В выделенных помещениях не было света, поэтому работа прекращалась с наступлением темноты. Вместе с эшелоном дорожного управления со станции Сорокская не был отправлен вагон с продовольствием. Поэтому в первые дни пребывания работников управления Кировской железной дороги на станции Обозерская случались перебои со снабжением продовольствием²². Ф. М. Абашин, заместитель начальника Малошуйской дистанции сигнализации и связи, вспоминал: «Жили мы в вагоне, питание было одноразовое, в рационе – один суп. Было голодно ^{23} .

Вслед за администрацией с Кировской железной дороги вывозились железнодорожники. Начальник электродепо станции Мурманск П. Глазунов вспоминал об эвакуации семей железнодорожников:

Вот, мастер депо В. Турба, прощаясь с малышами и женой, просит ее беречь малышей и себя и надеяться на скорый возврат... Машинист-инструктор В. Усенко дает наказ подросткам-сыновьям помогать матери, быть послушными... Жена машиниста С. Кирюшкина со слезами на глазах просит мужа беречь себя и чаще писать...²⁴

Наиболее трудно проходила эвакуация работников железной дороги с участка Лижма — Кивач. 27 октября 1941 года станцию Кяппесельга занял противник²⁵. Для вывода железнодорожников из окружения с территории, оккупированной противником, был направлен «отлично говоривший по-фински» поездной диспетчер Масельского отделения движения Е. И. Меккелев. В его задачу входило не только вывести людей из окружения, но и разведать позиции врага. Выполнив задание, Е. И. Меккелев вывел из оккупированной зоны более 300 человек. Позднее Е. И. Меккелев вспоминал:

Перешли фронт и, минуя вражеские заставы, вышли на станцию Новый Поселок, оттуда выехали на Лижму, организовали эвакуацию железнодорожников. По компасу

54 Ю. Н. Зеленская

и карте наша колонна без потерь дошла до Медвежьегорска. За эту операцию меня наградили медалью «За боевые заслуги»²⁶.

Эвакуированные в северные районы КФССР и Мурманскую область железнодорожники должны были не только оперативно организовать свой быт на новом месте, но и обеспечить бесперебойную работу прифронтовой Кировской магистрали.

Таким образом, на начальном этапе Великой Отечественной войны на железнодорожный транспорт Европейского Севера СССР пришлись масштабные эвакуационные перевозки. Коллективу Кировской железной дороги в чрезвычайных условиях военного времени удалось перевезти в тыловые районы страны значительную часть промышленного оборудования, колхозного скота и инвентаря, продовольствия и населения республики. Железнодорожники сделали все возможное для экстренной эвакуации имущества магистрали. Несоблюдение плана эвакуационных

перевозок и частичное оставление подвижного состава и железнодорожного оборудования на территории, занятой противником, произошло по ряду причин. Во-первых, эвакуация населения и оборудования республики, коллектива и имущества железной дороги осуществлялись одновременно. Во-вторых, эвакуация совпала с самым напряженным периодом воинских перевозок. На Кировской железной дороге образовались два мощных потока, шедших навстречу друг другу. В-третьих, погрузка эвакуационных грузов из-за захвата противником ряда оборудованных железнодорожных узлов производилась на необорудованных для этого станциях [14: 5]. В-четвертых, осуществляя эвакуационные перевозки, администрация Кировской магистрали должна была решать топливную проблему и обеспечивать непрерывное функционирование технически непригодной для масштабных перевозок однопутной Сорокско-Обозерской железнодорожной линии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг.: Воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005. С. 42. ² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. П-218. Оп. 4. Д. 1. Л. 15. ³ Там же. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 120.
- ⁴ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 712. Л. 13.
- Там же. Ф. П-218. Оп. 4. Д. 1. Л. 15.
- Воспоминания Н. Крутовского. Из фондов музея Петрозаводского колледжа железнодорожного транспорта.
- ⁷ НАРК. Ф. П-218. Оп. 4. Д. 1. Л. 16.
- ⁸ Там же. Д. 1. Л. 16.
- ⁹ Там же. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 8/71. Л. 60, 63.
- 10 Там же. Д. 9/87. Л. 8.
- 11 Там же. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 50.
- ¹² Там же. Л. 126.
- ¹³ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 712. Л. 5.
- ¹⁴ Там же. Л. 6.
- ¹⁵ Там же. Д. 725. Л. 2. ¹⁶ Там же. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 110.
- ¹⁷ Там же. Ф. П-218. Оп. 4. Д. 1. Л. 18.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 126.
- ¹⁹ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 712. Л. 7. ²⁰ Там же. Ф. П-218. Оп. 4. Д. 1. Л. 18.
- 21 Виролайнен В. М. По стальным магистралям // Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1974. С. 329, 333. ²² НАРК. Ф. П-6158. Оп. 8. Д. 14. Л. 14, 14об.
- 23 Абашин Ф. М. Воспоминания // Октябрьская фронтовая. Л.: Лениздат, 1970. С. 332.
- ²⁴ Мурманский областной краеведческий музей. Ф. НВ. Д. 4323-5пид. Л. 93.
- ²⁵ НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 712. Л. 6.
- ²⁶ Меккелев Е. И. Сквозь огонь // Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск: Карелия, 1967. C. 306.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 204 с.
- 2. В еригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. (Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1940 гг.): Монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
- 3. Гнетнев К. В. Беломорканал: времена и судьбы: Монография. Петрозаводск: Острова, 2008. 415 с. 4. З е л е н с к а я Ю. Н. «Это могли сделать только русские!». Строительство Сорокско-Обозерской железнодорожной
- линии, которая в годы Великой Отечественной войны стала «дорогой жизни» Севера // Военно-исторический журнал. 2015. № 8. Č. 23–28.
- 5. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: В 6 т. Т. 2. М.: Военное издательство Министерства Обороны Союза СССР, 1961. 681 с.
- Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Отв. ред. А. И. Бабин. М.: Наука, 1984. 359 с.
- Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 112–121.
- Ку м а н ё в Г. А. Война и эвакуация в СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Монография. СПб., 1995. С. 137–145.

- Купцов В. П. Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в годы Великой Отече-
- ственной войны: Дис. . . . д-ра ист. наук. М., 2002. 411 с. Макуров В. Г. Эвакуированное население Карелии на Европейском Севере России (1941–1945 гг.) // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 39–45.
- 11. Меньшикова Е. В. Проблемы обустройства эвакуированного населения Карелии в годы Великой Отечественной войны // Человек в истории: героическое и обыденное. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 176-182.
- 12. По темкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны. Люди и судьбы: Монография. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2002. 265 с.
- 13. Степки на И. В., Ор шанский Д. И. Проблемы эвакуации промышленных предприятий на восток в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения (труды Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых) / Под общ. ред. профессора М. В. Темлянцева. Новокузнецк: СибГИУ, 2014. Вып. 18. Ч. 1: Гуманитарные науки. С. 54–57.
- 14. Харланович И. В. Дорогами Победы // Железнодорожный транспорт. 2005. № 4. С. 5.
  15. Шумилов М. И. Эвакуация промышленных предприятий и населения из прифронтовых районов в годы Великой Отечественной войны // Подвигу жить в веках. Петрозаводск: Verso, 2005. C. 34–39.
- 16. Юрьев В. А. Эвакуация, осуществленная советским народом в период Великой Отечественной войны (интернаци-
- Порвев В. А. Эвакуация, осуществленная советским народом в период Великой Отечественной войны (интернациональный аспект проблемы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 172 с.
   Я ш и н С. В. Эвакуационные перевозки в годы Великой Отечественной войны // Железнодорожный транспорт. 2008. № 6. С. 73–77.

Zelenskaya Yu. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EVACUATION TRANSPORTATION AS ONE OF THE ACTIVITIES OF THE KIROV RAILWAY AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Evacuation transportation, carried out by the Kirov railway in summer and autumn of 1941, was performed in the state of emergency. Simultaneously with the evacuation of the KFSSR residents and the material-technical base of the company, the staff of the Kirov railway dismantled and removed the property of its services and depots. The staff members of the Archive of the railway management also transported the documents. The well-coordinated activity of the railway workers made it possible to save and transport to the home front a significant part of the industrial equipment, livestock, construction materials, foodstuff, and population of the republic. Only a small part of the railway property remained on the territory occupied by the enemy. However, according to the documents of management and record keeping of the National Archive of the Republic of Karelia, the activities of the Kirov railway were valued at a low rate. In particular, it was pointed out that the administration of the railway did not fulfill the plan of the rolling stock provision for the enterprises and organizations of KFSSR. The research analysis of historical sources and comparison of available data helped to reveal a set of objective reasons that prevented the railroad management from directing the planned number of wagons and platforms for evacuation needs. For the same reasons, railway workers had to destroy and leave the property of the railway company on the territory occupied by the enemy. All these circumstances are analyzed in the article thoroughly.

Key words: The Great Patriotic War, the Kirov Railway, evacuation transportation

REFERENCES

- 1. Belenko M. P. The evacuated civilian population in Western Siberia: the social and demographic aspect: Diss. ... cand. of Hist. Novosibirsk, 2011. 204 p.
- Verigin S. G. Karelia in the years of military trials. (Political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the
- Verigin S. G. Kalena in the years of finitary trials. (Fortical and socio-economic studion of Soviet Kalena during the Second World War 1939–1940): Monograph. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2009. 544 p.
   Gnetnev K. V. Belomorkanal: Times and Fates: Monograph. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2008. 415 p.
   Zelenskaya Yu. N. "It could be done only by the Russians!". Construction of the Sorocco-Obozersk railway line, which during the Great Patriotic War became the "road of life" of the North. *Military Historical Journal*. 2015. No 8. P. 23–28. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945. In 6 volumes. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1961. 681 p. The Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945. Executive editor A. I. Babin. Moscow, Nauka Publ., 1984. 359 p.

- Kornilov G. E. Evacuation of the population to the Urals during the Great Patriotic War. *Ural historical journal*. 2015. № 4 (49). P. 112–121.
- K u m a n y o v G. A. War and evacuation in the USSR: the achieved results and losses. *Human losses of the USSR during the Second World War: Monograph.* St. Petersburg, 1995. P. 137–145.
- Kupcov V. P. Problems of restructuring the national economy and evacuating civilians during the Great Patriotic War: Diss. ... cand. of Hist. Moscow, 2002. 411 p.
- 10. Makurov V. G. The evacuated population of Karelia in the European North of Russia (1941–1945). Karelia, the Arctic and Finland during the Second World War. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 1994. P. 39–45.
- 11. Men's hikova E. V. Problems of arrangement of the evacuated population of Karelia during the Great Patriotic War. Man in history: heroic and ordinary. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2012. P. 176–182.

  12. Potem kina M. N. Evacuation during the Great Patriotic War. People and Fates: Monograph. Magnitogorsk, Magnitogor-
- skiy gos. un-t Publ., 2002. 265 p.

  Stepkina I. V., Orshanskij D. I. Problems of evacuation of industrial enterprises to the east during the Great Patriotic War (1941–1945). Science and youth: problems, searches, solutions (the proceedings of the All-Russian scientific conference of students, graduate and young scientists). Under the general editorship of Professor M. V. Temlyantsev. Novokuznetsk, SibGIU Publ., 2014. Issue 18. Part 1: The humanities. P. 54–57. Harlanovich I. V. Victory Roads. *Railway transport*. 2005. № 4. P. 5.
- 14. Harlanovich I. V.
- Shumilov M. I. Evacuation of industrial enterprises and population from front-line areas during the Great Patriotic War. Feat of living in the ages. Petrozavodsk, Verso Publ., 2005. P. 34–39.
   Yur'ev V. A. The evacuation, carried out by the Soviet people during the Great Patriotic War (the international aspect of
- the problem): Diss. ... cand. of Hist. Moscow, 1995. 172 p.
- 17. Yashin S. V. Evacuation transport during the Great Patriotic War. Railway transport. 2008. № 6. P. 73–77.

№ 5 (174). C. 56-64

Отечественная история

2018

УДК 94(4'70)"18"

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.169

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) ev.kamenev@yandex.ru

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ЕГОРОВ

кандидат исторических наук, преподаватель истории ГАПОУ РК «Петрозаводский техникум городского хозяйства» (Петрозаводск, Российская Федерация) akegorov@yandex.ru

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО ПРОТЕСТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена выявлению мировоззренческих оснований политического протеста в России первой половины XIX века. Рассмотрены две социальные группы, находившиеся на разных полюсах социального пространства России, - дворяне-декабристы и крестьяне-«бунтовщики». Выбор обусловлен тем, что эти две группы были объединены высоким градусом протестных настроений. Анализ мировоззренческой основы русского протеста показал существование у дворян-декабристов и крестьян-«бунтовщиков» двух принципиально разных типов протестных настроений. В одном случае предполагался активный, преобразующий окружающую политическую реальность субъект, руководствующийся в своих действиях продуманной программой новоевропейского типа. В другом случае был политически пассивный коллектив, опирающийся на религию и ожидающий наступления «нового мира». Две эти системы взглядов находились на разных полюсах. Один полюс можно назвать рациональным модерновым, опирающимся на идеи эпохи Просвещения. Другой полюс можно назвать иррациональным, опирающимся на традиционные идеи, уходящие своими корнями в Средневековье. Однако эти типы протестных настроений имели общую мировоззренческую основу. Этой основой являлась сумма взглядов, выраженная через понятие *правды*. Мировоззрение как декабристов, так и крестьян обнаруживает свою зависимость от идеи наступления божественного порядка на земле. Правда была идеалом, как задававшим критерий оценки существующей социальной реальности, так и определявшим конечную цель действий.

Ключевые слова: протест, декабристы, крестьяне, правда, мировоззрение

В первой половине XIX века в русском обществе был поставлен вопрос о том, что реформы Петра I и других русских правителей привели к драматическому расколу страны на «верхи» и «низы», «элиту» и «народ». Такое представление о специфике российской социальной реальности было воспринято и исторической наукой. Более того, в новейшей историографии существует точка зрения, что в России мы имеем не просто культурный раскол в рамках одного народа, а «внутреннюю колонизацию», при которой отношение русской «элиты» к русскому же «народу» ничем не отличалось от отношения британских колонизаторов к местному населению в Индии [15]. Тем не менее были моменты, которые объединяли «верхи» и «низы». Первый такой момент – церковь и религиозность в целом. В России церковь не была отделена от государства, человек не мог существовать как самостоятельная социально-правовая единица без принадлежности к той или иной конфессии, определяемой традицией. Это требовало усвоения индивидом основ религии, без которых нормальная социализация была невозможна. Вторым моментом, объединявшим определенную часть «верхов» и «низов», был протест против существующего социального порядка. Конечно, он не охватывал все социальное пространство, но был тем не менее заметен в историческом масштабе. На уровне «верхов» он был представлен движением декабристов, на уровне «низов» — крестьянским протестом против «господ». Протест тех и других был серьезным фактором русской истории, оказывая влияние на ход исторических событий.

Целью данной статьи является выявление тех преставлений о мире, которые лежали в основе протеста дворян-декабристов и крестьян-«бунтовщиков», придавая ему сокровенный смысл. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что при всем различии культур в основе протеста этих групп дворян и крестьян могли лежать религиозные представления о мире. Это было обусловлено тем, что религия, являясь важной частью жизни дореволюционной России, определяла глубинный

уровень представлений о жизни, влияя в том числе и на протестные настроения.

Известно, что система взглядов декабристов включала в себя антимонархические идеи. Критическое отношение к императору в зависимости от конкретного идеолога и от конкретного периода развития декабристского движения было выражено по-разному — от идеи физической ликвидации царя до сохранения монарха у власти с известным ограничением его полномочий.

Рассмотрим логику, следуя которой декабристы пришли к выводу об изменении формы правления в стране. Декабристы выделяют два типа власти: власть законная и власть, не опирающаяся на закон. Власть получает название «законная» в том случае, если она стремится к достижению благоденствия в государстве и не ставит собственное благо выше блага общего. Такой тип власти декабристы характеризуют положительно. А. Н. Муравьев писал:

...истинный дворянин, прямой боярин, защитник законов и престола тот, который постигает, что правительство — власть законная; что она блюдет о спокойствии и пре[у]спеянии государства, о благоденствии и благополучии народа².

О благе общем как о цели правительства говорится в Уставе «Союза Благоденствия»:

Правительства сии и законы бывают многоразличны, но всякое вообще, какое бы оно ни было, имеет или должно иметь целию (ежели оно справедливо) благо управляемых³.

Рассуждая об эпохе дворцовых переворотов, А. В. Поджио писал:

Были даже цареубийства! Убивают Петра! Он немец, говорят, а нам давай немку! Он дает некоторые льготы дворянству, народу; он прекращает безрассудную, разорительную войну с Пруссией; издает некоторые указы, поощрившие промышленность, торговлю... бейте, душите его!.. Орлов, Барятинский, Теплов и Пассек!!! Вы извели законного царя⁴.

Приведенная выше цитата важна для нас постольку, поскольку позволяет говорить, какая власть соответствует понятию закон, так как автор перечисляет деяния Петра III, которые дают возможность декабристу в заключение своего высказывания назвать его «законным царем». А. В. Поджио употребил прилагательное законный к существительному царь применительно к Петру III потому, что политика последнего соответствовала представлениям декабристов о путях достижения общественного благоденствия.

Наряду с таким типом власти декабристы выделяют власть, характеризуемую словами зловластие, самовластие, произвол, прихоть личная. Все эти понятию противопоставлялись декабристами понятию закон. Павел Пестель, к примеру, разграничивает понятия закон и прихоть личная. По мнению декабриста, государство должно находиться под «властью и управлением законов»,

а не «прихотей личных властителей»⁵. Согласно Н. И. Тургеневу, законный порядок противостоит произволу и самоуправству. Говоря о положении крестьян в России, декабрист писал:

Для введения хотя некоторого законного порядка в сем хаосе произвола и самоуправства, может быть, весьма нужно было бы учредить сельские суды⁶.

Власть, не ограниченная законом, характеризуется декабристами отрицательно. Например, по мнению А. В. Поджио, своевластие Николая I было «смертельным гнетом»:

Власть при Александре, хотя и была дремлющая, но при Николае она сделалась притеснительною, и, достигши до высшей степени своевластия, она тяжко и непробудно залегла смертельным гнетом на все мыслящее в России⁷.

Понятие закон неслучайно было важно для декабристов и определяло отношение к власти. Не стоит думать, что закон понимался ими исключительно в светском смысле этого слова. Это понятие имело серьезную религиозную составляющую. В основе всего мироздания, согласно представлениям декабристов, лежат установленные творцом законы, так как «Творцу случайность неприлична»⁸. Эти установленные свыше законы назывались декабристами правдой⁹. Так, например, для А. Н. Муравьева вполне естественна ассоциация понятий закон божий и правда:

...я желаю, чтобы отношения владеющих и подвластных совершенно были определены справедливым, непременным, постоянным законоположением, основанным на законе божием, следовательно, на сущей правде (курсив наш. – A. E., E. K.), законоположением, которым Россия возводилась бы на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена ^{10} .

Идея правды являлась составной частью представлений декабристов о политической и социальной реальности¹¹. В соответствии с божественными законами, согласно взглядам членов тайных обществ, на земле должно установиться «всеобщее благоденствие»: «...видимая для нас цель Творца при создании существ, как физических, так и нравственных, есть общее сохранение и благо»¹². Для этого все живые существа должны жить в соответствии с «предначертанными Творцом законами»¹³. Физические существа¹⁴, «не имея собственной воли, не могут нарушить предначертанных творцом законов, отчего все действия оных справедливы»¹⁵, то есть соответствуют правде.

Существа же нравственные, «соединяясь в общество и имея в своих поступках волю, при непрестанном стремлении к собственному благу часто нарушают благо других»¹⁶, что нарушает божественный порядок. Идея правды заключается, таким образом, в приоритете блага общего (то есть блага всех людей в государстве) над благом частным (то есть благом отдельного человека).

Если же этот принцип нарушен, то в государстве восторжествует неправда:

Неужели, – писал декабрист Н. И. Тургенев, – суждено мне преступить за гробовую доску, не видав правды, свободы в моем Отечестве! <...> Повсеместные признаки несправедливости, своевольства суть укоризны небу. Такое торжество порока над добродетелью и неправды над правдою ужасно до гадости, и даже до смеха, или шутовства¹⁷.

Важно отметить, что декабрист противопоставляет правду своеволию. Торжество же своеволия нарушает принцип приоритета общего блага над частным.

В дворянской культуре интересующего нас времени считалось, что за правду не только можно, но и нужно бороться. Идея достижения правды, мыслимой как приоритет блага общего над благом частным, позволяющий обеспечить божественный порядок на земле, была связана с идеей патриотизма.

Человек, служащий общественному благу, имел в рассматриваемое время наименование сын отечества, которое употреблялось в дворянской среде наравне со словом *патриот*¹⁸. Понятие *сын* отечества было тесно связано с идеей самопожертвования ради отечества, с необходимостью, если надо, отказаться от своих личных интересов, с приоритетом блага общего над благом личным, то есть с идеей наступления мира правды. К примеру, еще А. Н. Радищев в 1789 году отмечал, что сын отечества не страшится «пожертвовать жизнию, естъли же она нужна для Отечества», он «всем жертвует для блага онаго»¹⁹. Эти идеи были закреплены в русской интеллектуальной культуре. В частности, в «Русском вестнике» (1812) читаем:

Наемник, оценяющий служение свое златом, алчет злата и корысти; сын Отечества, за целостность его неся жизнь свою, желает только спасения и блага общего²⁰.

Подобные примеры не единичны и их можно было бы продолжить. Напротив, человек, не служащий общему благу, не признается сыном отечества. Так, например, тот же А. Н. Радищев утверждал, что не может называться сыном отечества дворянин, ведущий праздный образ жизни:

Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все домы для безсмышленнейшаго пустаглаголания... сей ли есть сын Отечества?²¹

Принцип служения благу общему требовал от каждого патриота готовности принести в жертву благо личное (то есть отказаться от собственных интересов ради общих).

Я никогда ничего не желал себе, а принадлежу благу общему и всегда готов запечатлеть любовь мою к государству последней каплей крови моей,

- говорил декабрист П. Г. Каховский²².

Стремление быть полезным своему отечеству являлось той призмой, сквозь которую декабрист

воспринимал окружающую его социально-политическую реальность в целом и царя в частности. Даже абсолютная монархия как таковая не противоречит идее общественного благоденствия и установлению правды на земле. Поэтому самодержавие в рамках декабристского мировоззрения может быть вполне законным. Следуя логике декабристов, если император прилагает усилия в деле достижения общественного благоденствия и не ставит личное благо выше блага общего (то есть правит по правде), то он является законным и, следовательно, расценивается положительно. Например, самодержавное правление получает у С. П. Трубецкого определение законное, в то время как директория, введение которой предполагалось Пестелем, называется самовольным деспотизмом:

Он (Пестель. – A. E., E. K.) увидел, что я его подозреваю в личных видах, когда я ему стал доказывать, что он вместо законного самодержавного правления поставляет самовольный деспотизм директоров²³.

Декабрист Н. В. Басаргин признавался, что мог бы согласиться при определенных условиях с идеей абсолютной монархии:

Не переставая смотреть теми же глазами на все, что было худо, негодовать на злоупотребления, я нередко спрашивал себя, будет ли лучше, если общество достигнет своей цели, и поймет ли Россия выгоды представительного правления? Я сознавался внутренне, что гораздо бы лучше было, если бы само правительство взяло инициативу и шло вперед, не задерживая, а поощряя успехи просвещения и гражданственности. Тогда бы я первый стал под хоругвь самодержавия (курсив наш. – А. Е., Е. К.)²⁴.

Первоначально декабристы не видели ничего плохого в самодержавии и даже были готовы содействовать императору, видя в нем подлинного сына своего отечества. В этом смысле показательно свидетельство С. П. Трубецкого, который рассматривал русское офицерство, давшее начало оппозиционному движению, в качестве дружины при царе: «Некоторые молодые люди, бывшие за отечество и царя на поле чести, хотели быть верной дружиной вождя своего на поприще мира». В Уставе Союза Благоденствия говорится о том, что, поскольку правительство «устремлено к пользе общей», Союз

в святую себе вменяет обязанность <...> споспешествовать правительству (курсив наш. – А. Е., Е. К.) к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена²⁵.

Пока император воспринимался как сын отечества, которому можно и нужно содействовать, декабристы усматривали в позитивной работе на местах способ искоренения неправды. «Союз Благоденствия» был, в частности, призван организовать такую работу. Согласно уставу, члены Союза «заводят вольные общества, имеющие все целию стремление к справедливому и подавление порока и неправды»²⁶.

Однако постепенно в декабристской среде утвердилась мысль, что ключевая фигура всей политической системы – император – ищет личного блага, а не блага общего, чем нарушает предписанный свыше порядок вещей. Император стал пониматься как основа всей неправды в государстве. После наполеоновских войн Александр стал заниматься главным образом внешнеполитическими проблемами – устройством послевоенной Европы ради получения личной славы. На внутриполитические дела Александр обращал меньше внимания, что противоречило правде. Эта смена политических интересов императора воспринималась офицерами негативно. А. В. Полжио писал:

Мыслим ли был Александр таковым, как мы видели его впоследствии? Мирный, кроткий, почти юноша, чуждый порывам честолюбия или власти (все это было за ним), вдруг превращается в какого-то несозревшего воина и ищет славных приключений... Он бросил Россию ради идеи устроения Европы²⁷.

А. Е. Розен вспоминал:

Александр I в последнее десятилетие своего царствования свалил все бремя государственного управления на плечи Аракчеева <...> и под конец предался мистицизму и думал только о спасении собственной души своей²⁸.

А. М. Муравьев считал, что Александр I, «забыв совсем свой долг перед Россией», передал правление страной Аракчееву²⁹. Кроме того, Александр I, обратив основное внимание на европейские дела, не прислушивался к декабристам, которые хотели ему «споспешествовать». В этом смысле весьма показательно свидетельство С. П. Трубецкого. Сомнения в том, что Александр «ищет больше своей личной славы, нежели блага подданных», возникли после того, как император отверг некоторые предложения по преобразованию страны, переданные ему А. Н. Муравьевым³⁰:

Его величество, прочтя, сказал: «Дурак! не в свое дело вмешался». Такие действия государя казались обществу не согласующимися с тою любовию к народу и желанием устроить его благоденствие, которое оно в нем предполагало³¹.

С. П. Трубецкому вторит М. А. Фонвизин:

Пока осмысленные русские патриоты, — писал декабрист, — могли еще ожидать от самого Александра благодетельных преобразований, которые, ограничив его самовластие, сколько-нибудь улучшили бы состояние народа, они готовы были усердно содействовать его благим намерениям, но когда они убедились в совершенном изменении его прежнего свободолюбивого образа мыслей после войны <...> то самые восторженные почитатели его в блистательную эпоху занятия Парижа совершенно охладели к нему³².

Как только декабристы пришли к выводу, что власть царя не способствует достижению прав-

ды, начался поиск выхода из сложившегося положения. Этот поиск завершился формированием идеи ликвидации абсолютизма и установления такой формы правления, которая бы позволила избежать своевластия как источника беззакония и неправды.

Как и дворяне, русские крестьяне также воспринимали социальную реальность через призму правды, однако содержание и механизмы ее реализации в рамках крестьянского протеста имели серьезные отличия от дворянского понимания. Идеал правды в народном сознании в известной мере совпадает с идеей Царства Божия на земле, установления которого народное сознание желает, не удовлетворяясь обещаниями официальной церкви, согласно которым оно наступит только после второго пришествия Христа [5: 17]. С народной точки зрения, в настоящий момент правды на земле нет, на земле царствует кривда. Согласно апокрифу «Беседа трех святителей», народному эквиваленту Библии, кривда изгнала с земли правду. Вот как это выглядело:

Белый щит — свет сей, а на нем сидит сокол, то есть правда, а прилетела зла сова, то есть кривда, и отогнала правду, а лжа — кривда, осталась [13: 79]. Кривда пошла по земле и вынудила человека голодом и насилием «дать на себя рукописание» [5: 16].

Кривда в ее социальной версии есть крепостное право, притеснения помещиков.

Понятие *правда* совпадало в крестьянском сознании с понятием *воля*, поскольку последнее также отсылает к идеальному совершенному миропорядку, миру, где есть добрый царь и в котором нет «господ». Понятие *воля* употреблялось крестьянами в источниках чаще, однако это неудивительно, поскольку оно имеет более выраженную социально-политическую и, шире, «земную» окраску.

Правда в народном сознании означает, с одной стороны, переход всей земли в руки тех, кто ее обрабатывает, с другой - организацию жизни на началах «примитивного демократизма». «Политическим» воплощением правды оказывается «мужицкий царь», защищающий народные интересы [2: 15–16]. Более того, согласно народным представлениям, только царь и может установить такое царство справедливости [11: 43]. Слухи, регистрируемые в России в первой половине XIX века, позволяют уточнить как роль царя в приобретении правды, так и способы этого приобретения. Согласно этим слухам, царь хочет дать народу «волю», то есть создать справедливый миропорядок правды, однако ему всячески мешают «господа» – дворяне. После смерти Александра I в народе говорили:

Худо становится на свете: господа хотят извести царскую фамилию, чтобы и звания не было³³. Времена

худые! Недолго жить на свете — хотят лишить царей их воли и их силы; не государь царствует, а большие господа ^{34} .

Примерно в то же время в России ходили слухи о том, что господа гнались за Александром I с целью его убить. Среди населения ходили и слухи о том, что «царь Александр I не умер, а жив, но лишен возможности действовать: "продан в иноземную неволю" или бежал "за море" в легкой шлюпке» В своеобразном ключе толковалось и восшествие на престол императора Николая I: «Сенаторы "избрали Николая Павловича и возвели его на престол, когда поняли, что его брат хочет освободить крестьян"» 36. А в 1843 году в Каргопольском уезде Олонецкой губернии ходил такой рассказ:

Министры договорились между собой взять на себя непосредственное управление государственными крестьянами; они явились во дворец и потребовали от царя исполнения этой меры, царь не согласился; тогда министры схватили его за грудь, но наследник цесаревич услышал шум, вбежал с обнаженной саблей и освободил государя и родителя [14: 208].

Итак, наступление «воли» увязывается народом с усилиями царя, при этом совершенно необязательно, чтобы это был «официальный царь», поскольку, в полном соответствии с легендами о «спасшемся избавителе», «настоящий царь» может до поры до времени где-то скрываться от «господ».

Почему до поры до времени царь не может справиться с «господами» и они угрожают ему? Ответ крестьяне находят в том, что «господа» есть слуги не Бога и царя, а слуги Антихриста. Они «изменили» ему в пользу дьявола. Известно даже число этих «дьявольских полчищ господ», по одной легенде, их насчитывается 60 00037. Дело крестьян – помочь царю в борьбе с этой «нечистой силой». А поскольку сила – «нечистая», «господа» приобретают не только социальный, но «потусторонний» статус, крестьяне оформляют борьбу с ними как религиозный акт, как священную войну с силами зла, с Антихристом, стремящимся подчинить себе людей, стать главным господином. В роли «избавителя» мог выступить и член правящей династии, и даже «мессия» со стороны. И в этих сюжетах отчетливо проявляются эсхатологические представления, при этом наступление справедливого порядка сопровождается уничтожением всех «господ». В 1826 году в народе говорили, что «господа» будут владеть ими только 6 месяцев (время чтения манифеста от 12 мая 1826 года)³⁸, а потом крестьяне и дворовые будут «вольные» - «стало быть, все мы будем царские и будет нам воля». При этом по поводу приговора и наказания, определенного декабристам, крестьяне говорили в связи с ожидаемой «волей» следующее:

Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что всех не перевесили, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли; да долго ли, коротко ли, и не миновать этого³⁹.

М. А. Рахматуллин ввел в научный оборот письмо Дениса Давыдова Д. В. Голицыну от 25 октября 1830 года, в котором Давыдов пишет, что в народе ходят слухи «об истреблении всего дворянства, всех собственников и всех управляющих» [10: 130]. В Тульской губернии в ноябре 1830 года циркулировал слух, что крестьяне «скоро отойдут от помещиков на государя» и «казаки присланы будут предать смерти всех владельцев» [10: 130]. В 1839 году слухи о предстоящей «воле» по случаю бракосочетания великой княжны Марии Николаевны, старшей дочери царя, сочетались со слухами о казни дворян⁴⁰.

Особенно отчетливо эсхатологический мотив проявляется в легенде о Константине, подробно рассмотренной К. В. Чистовым. Согласно этой легенде. Константин вернется и истребит всех «господ». В 1843 году в Оренбургской губернии крестьянин Иван Клюкин уверял людей в истинности великого князя Константина и призвал встать на его сторону, «обещая, что по истреблении начальников жизнь будет самая лучшая, без всякой заботы». Он говорил, что Константин придет с войском к 15 мая и истребит все начальство и тех из крестьян, которые не участвовали в беспорядках в 1843 году (очевидно, имеются в виду картофельные бунты 1842-1843 годов на Урале. – A. E., E. K.) [14: 216]. По нашему мнению, Клюкин выразил один из вариантов наступления правды – «самой лучшей жизни»; согласно ему, установит это царство Божие на земле Константин, который в данной легенде играет роль самого Иисуса Христа. Иначе говоря, как и в случае с истреблением «господ», на социальную реальность переносится религиозный сюжет, тем более что Константин еще более похож на Спасителя, чем правящий царь, ибо Константин (имеется в виду здесь, конечно, Константин Павлович. – A. E., E. K.) как бы погиб, но вернулся – то есть повторил своей судьбой библейский сценарий. Он будет судить как «нечистую силу» в лице «господ», так и их пособников – крестьян, согласившихся сажать «порождение дьявола» картофель и тем самым ставших прислужниками «дьявола».

Другой важной фигурой в народных представлениях выступает великий князь Михаил. Он фигурирует в слухах разных лет как союзник царя и крестьян в деле обретения «воли». В частности, великий князь Михаил Павлович упоминается во время волнения крестьян Н. С. Гагарина в Ярославской губернии в 1826 году⁴¹. Великий князь Михаил Николаевич появляется в Ирбитском уезде Пермской губернии в лице

самозванца Тяжелкова [6: 99]. При этом в обоих случаях упоминается и великий князь Константин, в первом случае он, с точки зрения крестьян, «стоит за них»⁴², в другом – самозванец пишет прошение на имя великого князя Константина Николаевича [6: 99]. По нашему мнению, представление о Михаиле как «избавителе» есть проявление эсхатологического сюжета, в центре внимания которого - библейский князь Михаил. Гагаринские крестьяне находились в состоянии ожидания «воли», которая, как мы показали, воспринималась ими как пришествие или его аналог. Иначе говоря, крестьяне живут при «последних временах». А ключевую роль в «последних временах», согласно «Откровению» Мефодия Патарского, играет царь Михаил, который сокрушает злой народ «измаильтян [16: 322]. Кроме того, крестьянские представления можно увязать с ветхозаветным сюжетом о князе Михаиле, который придет покарать «неверных» в конце времен⁴³. Михаил как бы подготавливает второе пришествие, которое в нашей ситуации должны осуществить царь или Константин. Иначе говоря, точно так же, как библейский царь Михаил есть слуга бога в деле спасения человечества, великий князь Михаил есть слуга царя и/или Константина в деле освобождения русского народа. Свержение «бояр» при этом есть сакральный акт. Так, самозванец Тяжелков на сломанной ветром крыше оградного «столпа» у господского дома сделал надпись: «Вершина башни сей сломана от ветра, владельцы будут свершены <...> Богом» [6: 99].

Другое дело, что народ мог разочароваться в царе или Константине как реальном правителе, и тогда на первый план выходит свой, народный, герой, который выполнит роль мессии. В отчете III Отделения за 1827 год отмечено, что

среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: «Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их»⁴⁴.

Отчеты III Отделения показывают, что религиозный компонент в оценке народом социально-политической реальности играл немаловажную роль. Так, в нравственно-политическом отчете за 1839 год было отмечено, что в народе при оценке сложившейся ситуации в стране «подводят тексты из Священного писания и предсказания по толкованиям Библии, предвещают освобождение крестьянам, месть боярам, которых сравнивали с Аманом и Фараоном» А. А в отчете III Отделения за 1848 год было отмечено, что «русские воспринимали противодействие власти царя равным святотатству» 46.

Русские крестьяне, говоря об изменении существующего социального порядка, мыслили не в новоевропейских категориях «реформа» или «революция», которые осуществлялись активно действующими субъектами по определенному плану на основе легальных и рациональных принципов. Напротив, крестьяне переносили на социальную реальность религиозные представления, в частности, идею эсхатологического крушения царства зла и установления вечного божественного мира. Важную роль в этом процессе играли насилие и связанное с ним страдание. Роль крестьян в борьбе за справедливый мир могла быть откровенно пассивной, выражаясь в страдании. Крестьяне даже отождествляли свои страдания в борьбе за «правое дело» с муками Христа. Так, во время волнения государственных крестьян Аксентовской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии в 1842 году бунтующие на слова губернатора о том, что поверенных, отправленных к царю, приведут закованных, закричали: «Слава тебе господи, и Христос страдал безвинно»⁴⁷. Когда губернатор пригрозил крестьянам наказанием, они закричали: «Распинайте, распинайте!»⁴⁸

Аналогичные события происходили во время волнения крестьян М. Н. Доломанова в Калужской губернии. Крестьяне при наказании сами разделись, говоря: «Спаситель терпел за правду еще более»⁴⁹. При экзекуции крестьяне «не издали ни звука»⁵⁰.

Мотив страдания отчетливо проявляется в представлениях народа о приобретении «воли», и он имеет, очевидно, эсхатологическую природу. Точно так же как второе пришествие, то есть наступление нового мира в религиозной перспективе, должно было сопровождаться катаклизмами и войнами, так и наступление нового социального мира должно было сопровождаться различными испытаниями и людскими страданиями. Руководитель восстания в Бездне Антон Петров говорил крестьянам в 1861 году: «Истинная воля до тех пор не дается, пока не прольется много крови христианской».

Очевидным и конкретным вариантом испытаний и пролития крови была война. Так, в 1861 году в народе ходили такие слухи: «Да ребята все толкуют, что скоро будет вольница, и опять война с ангричанином (так в тексте. – A. E., E. K.)⁵¹».

Интересно, что во время очередного ожидания «воли» в Оренбургской губернии в 1836 году ее наступление также связывалось с войной:

Скоро все будут вольные, с открытием весны для объясненного предмета начнется уже и война. С открытием весны начнется какая-то война и чрез оную все будут вольны [9: 141].

Нужно иметь в виду, что война — это один из самых существенных признаков наступления последних времен с точки зрения народной эсхатологии⁵². Наступление «воли» есть рубеж в истории, и этому рубежу, с народной точки зрения, должна соответствовать «последняя» война.

Анализ мировоззренческой основы русского протеста показал, что, несмотря на наличие существенных различий в теории и практике протеста, недовольство интересующих нас групп имело точку пересечения. Ею являлась сумма взглядов, выраженная через понятие правды, которое воспринималось как установленный свыше порядок, в соответствии с которым должно развиваться государство и благодаря которому наступит справедливый мир.

Идея борьбы за правду являлась отправной системообразующей точкой развития протестных настроений у рассмотренных нами социальных групп. Однако в конечном итоге она привела к формированию двух разных типов протестных настроений. В одном случае она

претерпела трансформации, будучи наложенной на секулярное сознание декабристов, и выразилась в активной деятельности преобразующего социальную и политическую реальность субъекта, который добивается искоренения неправды ради наступления общественного благоденствия, руководствуясь патриотическими чувствами спасения Отечества. При этом ключевая фигура российского политического пространства - император - полностью исключалась из процесса достижения правды на земле и даже начинала рассматриваться как основная помеха для утверждения справедливого миропорядка. В другом случае идея правды реализовывалась в контексте традиционного христианского мировоззрения крестьян и выражалась в коллективном ожидании наступления нового справедливого мира, реализация которого мыслилась как результат усилий царя при помощи народа. Помощь при этом понималась как протест против неправды, олицетворяемой «господами».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Идея цареубийства была сформулирована декабристами в 1817 году. Александр Муравьев предложил для «отвращения бедствий, угрожающих России <...> прекратить царствование императора Александра» и хотел бросить жребий, «чтобы узнать, кому достанется нанесть удар царю» (Якушкин И. Д. Записки // Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 16–17). Согласно мнению С. В. Мироненко, М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана, вопрос о физическом устранении для участников тайных обществ никогда не был принципиальным и решение убить императора было столь же быстро оставлено, сколь быстро и неожиданно возникло [7], [8]. Однако, несмотря на это, само появление идеи цареубийства весьма примечательно.
- ² Муравьев А. Н. Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами, писанной в Москве апреля 4-го дня 1818 года, древнему российскому дворянину, старцу, служившему в войске и суде, верноподданному государя, от россиянина // Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 130.
- ³ Законоположение Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 240.
- 4 Поджио А. В. Записки // Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 111.
- ⁵ Пестель П. И. Русская правда // Восстание декабристов: Документы. М., 1958. Т. VII. С. 117.
- ⁶ Тургенев Н. И. Нечто о крепостном состоянии в России // Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 гг. Пг., 1923. Т. III. С. 428.
- ⁷ Поджио А. В. Указ. соч. С. 72.
- 8 Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, М., 1951. Т. І. С. 239.
- ⁹ В традиционной христианской культуре правда понимается как божественная справедливость, божественно установленный порядок на земле. Это понятие выражает повиновение, долженствование по отношению к Богу и людям; то, что соответствует божественной идее устройства общества [4: 63].
- ¹⁰ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 136.
- В историографии уже отражена вся сложность процесса адаптации европейских идей в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Западные политические принципы, закрепленные в соответствующей системе понятий (государство, собственность, гражданин, революция и т. п.), были скорректированы русской действительностью [12]. На наш взгляд, этот процесс осложнялся еще и тем, что существенную роль в ментальности образованной части русского общества продолжала играть старая традиционная, восходящая еще к средневековью понятийная система. В частности, понятие правда, которое мы рассматриваем в настоящей статье, восходит к русской средневековой культуре [3], [16].
- 12 Законоположение Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 239.
- ¹³ Там же.
- 14 Устав Союза Благоденствия различает «физических существ» (животных) и «нравственных существ» (людей).
- 15 Законоположение Союза благоденствия... С. 239.
- ¹⁶ Там же. С. 240.
- ¹⁷ Тургенев Н. И. Дневники // Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 гг. Пг., 1923. Т. III. С. 235.
- 18 Слово заимствовано в начале XVIII в. предположительно из французского (patriote) или немецкого (Patriot) языка. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 217. По мнению Л. Н. Вдовиной, оно было впервые употреблено в 1717 году П. П. Шафировым в сочинении «Рассуждение о причинах Свейской войны» [1: 11].

- 19 Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын Отечества // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 1. C. 217, 218,
- ²⁰ Обеты русских воинов // Русский вестник. 1812. С. 14.
- ²¹ Радищев А. Н. Указ. соч. С. 216–217.
- 22 Каховский П. Г. Из писем // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. T. I. C. 509.
- ²³ Трубецкой С. П. Записка-показание об истории тайных обществ // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. І. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. С. 91
- ²⁴ Басаргин Н. В. Записки // Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 62–63.
- 25 Законоположение Союза Благоденствия... С. 241–242.
- ²⁶ Там же. С. 274.
- ²⁷ Поджио А. В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 250–251.
- ²⁸ Розен А. Е. Записки декабриста // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 145.
- ²⁹ Записки А. М. Муравьева. «Мой журнал» // Мемуары декабристов, Северное общество. М., 1981. С. 124.
- 30 Отметим, что сам факт передачи императору бумаги с предложениями по преобразованию страны свидетельствует о том, что офицеры воспринимали себя как людей, помогающих монарху в деле управления государством.
- 31 Трубецкой С. П. Из «записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. І.
- ³² Фонвизин М. А. Из «записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. І.
- ³³ Сыроечковский Б. Московские слухи 1825–1826 гг. // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 3 (112). С. 66.
- ³⁴ Там же. С. 74. ³⁵ Там же. С. 80. ³⁶ Там же. С. 82.
- ³⁷ Там же. С. 80.
- 38 Очевидно, здесь имеется в виду манифест Николая I от 12 мая 1826 года, в котором объявлялись ложными слухи о грядущей «воле» // ПСЗ – II. Т. 1. № 330.
- ³⁹ Модзалевский Б. Л. Донесение тайного агента о настроениях умов в Петербурге после казни декабристов // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 40.
- ⁴⁰ Нравственно-политический отчет за 1839 год // Свободная мысль. 2002. № 8. С. 106.
- 41 Трефолев Л. Н. Плещеевский бунт (эпизод из истории крестьянских волнений) // Древняя и новая Россия. 1877. № 10. C. 164.
- ⁴² Там же. С. 166.⁴³ Книга пророка Даниила. 12:1.
- 44 Краткий обзор общественного мнения за 1827 год // Крестьянское движение в 1827–1869 гг. М., 1931. Вып. 1. С. 9.
- ⁴⁵ Нравственно-политический отчет за 1839 год // СМ. 2002. № 8. С. 105. Аман, упомянутый в Библии (книга «Есфирь»), придворный персидского царя, задумавший, из вражды к своему сопернику, еврею Мардохею, погубить всех евреев в Персии. Из фараонов имеется в виду, очевидно, тот, который, по библейскому преданию, вынудил евреев своими преследованиями выселиться из Египта (книга «Исход»).
- 46 Нравственно-политический отчет за 1848 год // СМ. 2003. № 4. С. 120.
- ⁴⁷ Крестьянское движение в 1826–1849 гг. М., 1961, С. 452.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Крестьянское движение в 1857 мае 1861 года. М., 1963. С. 237.
- ⁵⁰ Там же.
- ^{51} ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3а. Д. 1898. Л. 16.
- 52 «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М., 2004. С. 408.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. В довина Л. Н. Что есть «мы»? (Русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени) // Вестник Московского университета. 1993. Сер. 8. История. № 5. С. 6–12.
- 2. Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII века. М.: Наука, 1984. 252 c.
- 3. Данилевский И. Н., Юрганов А. Л. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 144-170.
- 4. Знаков В. В., Романова И. А. «Истина» и «правда» в христианстве и психологии понимания // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 6. Т. 19. С. 61-71.
- 5. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.
- 6. М и н е н к о Н. А. «Великий князь» Данило Петров сын Тяжелков: феномен самозванства и социальная психология уральского крестьянства в начале реализации реформы 1861 года // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начало XX веков). Челябинск, 1993. С. 94–112.
- 7. М и р о н е н к о С. В. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. С. 239–250. 8. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Декабристы и террористический тезаурус // Литературное обозрение.
- 1996. № 1. C. 65-80.
- 9. Побережников И. В. Слухи как фактор социальных конфликтов на Урале в первой половине XIX века // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 139–152.
- 10. Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М.: Наука, 1990. 300 с. 11. Суздальцева В. Н. Образ власти в пословицах и поговорках русского народа (когнитивно-семантический аспект) // Журналистика и культура русской речи. 2005. № 3. С. 31–47.

- 12. Т и м о ф е е в Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.
- 13. Федотов Г. П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, 1991. 185 с.
- 14. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 311 с.
- 15. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
- 16. Ю р г а н о в А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.

Kamenev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation) Egorov A. K., Petrozavodsk Technical School of Municipal Economy (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE WORLDVIEW FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN PROTEST OF THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

The article is concerned with the worldview foundations of political protests in Russia in the first half of the 19th century. Two social groups of different social strata characteristic of Russia, the Decembrist noblemen and the rioting peasants, are considered. The choice is based on the fact that these two groups were united by a high level of protest moods. The analysis of the worldview foundation of the Russian protests revealed the presence of two fundamentally different protest moods inherent to Decembrist noblemen and rioting peasants. In one case, an active subject transformed surrounding political reality. This subject in his actions was guided by a well-considered program of the New European type. The other group consisted of the politically passive group of people whose views were based on religious beliefs. They looked forward to the coming of the "new world". These two systems of views were diametrically antipodal. One of these poles, based on the ideas of the Enlightenment, could be called rationally modern. The other pole, based on the traditional ideas dating back to the Middle Ages, could be called irrational. However, these two types of protest moods had a common worldview foundation. This foundation consisted of the views expressed through the concept of truth. The world view of both the Decembrist noblemen and peasants reveals their dependence on the idea of the coming of divine order on the Earth. The truth was the ideal that both defined the criterion for the existing social reality assessment and determined the ultimate goal of actions.

Key words: protest, the Decembrists, peasants, the concept of truth, worldview

- 1. Vd o v i n a L. N. What is "we"? (Russian national identity in the context of history from the Middle Ages to the New Times). Vestnik Moskovskogo universiteta. 1993. Ser. 8. History. No 5. P. 6–12. (In Russ.)
- 2. Gratsianskiy P. S. Russian political and legal thought in the second half of the 18th century. Moscow, 1984. 252 p. (In Russ.)
- 3. Danilevskiy I. N., Yurganov A. L. "Truth" and "Faith" of the Russian Middle Ages. Odissey. Chelovek v istorii.
- 1997. Moscow, 1998. P. 144–170. (In Russ.)
  4. Z n a k o v V. V., R o m a n o v a I. A. "Verity" and "Truth" in Christianity and Psychology of Understanding. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 1998. Vol. 19. No 6. P. 61–71. (In Russ.)
- 5. Klibanov A. I. Popular social utopia in Russia. Feudal period. Moscow, 1977. 335 p. (In Russ.)
- 6. Minenko N. A. "Grand Duke" Danilo Petrov son of Tyazhelkov: the phenomenon of imposture and social psychology of the Ural peasantry at the beginning of the implementation of the reform of 1861. Sotsial no-politicheskie instituty provintsial'noy Rossii (XVI – nachalo XX vekov). Chelyabinsk, 1993. P. 94–112. (In Russ.)
- 7. Mir on enko S. V. "Moscow conspiracy" in 1817 and the problem of the formation of Decembrist ideology. *Revolutionery* i liberaly v Russii. Moscow, 1990. P. 239-250. (In Russ.)
- 8. Odesskiy M. P., Fel'dman D. M. The Decembrists and the terrorist thesaurus. Literaturnoe obozrenie. 1996. No 1. P. 65–80. (In Russ.)
- 9. Poberezhnikov I. V. Rumors as a factor of social conflicts in the Urals in the first half of the XIX century. Issledovaniya po istorii knizhnoy i traditsionnoy narodnoy kul'tury Severa. Syktyvkar, 1997. P. 139–152. (In Russ.)
- 10. Rahmatullin M. A. Peasant movement in the Great Russian provinces in 1826–1857. Moscow, 1990. 300 p. (In Russ.)
  11. Suzdal'tseva V. N. The image of power in Russian popular proverbs and sayings (cognitive-semantic aspect). *Zhurnalis*tika i kul'tura russkoy rechi. 2005. No 3. P. 31–47. (In Russ.)
- 12. Timofeev D. V. European ideas in the socio-political lexicon of an educated Russian citizen in the first quarter of the XIX century. Chelyabinsk, 2011. 456 p. (In Russ.)
- Fedotov G. P. Spiritual verses (Russian popular belief in spiritual verses). Moscow, 1991. 185 p. (In Russ.)
   Chistov K. V. Russian popular socio-utopian legends of the XVII–XIX centuries. Moscow, 1967. 311 p. (In Russ.)
   Jetkind A. Inner colonization. Imperial experience of Russia. Moscow, 2013. 448 p. (In Russ.)
- 16. Yurganov A. L. Categories of Russian Medieval culture. Moscow, 1998, 448 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.04.2018

№ 5 (174). C. 65-69

Отечественная история

2018

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.170

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУРЕНКОВ

кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела обеспечения сохранности документов, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва, Российская Федерация) kuren62@mail.ru

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ЗАЩИТА ВОЕННОЙ ТАЙНЫ ВО ВРЕМЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются проблема защиты военной и государственной тайны в военный период и ее взаимосвязь с ходом боевых действий. Целью статьи является определение, влияет ли ход боевых действий на состав, содержание и характер секретных сведений. Этот вопрос пока не освещался в открытой историографии, и в этом его актуальность и новизна. Автором излагаются факты и описаны проводимые Советским государством мероприятия в виде деятельности Главлита по защите военной и государственной тайны в начале и в ходе развития боевых действий в 1939—1940 и 1941—1942 годах. Представлен широкий спектр и примеры сведений, приобретающих статус секретных, защита которых становится актуальной с ходом боевых действий. Отмечено взаимодействие органов политической и государственной власти по защите информации, когда наблюдается расширение круга секретных сведений и на практике вступают в действие и реализуются критерии обоснованности и своевременности защиты информации. Сделан вывод о том, что ход боевых действий непосредственно влияет на количество и характер сведений, требующих защиты. Советскому государству удалось не допустить разглашения значительной части секретной информации военного и государственного значения, так необходимой врагу.

Ключевые слова: Главлит, Уполномоченный СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати, Великая Отечественная война, цензура, ЦК ВКП(б), НКВД СССР, НКГБ СССР, военная и государственная тайна, секретность, защита информации

Открытая историография по теме защиты военной и государственной тайны практически отсутствует, так как в советский период, да и в настоящее время многие документы по данной теме носили и носят тот или иной гриф секретности, были или являются малодоступными для исследователей. Это одна из причин, почему тема защиты информации в целом и защиты военной и государственной тайны в частности не была разработана. В постсоветский период эта тема вызвала особый интерес и было положено только начало ее разработке. Серьезное научное осмысление исторического периода, освещенного в статье, практически только намечается с точек зрения – общей исторической (см. [6], [7], [11], [14]), исторической конкретно по теме (см. [1], [3], [5], [8]), правовой (см. [2], [4], [12], [13]) и специальной (см. [10]), то есть с точки зрения и теории, и практики защиты информации, но отдельно по одному из направлений. Автор статьи фактически впервые пытается осветить этот вопрос в комплексном виде, применяя междисциплинарный подход к изучению темы в ее ретроспективной составляющей [5]. Можно определенно сказать, что изучение этого вопроса только начинается и его историография только складывается, в этом его новизна и актуальность. В архивах имеются документы, которые в настоящее время можно использовать, но они или не так многочисленны, или до настоящего времени имеют гриф секретности и не рассекречены. Данная статья, возможно, внесет определенный вклад в дальнейшее изучение этого вопроса.

Как известно, с началом войны на государство, в связи с большим использованием и прохождением секретной информации через различные каналы, резко увеличивается нагрузка по защите военной и государственной тайны. Это в немалой степени обуславливается непосредственным ходом боевых действий. В Советском Союзе защита информации возлагалась на соответствующие органы, в том числе и на Уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати (далее – Уполномоченный СНК СССР) и Главлит. Так, в связи с Советско-финляндской войной (с ноября 1939 по март 1940 года) на органы Главлита Ленинграда и Ленинградской области легла дополнительная нагрузка по защите военной и государственной тайны в ходе военных действий. В письме Секретарю ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданову № 852с от 28 апреля 1940 года Уполномоченный СНК СССР Н. Г. Садчиков пишет:

Органы цензуры с ноября 1939 по март 1940 г. предупредили разглашение военной и государственной тайны 402 случая: а) сведения о РККА и ВМФ — 110; б) сведений о военных заводах, строительствах и аэродромах — 125; в) сведений оборонного характера — 132; г) сведений

экономического характера — 35... Ходатайствую о награждении начальника Ленинградского Главлита Долматова А. С. и 3—4 цензоров за образцовую работу¹.

Естественно, наступившая вскоре Великая Отечественная война также внесла свои коррективы в деятельность органов, осуществляющих защиту военной и государственной тайны. Вступили в действие законы военного времени и соответственно Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в военное время. Номенклатура таких сведений значительно увеличилась. Это расширение диктовалось нормативными документами, подготовленными до войны, а также обуславливалось самой военной жизнью. Так, в конце 1941 года информационным письмом № 6 от 23.12.1941 года Уполномоченного СНК СССР Н. Г. Садчикова даются дополнительные разъяснения по сведениям:

...нельзя показывать в печати и радио: 1. Об эвакуации предприятий: а) Не показывать, откуда какие заводы эвакуировались в область, город, районы, и их нового месторасположения. б) Ограничить упоминание фамилий директоров эвакуированных заводов, при этом директоров, известных на старом месте по Указам Президиума Верховного Совета или по печати, вовсе не указывать. В районных газетах об эвакуированных заводах печатать не разрешалось; 2. О госпиталях: О нахождении «Н-ского» госпиталя в области без указания города или района его местонахождения в областной газете печатать разрешается. При упоминании о госпитале в открытой печати нельзя указывать лишь количество больных, характер ранений, с какого фронта больные и т. п. сведения, запрещенные дополнениями на военное время; 3. По транспорту: Запрещается согласно дополнения... все сведения о времени, пунктах отправления, прибытия, составе и маршрутах воинских поездов с воинскими частями и военными грузами... о системах, паровозах на дорогах².

В дальнейшем возникали определенные сведения, освещающие непосредственно боевые действия на фронте, запрещение которых диктовалось как оперативной военной обстановкой, так и тактическими и стратегическими планами и политическими соображениями. К примеру, запрещено было, кроме правительственных сообщений и Совинформбюро,

...опубликовать материалы, раскрывающие боевые действия подводных лодок, ход мобилизации женщин в Красную Армию, сведения о танках «Черчилль» и «Тетрах» и частично танках «Матильда» и «Валентайн», боевые действия в масштабе фронта и направления, а также действия парашютных и морских десантов, сведения о мероприятиях по сооружению укрепленных рубежей, об установках Костикова, о деятельности Севморпути, абсолютные количественные данные о падеже скота, о препарате Кудряшева «Трамбин», действия партизанских отрядов, участие в боевых операциях медицинского персонала, сведения о стальном нагруднике и винтовочной агитгранате, сведения о формировании и боевых действиях минометных частей и соединений, использование трофейных танков с немецкими опознавательными знаками, данные о новой организации в Красной Армии гвардейских минометных бригад и дивизий, о формировании Уральского добровольческого корпуса, сведения о восстановлении военных заводов в освобожденных от немецких оккупантов районах, боевые действия дальнебомбардировочной авиации, количество номенклатур грузов, перевозимых по Севморпути, Каспийскому морю, Волге и каналу Москва – Волга, боевые операции на фронтах, а также статьи генералов с обобщением боевых операций на каком-либо участке фронта или направлении и другие³.

По поставкам по ленд-лизу

...категорически запрещалось упоминание в печати о прибывших из-за границы в порты СССР транспортах, о путях их следования, время прибытия, характер перевозимого груза, порт прибытия, названия транспортов, все сведения конвоя (транспорты и сопровождающие их военные корабли)⁴.

В 1942 году сведения, освещающие ход боевых действий, не подлежащие разглашению, конкретизировались. Так, «все материалы» о парашютных и морских десантах включали: место высадки, количество, боевые действия, подготовку, виды транспорта, вооружение и др. В каждом отдельном случае вопрос об опубликовании решался только после просмотра сведений Совинформбюро. Все материалы о боевых действиях, авторами которых являлись генералы Красной армии, печатались только с разрешения Главлита. Материалы об участии морской пехоты на любом фронте и направлении разрешалось пропускать к опубликованию только в строгом соответствии с требованиями «Дополнения к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время». Циркулярным письмом Уполномоченного СНК СССР № 410с от 27 мая 1942 года предписывалось не пропускать материалы

о конкретных мероприятиях по сооружению укрепленных рубежей вокруг городов, населенных пунктов или определенных участков... Разрешалось печатать в отдельных случаях только с санкции Главлита⁵.

Периодически для цензоров печатались списки вооружений по родам войск, по которым было запрещено полностью опубликовывать (сведения, снимки и рисунки) или же разрешалось опубликовывать, но с ограничениями, а также сведения, которые можно было сообщать свободно, без ограничений. К примеру, разрешалось опубликовывать сведения об уже известной врагу или устаревшей технике. Так, например, информацию по танкам: Т-26, Т-27, Т-28, T-34, T-35, T-37, T-38, T-40, T-60, T-70, BT-2, BT-5, БТ-74, КВ-1, КВ-2 можно было упоминать в открытой печати и показывать их фото, а их тактико-технические данные – только с грифом «дсп»⁶. С 22 июля 1942 года возобновляется предоставление начальнику Главлита ежедневных сводок «вычерков» по г. Москве. На протяжении всей войны, в том числе и рассматриваемого периода, приказом Главлита постоянно в оперативном порядке вносились дополнения и разъяснения к «Дополнению к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время». К примеру, циркулярным письмом № 644с от 20 июля 1942 года цензурным органам было внесено такое дополнение в Перечень:

Разрешаются в сообщениях упоминание гарнизонов в центрах союзных, республиканских, краевых, областных городах... не раскрывая состав воинских частей, род войск, количество бойцов и др... Во всех остальных пунктах упоминание о наличии гарнизона запрещается... в приказах начальников гарнизонов в пунктах прифронтовой полосы не разрешается указывать звание начальников гарнизонов⁷.

Как известно, координацией работ по обеспечению сохранности военной и государственной тайны в масштабах всей страны, как функции государства, занимались высшие органы ВКП(б) как через государственные, так и партийные структуры. По государственной линии они действовали через органы НКГБ и НКВД, аппарат Уполномоченного СНК СССР, систему Главлита и др., режимно-секретные органы в учреждениях и предприятиях, по партийной линии - особые сектора партийных комитетов. ЦК утверждал или предлагал к исполнению определенные, в основном наиболее важные вопросы как внешнеполитической, так и внутригосударственной деятельности, связанные с защитой военной и государственной тайны. Так, к примеру, в секретном письме Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Уполномоченному СНК СССР № 2В от 31 октября 1942 года:

ЦК предлагает при освещении в печати вопросов партизанского движения запретить опубликование: а) фамилий и имен командиров и комиссаров партизанских отрядов, а также фамилий партизан, фотоснимков, по которым можно опознать личность партизан или местность, где действуют партизаны; б) названия населенных пунктов и районов действий партизан, кроме указания области; в) материалов, раскрывающих: - количественный состав партизанских отрядов, их структуру и вооружение; - формы связи партизан с населением и командованием Красной Армии; - действия диверсионных групп в городах и населенных пунктах, занятых немцами. Распоряжение о данных цензурных ограничениях необходимо довести до сведения редакторов газет и журналов⁸.

Далее на основании данного письма вышел приказ Уполномоченного СНК СССР, по которому разрешалось печатать сведения только с визой Штаба партизанского движения, а параграф 18 «Дополнения к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время» утрачивал силу. Но имели место не только руководящая составляющая со стороны ЦК ВКП(б), но и движение в обратном направлении, когда во многом инициаторами вопросов становились вышеперечисленные государственные структуры, когда ЦК не только утверждал, но и сам просил экспертизы и заключения (были случаи, когда документы высших органов страны и партии подвергались цензурной оценке) по тем

или иным вопросам обеспечения режима секретности у компетентных органов.

О масштабе оперативной работы Главлита по защите военной и государственной тайны говорят цифры. Так, в Сводке изъятий цензуры в материалах радио, печати, кино с 19 января 1942 года по 31 декабря 1942 года, которые направлялись в СНК СССР и ЦК ВКП(б), отмечались важнейшие изъятия, в которых разглашались секретные сведения. В сводке было зафиксировано, что за данный период всего было сделано 870 изъятий:

...по охране военной и политической тайны – 764; политические мотивы – 103; политико-идеологические -3. По мотивам разглашения военно-государственной тайны были изъяты следующие сведения: По организации Красной Армии и Военно-Морского Флота, раскрывающие новые виды формирования, вооружения, номера воинских частей, дислокацию; дислокации и передислокации Красной Армии и Военно-Морского Флота, где указаны фронты, города, районы, пункты, а также фамилии командиров частей; боевой подготовке и боевой готовности к выступлению на фронт конкретных частей; боевой технике Красной Армии и Военно-Морского Флота – новое оснащение, вооружение, совершенствование, повышение боеспособности; тактике военной хитрости или разгадывание планов противника; о партизанских отрядах и партизанах, их конкретных действиях с указанием районов действий; о высадке и способе высадки десантов; по боевым эпизодам, способствующим раскрытию оперативных планов, сведения, не сообщавшиеся Совинформбюро; указание пунктов, где происходили бои, не опубликованные в Совинформбюро; о мобилизации женщин в Красную Армию; сведениям о военно-санитарном деле, запрещенным к опубликованию; строительству оборонительных сооружений с указанием районов строительства; гидрографическим и морским приборам; вопросам военной промышленности: дислокация, характер военной продукции, выработка конкретных заводов, строительство новых и др.; путям сообщений, железнодорожному транспорту, морским коммуникациям, условиям транспортировки грузов из Англии, Америки и пр.; вопросам, связанным с Всеобучем: количество обучающихся в конкретных районах, формирование из них военных частей, отправка в действующую армию сформированных частей; о шпионаже, где было описание нескольких случаев, где указаны конкретные лица, место, время и условия поимки шпионов; сведениям о падеже скота от острых инфекционных заболеваний, носящих массовый характер, с указанием районов и цифровых данных. Также были изъятия и по политико-идеологическим мотивам⁹.

Как видно из сводки, все указанные там сведения входили в Перечень сведений, запрещенных к опубликованию на военное время.

Таким образом, войны вносили свои коррективы в состав сведений, составляющих военную и государственную тайну, которых в этот период становилось все больше, а их защита требовала оперативного вмешательства и исполнения. Так, к примеру, требовалось постоянно вносить изменения в «Дополнения к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время» для дальнейшего использования его в работе. Кроме того, органам цензуры давались указания в вопросах сохранения тайны и тех сведений, которые возникали непосредственно в ходе боевых действий на фронте. В государстве сформировалась система тесного взаимодействии между ЦК ВКП(б), СНК СССР, РККА и ВМФ, НКВД, НКГБ, Уполномоченным СНК СССР, Главлитом и другими органами в этой области. Так, государство в основном оперативно реагировало на быстро меняющуюся обстановку и возникновение новых ситуаций и сведений, требующих информационной защиты. В печати и на радио были случаи недопонимания и халатности в сохранении военной и государственной тайны, особенно в начальный период войны, о чем говорит большое количество «вычерков», сделанных органами цензуры. «Вычерк» - это термин, употребляемый в цензурной работе, означающий цезурный запрет на сведения (буквально вычеркнутые из текста при просмотре цензором), не разрешенные к разглашению, в основном составляющие военную и государственную тайну, а также, как сейчас принято говорить, политически некорректные сведения и выражения. Хотя не обходилось и без ошибок и перегибов органов власти. Принимая во внимание известное утверждение о том, что создание абсолютной (то есть идеально надежной) системы защиты информации принципиально невозможно, а с началом войны, естественно, увеличилось и количество сведений, составляющих тайну, приобрели особое значение сведения о численности личного состава Красной армии, дислокации воинских частей - особенно при подготовке наступательных операций, оперативных военных планах, переброске войск и грузов, сведения о новой боевой технике и вооружении, производстве оборонной продукции и все сведения, предусмотренные перечнем на военное время. В этой связи можно процитировать признание начальника штаба 4-й армии вермахта генерала Гюнтера Блюментрита:

Нам было очень трудно составить ясное представление об оснащении Красной Армии... Гитлер отказывался верить, что советское промышленное производство может быть равным немецкому. У нас было мало сведений относительно русских танков. Мы понятия не имели о том, сколько танков в месяц способна произвести русская промышленность. Трудно было достать даже карты, так как русские держали их под большим секретом. Те карты, которыми мы располагали, зачастую были неправильными и вводили нас в заблуждение. О боевой мощи русской армии мы тоже не имели точных данных. Те из нас, кто воевал в России во время Первой мировой войны, считали, что она велика, а те, кто не знал нового противника, склонны были недооценивать ее [7: 165].

Сам же автор книги, где приводится данная цитата, ныне министр культуры Российской Федерации В. Р. Мединский, делает для себя открытие и затем вполне правильные выводы из вышеописанного:

Оказывается, немцы не знали нашего оборонного потенциала! Хорошо же была налажена секретность в предвоенном СССР, которую интеллигенция считает глупой шпиономанией. Подчеркну, эти воспоминания относятся не к весне 1945-го, когда мы стояли на подступах к Берлину, а к осени 1941-го, когда немец пер на Москву [7: 165].

В итоге можно вполне определенно констатировать, что принятые в стране меры по защите военной и государственной тайны, являясь частью контрразведывательной работы, в данный период и в дальнейшем до конца войны (1943-1945) позволяли в основном перекрывать определенные каналы утечки секретной информации и до минимума свести разглашение секретных свелений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 18. Л. 59.
- ² Там же. Д. 22. Л. 91–92.
- ³ Там же. Д. 24. Л. 7–9. ⁴ Там же. Д. 22. Л. 73.
- ⁵ Там же. Д. 38. Л. 9.
- ⁶ Там же. Д. 36. Л. 128.
- ⁷ Там же. Д. 38. Л. 14. ⁸ Там же. Д. 35. Л. 69.
- 9 Там же. Д. 108. Л. 248–248об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Бормотова А. Р. Цензура печатных органов Курской области в начале Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 107. С. 27–30.
- 2. В ер ю т и н В. Н. Общественные отношения, возникающие в сфере отнесения сведений к государственной тайне // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 4 (84). С. 313–323.
- 3. Дианов С. А. Пермский обллит накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 годы) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 21–33.
- 4. Зеленов М. В. Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2012. Вып. 1. С. 143–159.
- 5. Куренков Г. А. От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП(б) ВКП(б). 1918–1941 гг. М.: АИРО XXI, 2015. 252 с.
- 6. Малышева Е. М. Органы НКВД-НКГБ в политической системе СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. Вып.1. С. 38–45.

- Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 704 с.
- Парамонов В. Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2 (93). С. 125–133.
- 9. Петровичева Е. М., Тряхов И. С. Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Владимирского края) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. Т. 4. История. С. 49–59.
- 10. Печковский П.В. Цензура в печати как элемент государственной политики в области информационной безопасности Советской России // Вестник Брянского госуниверситета. 2015. № 3. История. С. 116–121
- 11. Похил К. Ф. Особенности информационного взаимодействия структур НКВД НКГБ СССР и органов власти в 1941–1945 годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 1 (45).
- 12. Соколова О. С. Институт государственной тайны в российском законодательстве // Современное право. 2003. № 11. C. 14-17.
- 13. Устинков А. В. Государственная тайна как функция государства по отношению к обществу и личности // Право и безопасность. 2004. № 1 (10). 14. Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Изд-во Главного архивного управления
- города Москвы, 2011. 432 с.

Kurenkov G. A., Russian State Archive of Socio-Political History (Moscow, Russian Federation)

COMBAT OPERATIONS AND PROTECTION OF MILITARY SECRETS DURING THE SOVIET-FINNISH WAR AND AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is concerned with the problem of the military and state secrets' protection during combat operations and its interrelations with the course of military development. The purpose of the article is to define whether the course of military actions influences the structure, the contents, and the character of classified information. The question has not been previously studied in the open historiography. This fact explains both its contemporary relevance and novelty. The author provides the facts and describes measures, undertaken by the Soviet State in the form of the activity conducted by "Glavlit", aimed at the protection of the state secrets at the very beginning and during military actions of the 1939–1940 and 1941–1942. The author of the article provides a wide range of examples containing classified data. The protection of these classified data becomes essential in the course of military operations. Active interaction of political and governmental bodies on the information security is observed in the event of classified information expansion. Criteria on the classified information justification and its timely protection become practically effective. The author came to a conclusion that the course of military actions directly influences the quantity and the character of data demanding protection. The Soviet state managed to protect a considerable part of classified information of the military and state value so necessary for the enemy.

Key words: Glavlit, the Representative of SNK USSR for the protection of military and state secrets in the press, the Great Patriotic War, censorship, the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks), People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR, NKGB USSR, a military and state secret, privacy, information security

REFERENCES

- 1. Bormotova A. R. Censorship of publications of Kursk region at the beginning of the Great Patriotic War. Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Science. 2009. Issue 107. P. 27–30. (In Russ.)
- 2. Verjutin V. N. The public relations arising in the sphere of reference of data to the state secret. Tambov University Review. Series Humanities. 2010. Issue 4 (84). P. 313–323. (In Russ.)
- 3. Dianov S. A. The Perm regional litas on the eve and during the Great Patriotic War (1939–1945). Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law. 2014. No 1. P. 21-33. (In Russ.)
- Zelenov M. V. Military and state secrets of the RSFSR and the USSR and their legal support (1917–1991). Leningrad Law Journal. 2012. Issue 1. P. 143-159. (In Russ.)
- 5. Kurenkov G. A. From conspiracy to privacy. Protection of the Party the state secret in RCP(b) the All-Union Communist Party (bolsheviks). 1918–1941. Moscow, AIRO – XXI Publ., 2015. 252 p. (In Russ.)
- 6. Malysheva E. M. Bodies of the Peoples' Commissariat for Internal Affairs-NKGB in political system of the USSR in days of the Great Patriotic War of 1941–1945. The Bulletin of Advghe State University. 2006. Issue 1. P. 38–45. (In Russ.)
- 7. Medinskii V. R. War. Myths of the USSR. 1939–1945. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2014. 704 p. (In Russ.) 8. Paramonov V. N. Privacy in the Soviet society in 1920–1940. Vestnik of Samara State University. 2012. No 2/2 (93).
- P. 125–133. (In Russ.) Petrovicheva E. M., Trjahov I. S. Censorship in days of the Great Patriotic War of 1941–1945 (on materials of the Vladimir region). Vestnik of Pushkin Leningrad State University. 2015. No 1. Vol. 4. History. P. 49–59. (In Russ.)
- Pechkovskij P. V. Censorship in the press, as an element of the state policy in the field of information security of the Soviet Russia. The Bryansk State University Herald. 2015. No 3. History. P. 116–121. (In Russ.)
- 11. Pohil K. F. Features of information exchange of structures of People's Commissariat for Internal Affairs NKGB USSR and authorities in 1941–1945. Vestnik of Saratov State Socio-Economic University. 2013. No 1 (45), P. 73–75. (In Russ.)
- 12. Sokolova O. S. Institute of the state secret in the Russian legislation. The Modern Law. 2003. No 11. P. 14–17. (In Russ.)
- 13. Ustinkov A. V. The state secret as function of the state in relation to the society and the personality. Law and Security. 2004. No 1 (10). (In Russ.)
- Hristoforov V. S. Organa of state security of the USSR in 1941–1945. Moscow, Izd-vo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy Publ., 2011. 432 p. (In Russ.)

№ 5 (174). C. 70-75

Отечественная история

2018

УДК 94(470.22)"19"

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.171

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) ivikshor@yandex.ru

УЧАСТИЕ АРТИСТОВ КАРЕЛИИ В VIII ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В ХЕЛЬСИНКИ В 1962 ГОДУ

Статья посвящена не изученному в исторической науке вопросу подготовки и участия артистов КАССР в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 году. Материалами для исследования послужили архивные источники, советская и финляндская периодическая печать. Цель исследования, выполненного на основе сравнительно-исторического метода, – оценить участие артистов Музыкально-драматического театра и ансамбля «Кантеле» в международном событии. Было установлено, что основной акцент в культурной программе советской делегации был сделан на балете «Сампо». Постановка смогла продемонстрировать достижения советского балета, сохранившего лучшие традиции русского танцевального искусства, и показать высокий уровень развития культуры в регионах СССР. Установленное различие в объеме и качестве освещения событий культурной программы фестиваля в финских и советских источниках объясняется не невниманием хозяев фестиваля к показам достижений искусства стран-участниц, а острой политической борьбой в Финляндии в начале 1960-х годов. Между тем участие артистов Карелии в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов позволило им получить мировую известность, познакомиться с творческими работами иностранных коллег. Подготовка балетной труппы Музыкально-драматического театра и ансамбля «Кантеле» к фестивалю, тесное сотрудничество со специалистами из Москвы и Ленинграда также следует признать стимулом для дальнейшего развития искусства региона. После фестиваля культурные контакты Карелии и Финляндии стали регулярными и плодотворными.

Ключевые слова: VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Карелия, Хельсинки, Музыкально-драматический театр, балет «Сампо», «Кантеле»

Истории всемирных фестивалей молодежи и студентов, а также участию в них советских делегаций в современной исторической науке не уделяется должного внимания. Если общие вопросы истории VI Всемирного фестиваля, проходившего в Москве в 1957 году, еще привлекали исследователей [4], [5], то другие фестивали и выступление на них молодежи СССР остаются вне поля зрения историков. Советская историография исследовала этот вопрос в общем дискурсе общественной деятельности советских сторонников мира [1], [8]. Между тем VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в 1962 году в Хельсинки, представляет научный интерес не только с точки зрения участия провинциальных представителей искусства в международном событии, но и с позиции анализа развития творческого потенциала Карелии в начале 1960-х годов и укрепления в дальнейшем культурных связей республики с Финляндией [7: 326–346]. Превосходное выступление делегации из СССР на фестивале должно было не только продемонстрировать успехи в развитии культуры, спорта и образования страны, но и еще раз подчеркнуть возросший международный престиж Советского Союза.

В решении амбициозных задач, стоявших перед советской делегацией, помогали артисты

Карелии. Они в составе советской делегации 28 июля—6 августа 1962 года принимали участие в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. В столицу Финляндии прибыли представители 137 стран-участниц. СССР был представлен на фестивале 700 участниками¹.

Программа советской делегации на фестивале была насыщенной [6]. Она включала в себя официальную часть, в рамках которой состоялась встреча председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами С. К. Ромодановского, личного представителя Л. И. Брежнева, с президентом Финляндии У. К. Кекконеном². Общественно-политическая часть программы предполагала участие советской молодежи в дискуссиях по актуальным вопросам социального, политического, экономического развития стран и современной международной обстановки³. Спортивная составляющая фестиваля была представлена состязаниями, показательными выступлениями и соревнованиями в различных видах спорта между молодежными командами стран-участниц⁴. Каждая из них представляла и культурную часть программы своего участия в фестивале. Советская творческая молодежь давала национальный концерт и четыре балетных спектакля, а также принимала участие в 15 международных концертах⁵.

Кроме этого каждый день артистов был заполнен множеством разнообразных выступлений. Они работали на открытых площадках, в закрытых помещениях и в парках, давали самостоятельные и смешанные концерты на улицах и в клубах финской столицы⁶.

Советская делегация стремилась представить культуру многонационального советского народа во всем ее многообразии⁷. Так, на площадках фестиваля выступали эстонский девичий октет «Лайне», танцевальная группа Украинского народного хора, воронежский ансамбль учащихся профессионально-технических школ, ансамбль работников городского транспорта Тбилиси и др.⁸ На VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки были задействованы такие известные представители советского искусства, как М. Ростропович, Г. Измайлова, Т. Миансарова, Е. Евтушенко⁹. С участниками фестиваля провел встречу Ю. А. Гагарин [10].

Выступления артистов Карелии заняли важное место в программе участия советской делегации на фестивале¹⁰. Представлять искусство края на международной арене в Хельсинки доверили Музыкально-драматическому театру. Он привез на фестиваль специальную концертную программу, состоявшую из пяти карельских и финских танцев, среди которых наиболее известными были «Шестерка в тройках», танец с ложками, «Рыболов», хореографическая картина «Стелла»¹¹. В соответствии с основным лозунгом фестиваля «За мир и дружбу» в программе артистов из Карелии была показана композиция «Память о Хиросиме», представлявшая собой танец в память жертв этой трагедии¹². Артисты республики также приняли участие в национальном концерте советской делегации, где были показаны карельские и финские народные танцы, а заслуженные артисты КАССР С. Губина и Ю. Сидоров исполнили «Советский вальс» М. Дунаевского¹³.

Главным событием балетного искусства на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов должен был стать балет «Сампо» (муз. Г. Н. Синисало, пост. И. Смирнов; отдельные балетные номера в постановке М. М. Мнацаканяна и В. И. Кононова)¹⁴. Представляется, что для участия в фестивале балет был выбран неслучайно. Во-первых, сама постановка стала заметным культурным событием в СССР. Спектакль был поставлен в 1959 году для Декады карельского искусства и литературы в Москве. В подготовке балета были задействованы лучшие творческие силы Карелии, Ленинграда и Москвы. Во-вторых, само место проведения фестиваля предполагало сделать акцент на культурной близости народов Карелии и СССР с финским народом. Балет «Сампо», поставленный на основе эпоса «Калевала», как нельзя лучше выполнял эту роль в условиях культурного, экономического и политического сближения позиций СССР и Финляндии в послевоенный период [9: 334– 348]. В-третьих, молодой коллектив Музыкальнодраматического театра, многие артисты которого закончили хореографические училища только во второй половине 1950-х годов, полностью соответствовал возрастной категории участников фестиваля.

Подготовка главного номера программы советской делегации к выступлению на международной сцене проходила непросто и в условиях сжатых сроков¹⁵. Балет «Сампо» после Декады показали советскому зрителю в Ленинграде, Горьком, Рязани, Архангельске и других городах. Он был снят на киностудии и транслировался в кинотеатрах и по телевидению. «Сампо» приобрел известность в СССР, но, как отмечали специалисты, стал терять в художественном отношении, утратил живость и яркость сцен, артисты стали позволять себе небрежность и облегчали сложные пируэты¹⁶.

Для показа балета мировой общественности в Хельсинки требовалась также серьезная работа по увеличению динамичности всего действия и сокращению некоторых сцен. Изначально спектакль предполагал большое количество артистов, занятых в многочисленных массовых сценах и танцах балета. Но ограничение числа участников карельской делегации фестиваля также потребовало внесения дополнительных изменений в постановку. Кроме того, в Хельсинки сцена Национального театра оказалась меньше сцены Музыкально-драматического театра в Петрозаводске, что привело к отказу от участия в балете еще и артистов хора¹⁷.

Для работы над фестивальным вариантом балета из Москвы был приглашен его постановщик балетмейстер И. В. Смирнов¹⁸. У него уже был опыт работы над спектаклями, рассчитанными на зарубежного зрителя¹⁹. И. В. Смирнов заранее был отправлен в рабочую командировку в Хельсинки с целью изучения сцены Национального театра Финляндии, на которой предстояло выступать артистам Карелии с балетом «Сампо»²⁰. Интересно, что у советской делегации имелись планы показать «Сампо» на отрытом воздухе в большом парке в центре Хельсинки. В нем располагался музей деревянной архитектуры древних северных народов, на фоне экспонатов которого балет смотрелся бы особенно выигрышно. Но от проекта пришлось отказаться, поскольку его осуществление потребовало бы большого числа участников, а артисты «Сампо» были ограничены регламентом в четыре десятка исполнителей²¹.

В связи с тем что музыканты Карелии по уровню исполнения или по возрастным характеристикам не соответствовали уровню международного молодежного фестиваля, музыкальное сопровождение «Сампо» за рубежом осуществлял симфонический оркестр Московской консерватории во главе с профессором М. Н. Тэрианом под управлением ленинградского дирижера В. Г. Широкова [3]. Работа над танцевальной частью балета «Сампо» и над изменением его

музыкального оформления велась дистанционно. Оркестр и артисты балета провели лишь несколько совместных репетиций непосредственно перед отъездом на фестиваль²².

В конце мая 1962 года в Петрозаводск для просмотра спектакля Музыкально-драматического театра прибыла комиссия в составе председателя Комитета молодежных организаций СССР П. Н. Решетова, главного режиссера фестиваля И. М. Туманова, секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова²³. По итогам смотра министр культуры КАССР Л. Колмовский оценил как «недостаточную» проделанную театром работу по подготовке балета «Сампо» к VIII Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Он отметил, что руководство театра и постановочная группа в составе И. В. Смирнова и А. А. Шелковникова не выполнили предложений по доработке и улучшению балета²⁴.

В условиях спешки возникло некоторое недопонимание между творческими и руководящими работниками Карелии. И. В. Смирнов в воспоминаниях о подготовке балета «Сампо» к выступлению в Хельсинки делал акцент на напряженной, но слаженной работе коллектива над спектаклем и не упоминал о каких бы то ни было нареканиях со стороны руководства²⁵. Конечно, можно предположить, что известный балетмейстер не хотел признавать неприятный факт низкой оценки его работы руководством Карелии и компетентными органами, обеспечивавшими подготовку к фестивалю. Однако это не помешало И. В. Смирнову отметить множество других проблемных и сложных мест, с которыми он столкнулся в процессе подготовки балета к зарубежному показу. Представляется, что в условиях территориальной разделенности коллектива, резкого сокращения количества задействованных в спектакле лиц, а также дефицита времени реализовать в полной мере все изменения в балете было крайне затруднительно. Тем не менее политическая подоплека показа «Сампо» на фестивале как «триумфа советского балета» требовала наилучшего результата от коллектива. Именно этими причинами и была вызвана жесткая реакция руководства Карелии на неудачи майского смотра балета.

К весне 1962 года еще не было готово новое оформление «Сампо». Для проведения работ по обновлению декораций к спектаклю петрозаводский Музей ИЗО на один месяц передал специалистам Музыкально-драматического театра выставку иллюстраций художников республики к народному эпосу «Калевала»²⁶. Только к середине лета в Москве были сшиты выдержанные в стиле народов Севера новые костюмы для артистов балета и подготовлен новый макет ключевой части декораций – мельницы Сампо²⁷.

Еще одним итогом майского смотра стал приказ Министерства культуры КАССР руководству Музыкально-драматического театра, который предписывал организовать силами театра также и подготовку концертной программы для VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, положив в ее основу номера с небольшим числом исполнителей²⁸.

Сложность работы над этой частью международного выступления артистов Карелии заключалась в том, что Музыкально-драматический театр должен был при этом вести свою обычную деятельность. Подготовка к фестивалю балетной труппы театра, а также ее отъезд в Хельсинки заставили на месяц прервать летние гастроли. В условиях, когда театр должен был выполнять плановые показатели по доходам, министр культуры КАССР Л. Колмовский обратился с просьбой в Совет Министров республики разрешить Музыкально-драматическому театру в 1962 году внеплановые гастроли в Ленинграде. Опыт предыдущих гастролей и успех Музыкально-драматического театра у ленинградцев позволяли рассчитывать на покрытие убытков театрального коллектива²⁹.

Финансовые обязательства Музыкально-драматического театра заставили его артистов летом 1962 года отправиться на гастроли в Мурманск. Между тем штатное расписание театра не предусматривало должности концертмейстера. Для подготовки театра к ответственному выступлению в Мурманск для концертмейстерской работы были отправлены педагог Музыкального училища Г. М. Цвибель и методист по танцам Дома народного творчества Ф. В. Козин³⁰. Они вели работу с артистами по подготовке концертной части программы в свободное от гастрольных спектаклей время.

В программу концерта были также включены лучшие народные танцы ансамбля «Кантеле» («Круга», «Шестерка в тройках», шуточный рыбацкий танец, «Финская полька» в постановке В. И. Кононова), который находился в Петрозаводске и готовился к выступлению в Финляндии самостоятельно³¹.

В начале июля 1962 года в Петрозаводске прошел общественный смотр концертной части программы, подготовленной для VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. К этому же времени были готовы переводы и изданы на русском и финском языках афиши, программа, либретто для участия делегации из Карелии в международном мероприятии³².

5 июля 1962 года труппа Музыкально-драматического театра, занятая в балете и в концертной программе, и артисты «Кантеле» собрались в Москве, где на сцене филиала МХАТ продолжили репетиции в полном творческом составе³³. Началась непростая работа по согласованию музыкальной и танцевальной составляющих балета «Сампо». Коллектив вынужден был работать чуть ли не круглосуточно. 15 июля, в воскресенье, в столице состоялся последний просмотр балета «Сампо». Напряженная работа артистов, музыкантов, балетмейстеров и постановщиков была высоко оценена художественным советом и московскими зрителями. «Спектакль смотрелся

и звучал лучше, чем на премьере», было отмечено в прессе³⁴.

Если с творческой частью балета основные сложности были решены, то техническое оформление спектакля пришлось дорабатывать уже на сцене в Хельсинки. На VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов советскому техническому персоналу пришлось потратить много времени на монтировочные работы, репетицию световой партитуры, организацию перемен декораций между картинами. В результате единственная сценическая репетиция в Финляндии для артистов балета «Сампо» не смогла пройти как генеральная: мешало большое количество недоделок в постановочной части. Работники сцены трудились более суток без перерывов, чтобы подготовить ее к премьерному международному показу балета «Сампо». Однако наладить взаимодействие с финскими техническими работниками в полной мере не удалось. Во время спектакля, когда было необходимо убирать и ставить декорации, Н. Н. Васин, машинист сцены Кремлевского дворца съездов и руководитель машинно-декорационной части на фестивале, вынужден был прибегать к помощи петрозаводских артистов³⁵.

Премьера балета «Сампо» на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов состоялась в среду, 1 августа 1962 года. Все билеты на спектакль были проданы заранее, но у кассы «толпились люди, надеясь на счастливый случай»³⁶. Директор Музыкально-драматического театра С. П. Звездин в интервью, данном уже после возвращения с фестиваля, заметил, что молодой англичанин пытался пробраться в театр на «Сампо» через окно. Из-за этого происшествия начало спектакля задержали на 12 минут³⁷.

Успех балета «Сампо» в Финляндии отмечали и в советской, и в финляндской прессе. Четыре представления «Сампо» в Национальном театре в Хельсинки прошли в переполненном зале.

У подъезда театра творится нечто невообразимое. В зале немногим более 600 мест. Билеты все проданы... Театр штурмуют. Контролеры едва сдерживают напор тех, кто потрясает своими фестивальными карточками, туристскими удостоверениями и другими бумагами, которые, по их представлениям, обязательно должны открыть доступ в зрительный зал³⁸.

Советские туристы оказывали помощь контролерам в пропуске зрителей на спектакль «Сампо».

И порой невозможно было устоять перед просьбами. Группа колумбийцев на ломаном русском языке просила пропустить, так как советские и дома посмотрят балет. Пропустили без билетов и колумбийцев, и итальянцев. А потом просто пришлось закрыть двери, театр был до предела полон³⁹.

Руководство петрозаводского театра разместило в фойе Национального театра Хельсинки в обложке из карельской березы книгу для отзывов иностранных зрителей [2]. После четырех показов балета страницы книги отзывов представ-

ляли собой «коллективный дифирамб в адрес советского искусства»⁴⁰.

Зрители и критики особенно отмечали успех заслуженных артистов КАССР С. Степановой, В. Мельникова и С. Губиной⁴¹. Заместитель министра культуры КАССР С. Колосенок в отчетных документах обращал внимание на то, что балет «Сампо» на фестивале прошел с исключительным и небывалым успехом⁴². В архивных источниках и материалах прессы представлены многочисленные положительные и восхищенные отзывы о спектакле зрителей из Австрии, Австралии, Канады, Франции, Италии, Румынии и других стран⁴³.

Финская пресса благожелательно встретила балет «Сампо». В советских источниках приведено множество выдержек из финноязычных периодических изданий («Kansan Uutiset», «Маакапsa», «Neuvy Sanomat») с хвалебными отзывами о танцевальном и музыкальном искусстве петрозаводского театра и в целом о советском балете, о мастерстве артистов Карелии С. Губиной, В. Мельникова, С. Степановой, Е. Павловой, Ю. Сидорова⁴⁴.

Однако финские исследователи отмечают немногочисленность публикаций в местной прессе о событиях культурной части фестиваля. J. Lindfors и J. Sedergren объясняют это тем, что журналистов Финляндии в те дни гораздо больше волновали столкновения с полицией молодежи, настроенной против проведения в стране фестиваля [13], [14]. Беспорядки в Хельсинки начались с первого дня его работы [11], [12]. Е. Тиотоја видел главную причину протестного движения в Хельсинки в политическом кризисе, поразившем Финляндию в начале 1960-х годов из-за реализации президентом У. Кекконеном программы по сближению позиций СССР и Финляндии [15].

Политический контекст VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов требует детального анализа, но участие артистов Карелии в мероприятии следует признать успешным. При этом обращает на себя внимание то, что в целом усилия всего творческого коллектива Карелии по подготовке к выступлению на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в материальном выражении были оценены довольно скромно⁴⁵.

В прессе СССР несколько утрировано положительное впечатление, произведенное балетом на иностранную публику, но международный дебют балетной труппы Музыкально-драматического театра безусловно удался. То обстоятельство, что в освещении советской культурной программы фестиваля основной упор делался именно на балет, позволяет утверждать, что «Сампо» являлся ее центральным пунктом. Из концертной программы карельских артистов следует выделить танцы «Танец с ложками» и «На огонек». Они понравились московскому руководству и были записаны Московской студией телевидения уже после фестиваля для трансляции советскому зрителю⁴⁶.

Балет «Сампо» продемонстрировал молодежи стран – участниц фестиваля достижения советского классического танцевального искусства и доказал, что в Советском Союзе балет высокого уровня доступен не только в крупнейших культурных центрах, Москве и Ленинграде, но и в провинциальных городах. Важно отметить, что международный успех «Сампо» был обеспечен сотрудничеством творческих деятелей Москвы, Ленинграда и регионов Советского Союза.

Артисты Карелии, принимавшие участие в фестивальных мероприятиях, получили возможности для дальнейшего профессионального роста и от этого сотрудничества в период подготовки к фестивалю, и в результате того, что смогли познакомиться с новыми направлениями современного танцевального искусства европейских стран и особенностями национальных танцев народов мира. Это позволило Музыкально-драматическому театру в последующие годы соответствовать высоким мировым стандартам. Финляндские граждане всегда проявляли интерес к Карелии, а после показа в Хельсинки балета «Сампо», основанного на общем для народов двух стран эпосе, начавшееся в конце 1950-х годов культурное сотрудничество Карелии и Финляндии стало более регулярным и плодотворным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленинская правда. 1962. 25 июля. Ленинская правда. 1962. 31 июля. Ленинская правда. 1962. 25 июля.
- Костерин С. На орбите Фестиваля // На рубеже. 1962. № 5. С. 78; НА РК. Ф. Р-1627 (ГУК «Объединенная дирекция Музыкального театра и Русского театра драмы РК (1935–2009)»). Оп. 3. Д. 5/59. Л. 20об. Ленинская правда. 1962. 25 июля.
- ⁶ Ленинская правда. 1962. 7 августа.; НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 20. ⁷ Комсомолец. 1962. 28 июля.
- Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 107.
- Там же. С. 106.
- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-3017(Министерство культуры и по связям с общественностью РК (1955–2007)). Оп. 1. Д. 51/329. Л. 190.

- 18 НА РК. Ф. Р-301 (Министерство культуры и по связям с обществен 11 Ленинская правда. 1962. 7 августа.
  19 НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 20; Комсомолец. 1962. 28 июля.
  13 Комсомолец. 1962. 28 июля.
  14 НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 51/329. Л. 190.
  15 НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 8/85. Л. 28.
  16 Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 99.
  17 НА РК. Ф. В 1627. Оп. 2. Л. 8/85. Л. 38.

- Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 191.
   НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 8/85. Л. 38.
   НА РК. Ф. Р- 1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 17.
   Примечания: В 1957 г. в Бухаресте И. В. Смирнов ставил балет Р. Глиэра «Медный всадник», который еще долгое время шел на румынских сценах. (Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 107.)
   НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 20–21.
   Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 101.
- ^{21} Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 101.
- ²² Там же. С. 100. ²³ НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 51/329. Л. 90, 91, 154. ²⁴ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 8/85. Л. 38.
- ²⁵ Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 99–108.

- ²⁶ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 8/85. Л. 43. ²⁷ Комсомолец. 1962. 28 июля. ²⁸ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 8/85. Л. 39.
- ²⁹ Примечания: «Музыкально-драматический театр уже выступал в городе в 1960 и в 1961 годах. Зрителям понравились "хороший репертуар и высокая исполнительская культура" артистов Карелии. Такие гастроли, по подсчетам министра, должны были дать театру 18 тыс. рублей чистого дохода» (НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 51/329. Л. 57).

  30 НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 51/332.Л. 154; Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 8/85. Л. 28, 41.

- ³² Там же.
- 33 Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 100. 34 Комсомолец. 1962. 28 июля.
- 35 Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 104. 36 НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 20.
- ³⁷ Там же.

- ³⁷ Там же.
  ³⁸ Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 104.
  ³⁹ Костерин С. На орбите Фестиваля // На рубеже. 1962. № 5. С. 74.
  ⁴⁰ Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 105.
  ⁴¹ Ленинская правда. 1962. 7 августа; НА РК. Ф. 1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 19.
  ⁴² НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 51/329. Л. 190.
  ⁴³ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 20; Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 105, 107; Костерин С. На орбите Фестиваля // На рубеже. 1962. № 5. С. 75.
  ⁴⁴ Комсомолец. 1962. 18 августа; Ленинская правда. 1962. 10 июля; НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 20; Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 106; Valto Elisabet. «Sampo elävää kulttuuria» // Punalippu. 1962.
  № 6. Р. 104–106 Nro. 6. P. 104-106.
- 45 Примечания: «Учитывая большое политическое значение показа балета "Сампо" в Финляндии, его непревзойденный успех у финского зрителя, а также большую кропотливую и напряженную работу всего коллектива и его руководителей», министерство культуры КАССР премировало всех участников карельской делегации за границей в размере одного месячного оклада (51 человек, общая сумма 5860 рублей) за счет экономии фонда заработной платы по подведомственным министерству учреждениям культуры, состоящим на республиканском бюджете» (НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 51/329. Л. 190). 46 Комсомолец. 1962. 28 июля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Бадмаев А. З. Международные фестивали молодежи: региональный опыт // Сибирский международный ежегодник / Под ред. А. Г. Тимошенко, Л. В. Дериглазовой. Томск: Томский государственный университет, 2010. С. 212–216.
- Гальцина Н. В. Стоит жить: О жизни и творчестве Сергея Петровича Звездина. Петрозаводск: Карелия, 2004. 152 с.
- Тенделева Ю. Д. Музыкальный театр Карелии: очерк истории. Петрозаводск: Петробресс, 2009. 240 с.
   Генделева Ю. Д. Музыкальный театр Карелии: очерк истории. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. 240 с.
   Герасимова О. Г. К вопросу об участии Московского университета в подготовке и проведении всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 1. С. 35–64.
   Денисова Л. Шестой, всемирный... К 50-летию проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов //

- Денисова Л. Шестой, всемирный... К 50-летию проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов // Родина. 2007. № 10. С. 120–122. Кашоян Г. Юность встречается в Хельсинки. М.: Молодая гвардия, 1962. ЗЗ с. Похлебки н В. В. СССР Финляндия. 260 лет отношений. М.: Международные отношения, 1975. 408 с. Скребнев В. А., Ванин В. В. Фестивальное движение как фактор развития созидательной деятельности комсомола // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10 (24): В 2 ч. Ч. 2. С. 191–194. Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Весь мир, 2010 471 с.
- 2010. 471 c.
- Gagarin Helsingin festivaalin tähtenä 1962. YLE Elävä arkisto. Available at: https://yle.fi/aihe/artikkeli/2011/04/07/gagarin-helsingin-festivaalin-tahtena-1962#media=53228 (accessed 11.01.2018).

- 11. Korvela M. Tuntematon Helsingin nuorisofestivaali // Tiedonantaja. 24.05.2012.
  12. Krekola J. Maailma kylässä: Helsingin nuorisofestivaali 1962. Helsinki, 2012. 309 s.
  13. Lindfors J. Nuorisofestivaalit Helsingissä 1962. YLE Elävä arkisto. Available at: https://yle.fi/aihe/artikkeli/2006/09/08/ nuorisofestivaalit-helsingissa-1962#media=9293 (accessed 11.01.2018).
- Sedergren J. Kylmän sodan kulttuuripolitiikkaa Available at: http://sedis.blogspot.ru/2005/07/kylmn-sodan-kulttuuripolitiikkaa.html (accessed 11.01.2018).
  Tuomioja E. Joni Krekola, Maailma kylässä 1962. Helsingin nuorisofestivaali. Like, 309 s., Riika 2012. Available at:
- https://tuomioja.org/kirjavinkit/2012/08/joni-krekola-maailma-kylassa-1962-helsingin-nuorisofestivaali-like-309-s-riika-2012 (accessed 11.01.2018).

Shorohova I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PARTICIPATION OF THE ARTISTS FROM KARELIA IN THE VIIIth WORLD FESTIVAL OF YOUTH AND STUDENTS IN HELSINKI IN 1962

The article is concerned with the issue of preparation and participation of the artists of the KASSR in the VIIIth World Festival of Youth and Students. This topic has not been previously studied in historical science. The study is based on the archival sources, the Soviet and Finnish periodicals. The aim of the research was to assess the importance of the artists' participation in the international event. The artists from the Musical Drama Theater and the ensemble "Kantele" took part in the festival. The ballet "Sampo" demonstrated the best traditions of the Russian dance art and showed how high the level of cultural development in the regions of the USSR is. Participation of the artists from Karelia in the VIIIth World Festival of Youth and Students made them world famous and acquainted them with creative works of foreign colleagues, which became an incentive for further development of the art in the region. Preparation of the ballet troupe of the Musical Drama Theater and of the ensemble "Kantele" for the participation in the festival helped to establish close cooperation ties with multiple specialists from Moscow and Leningrad. These particulars provided conditions necessary for the further professional development of dance groups in Karelia. After the festival, cultural contacts between Karelia and Finland became more regular and productive. Key words: VIIIth World Festival of Youth and Students, Karelia, Helsinki, Music and Drama Theater, Sampo, Kantele

REFERENCES

- 1. B a d m a e v A. Z. International Youth Festivals: Regional Experience. Sibirskiy mezhdunarodnyy ezhegodnik. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2010. P. 212–216. (In Russ.)
- Galtsina N. V. It is worth living: On the life and work of Sergei Petrovich Zvezdin, Petrozavodsk, Kareliya Publ., 2004. 152 p. (In Russ.)
- 3. Gendeleva Yu. D. Musical theater of Karelia: an essay on history. Petrozavodsk, PetroPress Publ., 2009. 240 p. (In Russ.)
- 4. Gerasimova O. G. On the question of the participation of the Moscow University in the preparation and holding of the 1957 World Festival of Youth and Students. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya.* 2005. No 1. P. 35–64. (In Russ.)
- 5. Denisova L. The sixth, the world... To the 50th anniversary of the 6th World Festival of Youth and Students. *Rodina*. 2007. No 10. P. 120–122. (In Russ.)
- Kashoyan G. Youth is found in Helsinki. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1962. 33 p. (In Russ.) Pohlebkin V. V. The USSR Finland. 260 years of relations. Moscow, Mezhunarodnye otnosheniya Publ., 1975. 408 p.
- (In Russ.)
  Skrebnev V. A., Vanin V. V. Festival movement as a factor in the development of the creative activity of the Komsomol. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 2012. No 10 (24). Vol. 2. P. 191–194. (In Russ.)
  Jussila O., Hentilja S., Nevakivi Ju. Political History of Finland 1809–2009. Moscow, 2010. 471 p. (In Russ.)
  Gagarin Helsingin festivaalin tähtenä 1962. YLE Elävä arkisto. Available at: https://yle.fi/aihe/artikkeli/2011/04/07/gagarin-helsingin-festivaalin-tahtena-1962#media=53228 (accessed 11.01.2018).

- Korvela M. Tuntematon Helsingin nuorisofestivaali. *Tiedonantaja*. 24.05.2012
- 12. Krekola J. Maailma kylässä: Helsingin nuorisofestivaali 1962. Helsinki, 2012. 309 s.
  13. Lindfors J. Nuorisofestivaalit Helsingissä 1962. YLE Elävä arkisto. Available at: https://yle.fi/aihe/artikkeli/2006/09/08/
- nuorisofestivaalit-helsingissa-1962#media=9293 (accessed 11.01.2018). Sedergren J. Kylmän sodan kulttuuripolitiikkaa Available at: http://sedis.blogspot.ru/2005/07/kylmn-sodan-kulttuuripolitiikkaa.html (accessed 11.01.2018).
- Tu o m i o j a E. Joni Krekola, Maailma kylässä 1962. Helsingin nuorisofestivaali. Like, 309 s., Riika 2012. Available at: https://tuomioja.org/kirjavinkit/2012/08/joni-krekola-maailma-kylassa-1962-helsingin-nuorisofestivaali-like-309-s-riika-2012 (accessed 11.01.2018).

Поступила в редакцию 19.01.2018

№ 5 (174). C. 76-79

Отечественная история

2018

УДК 94(470.22)«1939-1940» DOI: 10.15393/uchz.art.2018.172

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ МАРТЫСЕВИЧ

соискатель кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) qmap55@mail.ru

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА: ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

Среди важных факторов, повлиявших на исход советско-финляндской войны 1939—1940 годов, являются природно-климатические условия ведения боевых действий, в особенности в районе Северного Приладожья. Особую актуальность изучению этого вопроса придает то обстоятельство, что он слабо освещен в специальной литературе. Цель данной статьи — доказать, что географические, климатические и погодные условия рассматриваемого региона на момент события существенно повлияли на ход боевых действий в Северном Приладожье. Большие потери в живой силе и технике Красная армия понесла в том числе из-за сложных природных и погодных условий. В качестве вывода обоснован тезис о том, что не была учтена вся совокупность внешних факторов при разработке планов боевых действий, что в итоге привело Красную армию к катастрофическим последствиям.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, природно-климатические условия, боевые действия, Красная Армия

Район Северного Приладожья, который также именуется Ладожской Карелией, представляет собой особый природно-исторический регион. Он ограничивается с юга берегом Ладожского озера, с севера, запада, востока — административно-государственными границами Финляндии и России. Отличительной чертой этого района является своеобразный ландшафт: скальные выходы различных пород (в основном — гранитов), пересеченная местность, леса таежного типа и сложная система водотоков и водопадов [1: 10].

Естественно, подобное сочетание уникальных характеристик природного ландшафта Северного Приладожья оказало большое влияние на ход боевых действий периода Советско-финляндской войны 1939-1940 годов. Следует заметить, что, несмотря на обширный характер специальных исследований по истории данного военного противостояния, работ, посвященных изучению природно-климатических условий как чрезвычайного фактора внешнего влияния, нет. Внимание исследователей обращено прежде всего на предысторию войны, изучение хода, итогов и последствий военных действий, поэтому вопрос о чрезвычайных факторах природного характера исследован только частично и, как правило, отображается эпизодически. В связи с этим целью данной работы является выявление и систематизация наиболее показательных аспектов чрезвычайного влияния природно-климатических условий, во многом определивших ход и результаты войны.

Характеризуя природно-климатические условия Северного Приладожья, следует отметить ряд особенностей: несмотря на географическое положение, климат данного региона — умерен-

ный, континентальный благодаря теплому течению Гольфстрима. Вместе с тем климатические условия различны вследствие значительной вытянутости Финляндии в направлении с севера на юг. Климат определяется двумя конкурирующими факторами: теплым течением Гольфстрима и дыханием Полярного круга.

На большей части Финляндии средняя температура января, самого холодного месяца, колеблется в пределах -5...-8 °С, а на севере она опускается до -15 °С. За Полярным кругом, где располагается 1/3 страны, столбик термометра может опускаться до -40 °С. Средняя температура июля, самого теплого месяца, +15...+17 °С. Среднегодовая температура Северного Приладожья составляет +5,4 °С.

В Северном Приладожье часто бывает облачная погода, характерны постоянно дующие ветра, приносящие основную массу осадков. На севере дожди могут идти по две недели без перерыва, а сильные арктические ветра пронизывают насквозь. В среднем за год выпадает 600–650 мм осадков, причем на севере до 450–500 мм. Число дождливых дней в году достигает 105–110, снег держится 5–7 месяцев, в зависимости от широты местности, обычно с октября по май.

В целом погода отличается нестабильностью. Сезонные изменения сильно выражены. По большому счету, Финляндия знает лишь два времени года — зиму и лето. Осень и весна, как правило, бывают слишком непродолжительными.

Период Советско-финляндской войны 1939—1940 годов характеризовался аномальным, чрезвычайным отклонением от средних температур. Анализ климатических карт показывает, что, по данным многолетних наблюдений, в Северной

Европе настали поразительные холода, причем лютые морозы усугублялись обильными и частыми снегопадами [4: 50].

Таким образом, Красная армия начала войну в тяжелейших условиях. Несмотря на то что морозные и снежные зимы были привычным явлением, к климатическим особенностям зимы 1939/40 года войска оказались неподготовленными. В начале войны они не имели в достаточном количестве стандартного теплого зимнего обмундирования, а специального вовсе не предусматривалось. Красноармеец обычно был одет в шинель, кирзовые или фетровые сапоги-бурки и головной убор – «буденовку». Такая экипировка не давала необходимого тепла. Маскхалат был цельнокроенным. Он не спасал от ветра и холода, сильно пропускал влагу, в нем было легко запутаться, особенно если ползти по снегу попластунски.

Финны были экипированы лучше. Их обмундирование было раздельным — маскировочная белая куртка и штаны, сшитые из ветрозащитной ткани и практически не пропускающие влагу, обеспечивали большую подвижность и маневренность. Что касается обуви, то финляндские солдаты были снабжены кожаными сапогами на резиновой подошве, с мехом внутри, а бойцы «летучих отрядов» — пьексами (лыжными сапогами с крючками на носу), хорошо держащими лыжные крепления. В ушанках, шерстяных подшлемниках, свитерах, лыжных брюках и меховых безрукавках финны недостатка не испытывали [7: 30].

В суровых зимних условиях отдых и питание красноармейцев, техническое обслуживание и ремонт техники организовывались практически под открытым небом или в палатках. Финны при отступлении старались уничтожить немногочисленные деревушки и хутора, чтобы лишить противника укрытий от холода.

Особые трудности возникали с медицинской помощью раненым и обмороженным. В операционных палатках перевязочные столы размещались как можно ближе к печкам, но постоянно поддерживать хотя бы минимально необходимую температуру было довольно сложно.

В войне огромное значение приобрела лыжная подготовка. Лыжи оказались важнейшим средством передвижения. В Красной армии не было специально обученных подразделений, многие солдаты не умели передвигаться на лыжах. Финны же были отлично подготовлены, они умели ползать по-пластунски, не снимая лыж и, в случае необходимости, забираться в них на деревья. Красноармейцы снимали лыжи до или во время боя, тогда как финны этого не делали, что позволяло им быстро отойти после нанесения удара.

В стенограмме Совещания при ЦК ВКП (б) начальствующего состава в апреле 1940 года по сбору опыта войны против Финляндии заслу-

жили особого внимания проблемные моменты подготовки к войне, ходу боевых действий на Карельском перешейке и Северном Приладожье с учетом природно-климатических особенностей данного региона¹. Так, командир 70-й стрелковой дивизии Кирпонос описывает проблемы наступления советской пехоты в данной местности: «Мы совершали ледовый поход, расчищали острова и выходили на материк. Перед нами был противник, занимающий острова, покрытые хвойным лесом. Этот плохо просматриваемый лес усеян большим количеством гранитных валунов, за которыми лежали белофинны и вели огонь, причем все эти естественные препятствия усилены железобетонными и деревоземляными сооружениями. Следовательно, противник укрыт, его трудно поражать огнем, а он нашу пехоту поражает автоматическим и минометным огнем, так как мы ничем не были укрыты, а наступали по льду, с покровом снега до 50 сантиметров и больше, что в сильной степени затрудняло продвижение пехоты» [6: 122].

Чрезвычайные природно-климатические условия осложняли обеспечение Красной армии материальными средствами и боевой техникой. Ближайшая железнодорожная станция «Петрозаводск» находилась от войск на удалении 130-140 километров. Грунтовых дорог практически не было, местность была труднопроходимая. Организовать необходимое снабжение представлялось крайне затруднительным. Подвоз гужевым транспортом не обеспечивал потребности войск, а тяжелую технику нельзя было доставить по бездорожью и глубокому снегу. Единственным выходом в такой ситуации стало строительство железной дороги. В кратчайшие сроки, в исключительно сложных природноклиматических условиях было решено осуществить форсированное строительство железной дороги Петрозаводск – Суоярви. В самый разгар зимы, когда температура воздуха опускалась до -45...-48 °C, а глубина снежного покрова превышала 1,5 метра, строителям предстояло проложить 132 километра железной дороги, 90 километров из которых пролегало по лесам с гранитными скалами и крупными валунами, а 36 километров – по болотам, глубина которых достигала 13 метров. Основные работы по постройке железной дороги были завершены за 70 календарных дней. 15 марта 1940 года по новой линии уже прошел первый поезд [2: 130].

Исключительно суровая зима и тяжелый регион театра боевых действий определили и ряд специфических особенностей обеспечения войск: особое значение придавали лошадям, а финны — еще и северным оленям. Широкое применение нашли также собачьи упряжки.

По заданию Генерального штаба РККА были сформированы и отправлены в действующую армию рота собачьих нартовых упряжек и взвод

собак связи: личного состава — 34 человека; 31 ездовая собака; 18 собак связи. На протяжении войны их продолжали отправлять на фронт. Собачьи ездовые упряжки использовались для подвоза боеприпасов, продовольствия, снаряжения, эвакуации раненых бойцов и командиров до медсанбата. Собаки хорошо вписались в тяжелые условия войны. Необходимость действовать вне дорог, на сложной местности, а также близость линии огня и недостаточное укрытие приводили к высокому травматизму животных. Ветеринарному составу Красной армии с большим трудом удавалось наладить работу мобильных ветеринарных лазаретов [8: 8].

Особые сложности приходилось преодолевать технике. Войсковые колонны, так называемые гусеницы, двигались к местам дислоцирования по узким, заснеженным грунтовым дорогам в густом лесу. Для большей маневренности во время передвижения по ледяным буеракам многие механики-водители наваривали на гусеничные траки самодельные болты. Техника часто подвергалась неожиданным атакам финляндских отрядов - «шюцкор», что приводило к ощутимым потерям. Кроме того, танкистам приходилось постоянно бороться с лютыми морозами. Чтобы согреться, они делали из танковых чехлов палатки и устанавливали их на моторном отделении своих боевых машин. Моторы старались не глушить ни днем, ни ночью, что снижало их моторесурс.

Личное боевое оружие красноармейцев на сильном морозе часто замерзало, его необходимо было мыть в керосине и насухо вытирать. Пулеметчикам приходилось в основном полагаться на старый пулемет «Максим», для которого в начале Советско-финляндской войны 1939—1940 годов пришлось придумать расширенную на верху рифленого кожуха горловину для охлаждения его льдом или снегом.

Климатические аномалии сочетались с колоссальными трудностями иного рода. Основу военной мощи Финляндии составляли уникальные, неприступные фортификационные сооружения так называемой линии Маннергейма на Карельском перешейке. Они были построены в соответствии с особенностями географии, геологии и топографии Финляндии. При их строительстве были применены достижения современной военно-инженерной мысли как финляндских специалистов, так и зарубежных. Протяженность оборонительного пояса составляла 90 километров и была многоэшелонированной. Кроме того, ему предшествовало предполье с разнообразными укреплениями (рвы, завалы, проволочные заграждения и тому подобное) шириной до 15—20 километров. Толщина стен и перекрытий дотов из железобетона и гранита достигала двух метров. Поверх дотов, на земляных насыпях толщиной до трех метров, рос лес. Кроме того, красноармейцы не были обучены обращению с минами и всевозможными взрывными устройствами, которые интенсивно использовала финляндская армия [3: 160].

Таковы были ключевые составляющие чрезвычайного фактора боевых действий Советскофинляндской войны 1939—1940 годов.

Подводя итоги, можно сказать, что Советскофинляндская война 1939-1940 годов представляет собой крайне тяжелую страницу истории нашей страны. Красной армии пришлось, помимо прочих факторов, испытать на себе чрезвычайное воздействие природных явлений. По некоторым данным, общие потери личного состава за 105 дней войны достигли 391,8 тысячи человек, из них безвозвратные - около 127 тысяч². Согласно другим подсчетам, потери Красной армии превышают эту официальную цифру более чем в 1,2 раза. Причем на каждого убитого финна приходилось пять погибших красноармейцев³. По причине обморожения замерзали и теряли боеспособность целые части. Необходимо также отметить, что печальные и дорогие уроки не прошли даром. Итоги Советско-финляндской войны 1939-1940 годов обсуждались 26-28 марта 1940 года на пленуме ЦК ВКП (б). В докладе Народного комиссара обороны маршала К. Е. Ворошилова «Уроки войны с Финляндией» признавалось «недостаточно серьезное отношение военного ведомства ко всем мероприятиям», связанным с подготовкой к боевым действиям [5: 42].

В целом же опыт Советско-финляндской войны 1939—1940 годов и последующие послевоенные мероприятия сыграли положительную роль в процессе всестороннего реформирования РККА⁴. К Великой Отечественной войне Красная Армия пришла уже другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

² Психология войны в XX веке. Исторический опыт России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history. wikireading.ru/126330 (дата обращения 26.03.2018).

³ Потери СССР и Финляндии в Зимней войне [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/9_12. html (дата обращения 26.03.2018).

⁴ Гребенюк А. РККА накануне Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rkka-nakanune-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения 26.03.2018).

¹ Совещание при ЦК ВКП (б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rkka.ru/docs/zimn/z1.htm (дата обращения 26.03.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Большакова Г. И. Карельский перешеек: военно-политическая ситуация накануне советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории, 2015. № 11 (39). С. 6–16.
- 2. В еригин С. Г. Советско-финляндские дискуссии по вопросу демаркации границы по московскому мирному договору 12 марта 1940 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 130–139.
- Донгаров А. Г. Советско-финляндская война 1939-1940 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 1 (94). C. 153–171.
- 4. Драйгал И. М. Вещевое обеспечение Красной Армии в годы советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № 10. С. 49–50.
- 5. Жуков С. А. Снабжение РККА боеприпасами при подготовке и в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6.
- 6. Зимняя война 1939-1940. Политическая история: В 2 кн. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. М.: Наука, 1999. 295 c.
- 7. Постников А. Г. Особенности боевого применения артиллерии большой и особой мощности в советско-финляндской войне // История в подробностях. 2015. № 2. С. 24–31.
- 8. Свиридов В. А. Организация материального снабжения Красной Армии накануне и в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: исторический опыт // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. 2017. № 1 (41). С. 5–8.

Martysevich A. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOVIET-FINNISH WAR: NATURAL FEATURES AND THEIR INFLUENCE ON THE PROGRESS OF MILITARY ACTIONS IN NORTHERN PRILADOZH'E

Among important factors that had a significant impact on the outcome of the Soviet-Finnish war of 1939-1940 are the natural and climate conditions of the combat operations, especially in the area of the Northern Ladoga area. These factors, which constitute a particular relevance to the study, are not satisfactory detailed in special literature. The purpose of this article is to prove that the geographical, climatic and weather conditions of the region under consideration, at the time of the event had a critical influence on the course of the military operations in the Northern Ladoga area. The Red Army incurred huge losses in manpower and military equipment due to challenging natural and weather conditions. We came to a conclusion, expressed in the thesis statement, that a whole set of external factors was not taken into consideration in the process of combat plans' development, which eventually had a disastrous impact on the Red Army.

Key words: Soviet-Finnish war, natural and climatic conditions, military operations, Red Army

REFERENCES

- 1. Bolshakova G. I. Karelian Isthmus: military-political situation on the eve of the Soviet-Finnish war (1939–1940 gg.). Nauchnaya diskussiya: voprosy sotsiologii, politologii, filosofii, istorii. 2015. № 11 (39). P. 6–16. (In Russ.)
- Verigin S. G. The Soviet-Finnish discussions on the demarcation of the border on the Moscow Peace Treaty on March 12, 1940. Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni. 2016. № 16. P. 130–139. (In Russ.)
- 3. Dongarov A. G. The Soviet-Finnish War of 1939–1940. Rossiya i sovremennyy mir. 2017. № 1 (94). P. 153–171. (In Russ)
- 4. Draygal I. M. Thing equipment for the Red Army during the Soviet-Finnish war of 1939–1940. Aktual'nye problemy
- gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. 2016. № 10. P. 49–50. (In Russ.)

  5. Z h u k o v S. A. Supply of the Red Army with ammunition during the preparation period and during the Soviet-Finnish war of 1939–1940. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. № 6. P. 40–47. (In Russ.)
- 6. The Winter War of 1939-1940. Political history: In 2 books. Book. 2. I. V. Stalin and the Finnish campaign. Moscow, Nauka Publ., 1999. 295 p. (In Russ.)
- 7. Postnikov A. G. Features of the combat use of artillery, large and special power in the Soviet-Finnish war. Istoriya *v podrobnostyakh.* 2015. № 2. P. 24–31. (In Russ.)
- Sviridov V. A. Organization of the material supply of the Red Army on the eve and during the Soviet-Finnish war of 1939–1940: historical experience. Nauchnyy vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespecheniya: voenno*nauchnyy zhurnal*. 2017. № 1 (41). P. 5–8. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.11.2017

№ 5 (174). C. 80-90

Отечественная история

2018

УДК 93/94

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.173

МАРИНА ИГОРЕВНА ПЕТРОВА

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Φ едерация) kirjazh@mail.ru

ДЕМОГРАФИЯ КИРЬЯЖСКОГО ПОГОСТА В ПЕРИОД ШВЕДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ В XVI–XVII ВЕКАХ

Кирьяжский (Куркиёкский) погост Корельского уезда в результате войн XVI–XVII веков между Россией и Швецией находился под властью Швеции более ста лет. Целью исследования является анализ основных предпосылок, выявление причин, повлиявших на изменение демографической ситуации. В статье впервые рассматриваются демографические изменения на завоеванной территории на локальном уровне. В научный оборот отечественной историографии вводятся данные из редких изданий и архивных источников Финляндии и Швеции. Впервые публикуются в переводе на русский язык таблицы с демографическими данными, анализируются самые древние карты Кирьяжского погоста середины XVII века. Политика Швеции способствовала заселению пустующих территорий своими подданными, лютеранами по вероисповеданию. Пик миграции пришелся на 1656—1568 годы. К концу XVII века в Кирьяжском погосте осталось около 6,4 % коренного православного населения. Причинами массовой миграции коренного населения в Россию стали религиозные притеснения и экономические трудности.

Ключевые слова: Корельский уезд, Кексгольмский лен, Кирьяжский погост, Куркиёки, переселение карелов в Россию

С конца XVI до середины XVII века в результате войн между Россией и Швецией и масштабных миграционных процессов почти полностью изменился состав населения Приладожской Карелии. Кирьяжский Богородицкий погост, расположенный на северо-западном побережье Ладожского озера, занимал важное стратегическое положение на границе двух государств. Чаще всего он принимал на себя первые удары шведов или становился плацдармом для подготовки вторжений во внутренние районы Карелии. На последних этапах Ливонской войны король Швеции Юхан III приступил к плану по захвату Корельского уезда. Опустошительные набеги на приграничные территории начались с 1570-х годов. В 1580 году Швеция захватила город Корелу и большую часть уезда. В 1583 году было заключено Плюсское перемирие, которое в 1585 году было продлено на четыре года. Оно закрепило право Швеции на эту фактически занятую территорию. Лишь по итогам Тявзинского мирного договора 1595 года, после демаркации новой границы, Корельский уезд был возвращен России в 1597 году. В 1611 году город Корела и уезд были вновь захвачены Швецией и, согласно Столбовскому мирному договору 1617 года, оставались под ее властью почти сто лет. Россия предприняла попытку вернуть завоеванные территории в войне 1656–1658 годов, но безуспешно. Лишь во время Северной войны в 1710 году Корельский уезд был возвращен России, что было закреплено Ништадтским мирным договором 1721 года.

Исследование демографических процессов на примере приграничного Кирьяжского погоста важно для понимания значительных изменений, произошедших в целом в составе населения территории Корельского уезда, оказавшегося под властью Швеции на столь длительный период. В отечественной историографии демографические изменения в Корельском уезде шведского периода представлены обобщенно для всей территории. На уровне локальной истории погостов и отдельных деревень все еще остается множество вопросов, требующих прояснения. Из всего комплекса демографических проблем наиболее глубоко были рассмотрены миграционные процессы, связанные с переселением карелов в Россию в XVII веке, которые раскрыты в исследовании А. С. Жербина. Этот же автор дал историографический обзор данной темы [3], [4], в котором он особо выделил исследования С. С. Гадзяцкого [1]. Среди финских исследователей, изучавших эту проблему, наиболее полно ее осветил В. Салохеймо [13], [14], [15]. Ценные данные о рассматриваемом периоде содержатся в трудах таких финских исследователей, как П. Лаасонен, К. Катаяла, А. Куйала, Э. Кууйо.

Главной проблемой изучения демографии Кирьяжского погоста остается то обстоятельство, что большая часть документов, не введенных в научный оборот, находится в архивах Швеции и Финляндии. Особый интерес для демографического анализа представляют судебные дела, челобитные, продовольственные книги и разного рода налоговые росписи. В то же время скрупулезный

статистический анализ некоторых из этих документов, среди которых были и редкие архивные данные, был проведен финским исследователем Т. Иммоненом и опубликован в редком издании, вышедшем в 1958 году в Финляндии [11]. Статистические данные Т. Иммонена переведены автором на русский язык, проанализированы, сопоставлены с собственными расчетами по доступным источникам. Часть таблиц Т. Иммонена с данными, опирающимися на ценные, малодоступные источники, приводятся в статье с целью введения в научный оборот отечественной историографии.

Основными опубликованными источниками, использованными при подготовке данной статьи, являются переписные книги Корельского уезда 1590, 1618 и 1631 годов, Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 года, Переписная книга Тиурульского погоста 1929 года. На основании данных, содержащихся в перечисленных источниках, автором статьи были составлены объемные вспомогательные таблицы, из которых были извлечены итоговые цифры, используемые для демографического анализа рассматриваемого периода. Все больше архивных документов Швеции и Финляндии, прошедших оцифровку, появляется в открытом доступе. Благодаря этому при подготовке статьи удалось использовать самые ранние известные ныне карты Тиурульского, Куркиёкского, Яккимского церковных приходов, составленные Эриком Уттером и опубликованные в своде географических карт Кексгольмского лена в 1650 году, и карту Куркиёкского погоста 1646 года с обозначением деревень, православных и лютеранских церквей, дорог, мостов, мельниц ^{1} .

Целью данной статьи является анализ основных факторов, повлиявших на изменение демографической ситуации в Кирьяжском погосте в период шведского завоевания XVI—XVII веков. Одна из задач — анализ динамики демографических изменений и выявление их причин. В силу особенностей военно-политических условий рассматриваемого периода будет проведен сопоставительный анализ конфессиональных и этнических миграционных процессов.

Учитывая разнородный характер документов, выпадение статистических данных в некоторые годы, неполноту сведений по ряду деревень, значительные колебания в составе семей в кризисные периоды, меняющийся подход к налогообложению, приходится с достаточной степенью осторожности делать заключение по подсчетам налогоплательщиков в отдельные периоды. Особую сложность в определении численности населения вызывает и то обстоятельство, что термином «пустошь» в шведских документах обозначались не только заброшенные хозяйства, но и дома, освобожденные от налога. В связи с перечисленными факторами в статье мы ухо-

дим от прямого, механического подсчета всего населения путем умножения количества мужчин-налогоплательщиков на число иждивенцев. Для большей объективности информации ограничимся лишь указанием налогоплательщиков, домов, пустошей и некоторых налогов.

В зависимости от контекста в статье используются русские и шведские наименования административных единиц, которые встречаются в рассматриваемый период в русских и шведских источниках.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 1570-1611 ГОДАХ

Анализ демографической ситуации в Кирьяжском погосте и в Корельском уезде накануне его захвата шведами в 1580-1581 годах проведен А. Ю. Жуковым. По данным Обыскной книги Кирьяжского погоста от 21 марта 1571 года, составленной Ф. В. Калитиным, отмечено 1210 случаев запустения луков за три периода (1526–1566, 1566-1568 и 1568-1571) с указанием причин [5: 243]. А. Ю. Жуков привел точные демографические подсчеты по Кирьяжскому погосту, которые отразил в табл. 4 «Уменьшение численности населения и податных возможностей Кирьяжского погоста в 1526-1571 гг.» и табл. 5 «Причины уменьшения численности населения Кирьяжского погоста и его податных возможностей в 1526-1571 гг.» [5: 417-419]. К началу 1570-х годов Кирьяжский погост, как и весь Корельский уезд, поразила демографическая и хозяйственная катастрофа, что автор наглядно проиллюстрировал в табл. 4-8 Приложения [5: 374].

Русско-шведская война 1570-1582 годов принесла приграничным областям страшное разорение. В конце 1572 года войска Германа Флеминга выступили из Выборга и в опустошительном походе сожгли Корелу и Коневский монастырь. Взять крепость в этот раз не удалось. В Кирьяжском погосте ими были сожжены церкви на слободе, в деревне Отсанлахти и соседний монастырь на о. Каннансаари. Под Рождество 1577 года регулярные шведские войска и наемники из Саволакса опустошили 19 приходов Корельского уезда. 20 февраля 1578 года шведы разорили Валаамский монастырь и убили 34 старца. В 2000 году убиенные были канонизированы Русской православной церковью и ныне почитаются как преподобномученики. Летом 1579 года Флеминг с группой, насчитывавшей 1000 саволакшан, вновь совершил грабительский набег на Кирьяжский погост. Навстречу врагу вышел отряд из 200 человек из Корелы, но был разбит. Жители прибрежных деревень попытались уйти на лодках в Ладогу и спастись на островах, но были настигнуты шведами и убиты. Даже спустя века сохранились предания о трагедиях этой войны. Финский археолог и этнограф Теодор Швиндт записал их во время своего путешествия в эти края в 1879 году. Вот что вспоминали жители деревни Лапинлахти Кирьяжского погоста о тех событиях:

Во время большой войны шведы сожгли много домов и убили много людей. Завоеватели шли на судах вдоль берега и разоряли все подряд. Так они добрались и до нас и прошли было мимо, но тут с мыса Куркиниеми («Журавлиного») услышали крик: это бежал человек, спасаясь от них. Тогда шведы повернули назад и, прочесав местность, жестоко разорили деревню, так что в живых остался лишь один житель да еще корова. Им оказался человек по имени Вепся. Он натер хвоей ноги и спрятался на глухом лесном озерце [10: 71].

5 ноября 1580 года шведы захватили город Корелу. На территории Корельского уезда были установлены новые порядки, началось проведение учета оставшегося населения для сбора налогов. В 1581 году в Кирьяжском погосте на

200 домов приходилось 556 пустошей, а всего – 756 домов [11: 95].

При шведах Кирьяжский погост получил второе название – Куркиёкский погост или Великие Куркиёки (рис. 1). Страшное запустение земель выглядело ужасающим контрастом на фоне былого величия обширной территории. В Переписной книге Корельского (Кексгольмского) уезда 1590 года был составлен список домов, который охватывал лишь ту часть дворов, которые были платежеспособными. Ценный документ входит в состав древнейших приходно-расходных книг Государственного архива Финляндии (Kansallisarkisto), в так называемую «Синюю коллекцию». Отдельный список включал запустения домов, церквей, часовен, монастырей и мельниц в 1590 году (табл. 1).

Таблица 1 Список домов и пустошей Кирьяжского (Куркиёкского) погоста в 1590 году²

Приход	Дом	Пустошь	Запустевшие монастыри	Запустевшие мельницы в деревнях
Кирьяжский, или Куркиёкский	8	406	Монастырь Каннансаари	Отсанлахти – 1 Микриля – 1 Ихаланоя – 1 Соскуа – 3
Лапинлахти	2	40		
Микли	25	76		Микли – 1
Тиурула	5	133		Асила – 5
Вейала	13	53		Кокколанйоки – 1
Самматлампи	13	65		
Уукуниеми	18	98		Уукууниеми – 1
Тюрья	19	66		Тюрья – 2
Терву	_	77	Монастырь Хейнсемасаари	Терву – 1
Сорола	_	81		
Итого	80	1095	2	17

Эта перепись свидетельствует о страшном запустении и обнищании населения Кирьяжского погоста. Здесь мы видим и подтверждение предания о разорении Лапинлахти и монастыря Каннансаари. Стояли заброшенными даже 17 водяных мельниц, которые в благоприятные годы приносили хозяевам хороший доход. Почти век назад, в 1500 году, на этой же территории было описано 783 дома³, в период с 1526 по 1571 год была отмечена убыль 1210 «людей» (семей) [5: 417–419], в 1581 году на территории погоста осталось 200 жилых домов, в 1590 году – лишь 80. Обратим внимание на то, что в период с 1581 по 1590 год число домов сократилось с 200 до 80. Значительную убыль можно объяснить не только разорением, но и бегством населения на русскую территорию. Со слов жителей деревни Риеккала Кирьяжского погоста Т. Швиндт записал следующее предание:

С незапамятных времен на этой земле жили люди русской веры. Они ушли в ту сторону, откуда начинается день. На острове Каннансаари, который называется еще и Кирккосаари, у них была церковь [10: 70].

Пустующие земли постепенно стали заселяться шведскими подданными, в основном из ближних приграничных погостов, лютеранами по вероисповеданию. Обратимся к данным, которые проанализировал Т. Иммонен, опираясь на источники из Государственного архива Швеции (Riksarkivet) [11: 101] (табл. 2).

Приведенные данные 1590 года несколько отличаются от наших расчетов. При сравнении сводных цифр можно предположить, что перепись 1590 года по каким-то причинам была отнесена к 1591 году. С 1581 по 1585 год число домов уменьшилось на 62 (31 %). Вероятно, это объясняется боевыми действиями, которые вели карельские партизаны. Так, только в 1582 году они совершили 17 походов по Корельскому уезду.

Рис. 1. Кирьяжский погост в конце XVI века

Таблица 2 Сводная таблица домов и пустошей по Кирьяжскому (Куркиёкскому) погосту в период с 1585 по 1586 год [11: 101]

Годы	1585	1588	1589	1590	1591	1592	1595	1596
Дома	138	нет данных	92	112	79	101	126	126
Пустоши	1079	1093	1091	1081	1083	1041	1045	1049
Всего	1217		1183	1193	1162	1142	1171	1175

Сопоставим численность домов по всему Кексгольмскому Северному лену (табл. 3).

Население Кирьяжского погоста платило налоги с дома не только в денежной форме, но и в натуральном виде, о чем происходило много споров (табл. 4). Так, в 1586 году в Кексгольмской крепости состоялось собрание представителей крестьян из погостов Ряйсяля, Куркиёки, Сорта-

вала, Салми и Липери, которое продлилось с 24 по 16 декабря. Основной причиной раздора стало то, что часть крестьян отстаивала принцип налогообложения с обжи, другая же часть – с лука. Было решено, что налог будет носить временный характер. Кроме того было установлено освобождение от налога на три года крестьянам, вернувшимся на свои земли.

Таблица 3 Численность домов Кексгольмского Северного лена в 1589 году [11: 101]

Погосты	Дома	Пустоши	Всего домов
Куркиёки	92	1091	1183
Сортавала	114	699	813
Иломантси	189	681	670
Салми	нет данных	426	426
Итого	395	2897	3092

Таблица 4 Государственные налоги погостов Куркиёки и Тиурула в 1582 году [11: 104]

	Деньги (талеры)	Ячмень (бочка, 100 кг)	Овес (бочка)	Сено (воз, 408 кг)	Коровы	Бревна	Трудодни
Куркиёки	50	38	38	30	4	38	128
Тиурула	15	нет данных	30	20	2	38	100

Сохранились данные о дополнительных налогах в Кирьяжском погосте в 1588 году. В этом году был собран натуральный налог со 103 домов — 33 бревна, 53 воза сена, 42 воза соломы.

В связи с обострением приграничных конфликтов в 1586 году была введена повинность по охране местности, в том числе и берегов Ладоги. В послании королю Юхану III от 22 октября 1586 года сообщалось, что в Куркиёкском погосте было отобрано 30 мужчин, годных к службе. Существовала также замковая повинность по содержанию и ремонту Кексгольмской крепости, которая дополнялась работами на каменоломнях и по добыче железа [11: 104–105].

В 1595 году между Россией и Швецией был заключен Тявзинский мирный договор, в результате которого Корельский уезд был возвращен в состав Русского государства. Шведы окончательно покинули Корелу в 1597 году после демаркации новой границы. В 1595 году была учреждена Корельская и Орешковская епархия, которую возглавил епископ Сильвестр. С 1597 года кафедра епископа находилась в Кореле. Развернулась энергичная деятельность по восстановлению церквей и монастырей, началось возвращение населения. В жалованной грамоте царя Бориса Годунова от 11 ноября 1598 года жителям города Корелы был предоставлен ряд льгот, способствовавших восстановлению хозяйства. Им были розданы безденежно дома, построенные шведами, а также предоставлены безоброчно рыбные ловли и выгонные земли. Сельские жители освобождались от всех податей и оброков. «Грамота имела в виду не только "корельских людей", но и "латышей Свийские и Финские земли", которые ныне живут в Корельской земле во всех погостех и которые латыши впредь в Корельскую землю придут на житье» [1: 240]. Как поясняет С. С. Гадзяцкий, в русских документах XVI— XVII веков латышами «Свийской и Финской земли» звали финнов лютеран; соответственно, карелы, обращенные шведами в лютеранство, назывались в них «латышами Корельской земли», строго отличаясь от карелов, сохранивших православие. В 1599 году в Корелу были переселены из Кижского погоста нетяглые карелы. Все эти меры были предприняты для заселения опустошенных многолетней войной земель и для поддержки обороноспособности порубежной крепости [1: 241].

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 1611-1696 ГОДАХ

Однако мирная жизнь продлилось недолго. В России наступило Смутное время. В сентябре 1610 года войска Якоба Делагарди осадили крепость Корелу. Героическую оборону двух тысяч защитников крепости возглавили епископ Сильвестр и воевода И. М. Пушкин. Блокада крепости продлилась до марта 1611 года и была прекращена лишь после полного истощения сил оборонявшихся. После угрозы взорвать крепость шведы выпустили на почетных условиях с оружием и знаменами сто оставшихся в живых защитников. Обзор событий, предшествующих осаде крепости и борьбы за Корелу, детально описан в трудах российских исследователей Г. А. Замятина [6], И. П. Шаскольского [9: 43-79], Я. Н. Рабиновича [8: 85–106]. После прихода шведов долгое время продолжалась партизанская война, однако сопротивление было жестоко подавлено.

По Столбовскому мирному договору 1617 года Корельский уезд вошел в состав Швеции, а с 1618 года был передан в ленное владение Якову Делагарди. По указу короля Густава II Адольфа была проведена полная ревизия территорий. С этого времени начали проводить регулярные переписи для исчисления налогов. Для привлечения новых жителей была установлена пятилетняя налоговая льгота. Беженцы карались телесными наказаниями и штрафами. По данным Переписной книги Корельского уезда 1618 года можно проследить изменения в административной структуре Кирьяжского погоста (рис. 2). В нем сохранились приходы Куркиёки, Лапинлахти, Сорола и Микли. Выделился погост Тиурула, в который вошли приходы Тиурула и Вейала. Пограничные с Саволаксом приходы Самматлампи и Тюрья вошли в состав погоста Йоукио, приход Уукуниеми стала самостоятельным погостом. В Тиурульском погосте было 212 домов, их них 22 освобождалось от налога. В погосте Куркиёки было переписано 650 домов, из которых 94 освобождалось от налогов⁴. Эти цифры говорят о том, что население значительно увеличилось со времени последней переписи 1590 года и даже превзошло численность благоприятного 1500 года. Вероятно, такой значительный прирост населения был связан с тем, что после Тявзинского мирного договора 1595 года Россией были предприняты меры по заселению переселенцами опустевших земель.

Рис. 2. Кексгольмский лен в XVII веке

В 1629 году была составлена Переписная книга Тиурульского погоста⁵. Этот уникальный документ содержит не только данные о домах и пустошах, но и развернутую информацию о жителях погоста. В нем приводятся сведения обо всех мужчинах, включая младенцев, с указанием их родственных связей. При этом переписчики делали такие примечания: «русский» или «финн», при этом «русскими» обозначались православные (карелы, русские), а «финнами» – лютеране. В книге также содержатся сведения о миграции населения за десятилетний период с 1619 года с указанием места прибытия и убытия.

Анализ документа позволяет сделать следующие обобщения. В 1629 году в Тиурульском погосте было 310 домов и 117 пустошей, в них проживало 1033 мужчины, причем из них 444 карела и 588 финнов. За последние 10 лет в погост прибыли 134 мужчины, из них 69 финнов и 65 карелов, причем это в основном была внутренняя миграция. Больше всего переселен-

цев прибыло с Карельского перешейка: 40 человек – из погоста Яскес, 11 – из погоста Ряйсяля. Из России прибыли 4 человека, остальные – из соседних областей. Были отмечены также и покинувшие погост за последние 10 лет. Всего уехало 125 мужчин. Из них 17 – в Россию, 57 – в соседний Куркиёкский погост, 12 – в Сердобольский погост, остальные - в другие соседние регионы. На основании данных о миграции можно сделать такой вывод: с 1618 по 1629 год число домов в Тиурульском погосте выросло с 212 до 310, при этом число приехавших примерно равнялось числу уехавших. То есть увеличение числа домов обеспечивалось внутренним приростом населения за 10 лет. Создавались новые семьи, которые отделялись и строили свои дома. Об этом свидетельствует и число мужчин в одном доме (семье). Среднее число мужчин в семье составляло 3,3, включая младенцев мужского пола. Вероятно, новые семьи на некоторое время освобождались от налога, что объясняет большое число пустошей – 117.

В Переписной книге Корельского уезда 1631 года отражается экономическое положение Кирьяжского погоста после периода ленного владения Якова Делагарди 1618–1630 годов⁶. Важно отметить, что в документах этого периода хорошо показано различие налогообложения на территории с устойчивым пашенным земледелием в Южной или Передней Карелии по сравнению с Задней или Северной Карелией. Кирьяжский погост относился к северной части. Там еще сохранялось налогообложение на основе ежегодной оценки, по которой определялась состоятельность каждого двора. По мнению шведской администрации, оценочное налогообложение, при котором ответственность за уплату податей нес весь погост, считалось чисто русским обычаем. Так, в Поземельной книге Кексгольмского лена 1637 года в его северной части зафиксирован порядок налогообложения, соответствующий больше русской системе, чем шведской.

Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 года составлена на шведском и русском языках7. В ней хорошо просматривается изменение системы налогообложения. Если раньше налог платили только с дома, теперь же перечень налогов значительно расширился. Каждый хозяин платил налог в зависимости от своего благосостояния. В поземельной книге 1637 года в таблице подробно перечислены налоги с установленного перечня ценного имущества. Устанавливался подушный налог - с каждого взрослого мужчины в семье, кроме этого облагались налогом лошади, коровы, овцы, козы, свиньи. Охотники платили налоги за оружие, тенета и охотничьих собак. Брались налоги с урожая ржи, овса, хмеля. В Тиурульском погосте в 1637 году было переписано 245 дворов и 370 взрослых мужчин. Изменившаяся система налогообложения затрудняет прямое сравнение с данными 1629 года. На одном дворе могло быть несколько домов, а мужчины в 1637 году учитывались только взрослые, в то время как в 1629 году учету подлежали даже младенцы мужского пола.

В Тиурульском и Куркиёкском погостах в 1637 году описано 125 деревень, в которых было 918 дворов. Облагалось налогами 1279 взрослых мужчин. В хозяйствах содержались 934 лошади, 293 жеребенка, 1853 коровы, 1263 телки, 1032 овцы, 250 свиней. На одно хозяйство приходилось в среднем 2 коровы, 1,5 телки, одна лошадь, одна овца. Но встречались и более зажиточные семьи. Так, у 64 семей было по 5 коров, у 7 – даже 8 коров. Коз на всю округу было всего 18, их держали бедные крестьяне. Наемный труд использовался редко, в книге указано 94 бобыля. Во многих прибрежных деревнях бытовала традиция рыболовных промыслов. Всего было переписано 30 рыболовных судов и 34 невода, с которых взимался налог. Владельцы кабаков платили особый налог – кабацкие деньги, а собственники

мельниц — мельничный оброк. При невозможности выплатить полный налог налогоплательщику предоставлялась льгота. Так, в Тиурульском погосте с учетом льгот на каждый налоговый рубль платили 50 копеек, а в Куркиёкском — 70 копеек.

Общая сумма налога по Куркиёкскому погосту была такова: коронный налог — 1954 рубля, на содержание армии — 830 рублей, с кабаков — 128 рублей, с мельниц — 10 рублей. Налог натурой составил 1158 бочек зерна. По Тиурульскому погосту: коронный — 761 рубль, на армию — 290 рублей, с кабаков — 50 рублей, с мельниц — 6 рублей. Налог натурой составил 451 бочку зерна.

Уровень налогообложения зависел от внешнеполитической жизни Швеции. Так, в 1630 году король Швеции Густав II Адольф довел налоги в Корельском уезде до уровня Швеции в связи со вступлением в Тридцатилетнюю войну. Налоги возросли до такой степени, что крестьяне оставались на минимальном уровне выживания. При королеве Кристине война Швеции с Данией 1643–1645 годов также привела к увеличению налогового бремени. Наряду с увеличением налогов бывали случаи снижения или даже полного освобождения от налогов из-за хлебного недорода. Причинами неурожаев были затяжные дожди, ранние заморозки, засухи, которыми отличались 1627, 1632–1636 и 1641 годы. Показательна история, которая произошла после подачи прошения крестьян о налоговой льготе. 3 сентября 1641 года была написана «Мирская челобитная крестьян Корельского уезда шведской королеве Кристине об освобождении их от уплаты тягла ввиду неурожая». В документе содержится несколько любопытных фактов. Наряду с описанием причин неурожая указывается:

...сего году с Корельского уезда забежало крестьян 125 семей за рубеж русский, да сверх того в Дудоров, в Ореховский уезд, да на Ровду; жить нам стало некак, поля невелички, леших пашен нет, земля наша стала от всех стран скудна. Сверх того летось приехал в погосты наши с города Корелы фяльтвябяр Ортемей Михайлов с солдаты, и казаков наших и бобыльских людей вязал, называл солдатами и послал в город, а с города каптин посла [в] Выбор. И от того страху наши казачки и бобыли и одинокие люди и досталь сошли на Русь, боялись того, что их всех в солдаты возьмут... [7: 45–46].

Интересно, что документ, написанный от имени крестьян всего Корельского уезда, был составлен в Кирьяжском погосте. После этого прошения королева Кристина в 1642 году разработала руководство, согласно которому определялся порядок налогообложения в годы неурожая. Сначала чиновники должны были изучить платежеспособность крестьян, затем подавали расчеты, после этого следовал королевский указ [11: 181]. Как видно из челобитной, налоговое бремя, оскудевшие земли, неурожаи, боязнь воинской повинности были причинами ухода крестьян в Россию и в соседние погосты.

Таблипа 6

Рассмотрим анализ переписей 1651, 1681 и 1696 годов, которые стали нам доступны благодаря финскому исследователю Т. Иммонену, использовавшему данные Государственного архива Швеции (Riksarkivet). При составлении таблиц он выделил церковный приход Яккима, образовавшийся в 1630 году, но административно входивший до конца XVII века в Кирьяжский погост. Эти данные будут полезны для изучения демографической ситуации второй половины XVII века и для сопоставления наших данных по периоду первой половины XVII века.

Т. Иммонен приводит также условное деление на православных и лютеран. Но в явном виде такое деление можно проследить лишь в переписи 1629 года («русский» или «финн»). В остальных случаях Т. Иммонен использует в основном написание имен. Так, если в тексте стоят имена

Сенка Иванов, Павелко Ивдоев, Ивашко Микитин, автор относит их к православным. Если же встречаются такие имена, как Ганно Маннинен, Симой Кякконен, Паво Шаволайнен, автор считает их лютеранами. Анализируя документы рассматриваемого периода, российский исследователь И. А. Кюршунова отмечает:

Возможно, более точным было бы выделение четырех ономастиконов: русского, карельского, финского, шведского. Однако в текстах указание на этническую принадлежность редки. «Чистый» карельский ономастикон растворяется в русском и финском именниках, количество единиц, которые можно обозначить как карельские, невелико, и данные показатели нельзя соотносить напрямую с карельским населением края [2: 88].

Приведем несколько наглядных таблиц, составленных Т. Иммоненом (табл. 5–8).

Таблица 5 Численность крестьян и бобылей в период с 1629 по 1696 год [11: 160]

Погост (приход)		1629			1637			1651			1681			1696	
	Крест.	Бобыль	Всего												
Тиурула	1188	117	1305	432	44	476	460	62	522	439	82	521	400	137	537
Куркиёки	-	-	-	563	35	598	501	33	534	517	97	614	511	103	614
Яккима	_	_	_	676	45	721	498	50	548	423	82	505	446	68	514

Данные за 1629 год имелись лишь по Тиурульскому погосту. По таблице хорошо видно, что в период с 1629 по 1637 год произошло резкое уменьшение налогоплательщиков. Это было связано с первой волной миграции местного на-

селения в Россию. Показательны цифры в колонке 1696 года. Заметно уменьшение налогоплательщиков и увеличение освобожденных от налога. Это было связано с «Великим голодом» 1695—1697 годов.

Количество пустошей в период с 1629 по 1642 год [11: 125]

Погост (приход)	1629	1637	1639	1642
Тиурула	141	60	14	24
Куркиёки		74	71	46
Яккима		74	79	54
Итого		208	164	124

Всего за 1629–1642 годы число пустошей снизилось почти на 40 %. В этот период пустоши за-

нимали переселенцы из приграничных погостов Яскес и Саволакс.

 Таблица 7

 Соотношение домов и бобылей в период с 1637 по 1696 год [11: 125]

Порост (примод)	1637		16	1651		1681		96
Погост (приход)	Дома	Бобыли	Дома	Бобыли	Дома	Бобыли	Дома	Бобыли
Тиурула	323	45	342	67	420	77	413	130
Куркиёки	415	35	505	33	503	97	519	103
Яккима	452	44	497	32	420	73	446	68
Итого	1190	124	1344	132	1343	247	1378	301
Всего домов и бобылей	13	314	14	76	12	90	16	79
% домов и бобылей	90,6	9,4	91,1	8,9	80,1	19,9	82,1	17,9

Данные таблицы показывают, что в период между 1651 и 1681 годами число бобылей увеличилось в процентном соотношении почти в два раза. Вероятно, это было связано с последствиями войны 1656—1658 годов.

В архивах Швеции сохранились многочисленные документы о бегстве крестьян из Кексгольмского лена на территорию России, на основании которых была составлена сводная таблица по погосту Куркиёки.

Таблица 8 Численность семей, бежавших в Россию из погостов Куркиёки и Тиурула [11: 128]

Годы	1623	1626	1628	1629	1630	1631	1632	1633	1634	1635	1656	Всего
Куркиёки	207	10	6	9	104	2	12	12	45	7	481	895
Тиурула	28				21				2		112	163
Всего	235				125				47		593	1058

В 1623–1656 годах наблюдаются три миграционные волны, приходящиеся на 1623, 1630 и 1656 годы. Наибольшее количество беженцев приходится на 1656 год [11: 128].

Изучением переселения жителей Корельского уезда в Россию в течение многих лет плодотворно занимался финский исследователь В. Салохеймо [13], [14], [15]. По его данным, в период с 1617 по 1658 год из Куркиёкского погоста бежало 856 семей, а из Тиурульского — 162. Наибольшее число переселенцев было расселено в районах Бежецкого Верха (Тверская Карелия), Тихвина, Белозерска, Боровичей (Боровичская Карелия), Старой Руссы, Валдая. Финская исследовательница В. Муотка представила в своей статье результаты детального анализа, проведенного при изучении переселения жителей Курки-

ёкского погоста в Бежецкий Верх в период с 1611 по 1650 год. По многочисленным документам удалось проследить, что перемещение шло как напрямую, так и через Тихвин, Новгород, Олонец, Вологду, Москву. Большинство переселенцев переезжало на своих лошадях целыми семьями, взяв с собой коров, овец и ценное имущество, такое как медные котлы, ружья, самострелы. Эти предметы являлись предметом налогообложения, поэтому попадали в описи [12]. После войны 1656—1658 годов бегство в Россию прекратилось, за исключением единичных случаев.

Данные табл. 9 показывают, что в период между 1651 и 1681 годами наблюдается значительное уменьшение православного населения с 49,1 до 8,9 %. Это подтверждает значительный отток населения в период войны 1656—1658 годов [11: 127].

Таблица 9

Соотношение православного и лютеранского населения
в период с 1629 по 1696 год [11: 127]

		1629			1637			1651			1681			1696	
	Пр	ав.	Лют.	Пр	ав.	Лют.	Пр	ав.	Лют.	Пр	ав.	Лют.	Пр	ав.	Лют.
		%			%			%			%			%	
Тиурула	186	49,3	191	162	50,1	161	168	49,1	174	37	8,9	381	38	9,1	375
Куркиёки				259	62,4	156	257	50,9	248	26	6,4	379	23	5,5	395
Яааккима				314	69,3	138	287	57,7	210	13	3,9	407	12	2,7	434
Всего				735	61,8	455	712	53,0	632	86	6,8	1167	83	6,4	1204

Ценным источником по соотношению православного и лютеранского населения являются упомянутые выше карты Уттера Тиурульского, Куркиёкского, Яккимского лютеранских церковных приходов, опубликованные в 1650 году. В них приводится перечень деревень прихода с расстоянием до церкви, количество домов, пустошей с выделением таких граф, как «финны» и «русские». Сумма граф «дома» и «пустоши» дает число семей «финнов», а «русские» в этой таблице стоят особняком, вероятно, потому, что данные использовались для сбора церковного налога с лютеран. Еще одна особенность этих карт — неправильное сложение цифр в графе

«сумма». Они часто не совпадают с верной суммой по строкам, в некоторых случаях на карте видны следы подчисток и исправлений писцов. В табл. 10 мы объединили подсчеты по карте Куркиекского прихода и данные Т. Иммонена по картам Тиурульского и Яккимского приходов (см. прим. 1).

Из 11 православных приходов, существовавших на территории Кирьяжского погоста до прихода шведов, удалось сохраниться лишь Тиурульскому, который действовал до середины XX века. В Тиурульский приход входили жители в основном прибрежных деревень, в которых проживало коренное православное население.

Таблица 10

Статистические данные карт Тиурульского, Куркиёкского и Яккимского лютеранских приходов 1646 года [11: 119-121], примеч. 1

	Дома	Пустоши	Финны	Русские
Тиурула	118	32	149	124
Яааккима	77	4	81	177
Куркиёки	135	28	163	222

Рассматривая столь продолжительный период прямого противостояния России и Швеции, вылившегося в многочисленные приграничные конфликты и войны, можно сделать вывод о страшном опустошении, постигшем за это время приграничный Кирьяжский погост Корельского уезда. Так, по переписи 1590 года, на 80 домов приходилось 1095 пустошей. Экономическая и религиозная политика Швеции способствовала заселению пустующих территорий своими подданными, лютеранами по вероисповеданию. К концу XVI века на территорию Кирьяжского погоста пришли переселенцы большей частью из приграничных карельских погостов Яскеса и Саволакса, которые отошли Швеции после Ореховецкого мирного договора 1323 года. За короткий период с 1597 по 1610 год, когда территория была возвращена России, сохранялся смешанный конфессиональный состав населения. В последующий период, с 1611 по 1710 год, наблюдалось несколько миграционных волн, в результате которых почти полностью изменился этнический и конфессиональный состав населения Кирьяжского погоста. Причинами массовой миграции в Россию коренного населения стали религиозные притеснения и экономические трудности. Миграционные потоки в этот период шли в основном в направлении Олонца и Бежецкого Верха. Пики миграции пришлись на 1623, 1630 и 1656 годы. Наибольшее количество беженцев ушло в Россию во время войны 1656–1568 годов. После этого переселение происходило лишь в единичных случаях. В 1696 году в Кирьяжском погосте из коренных православных жителей оставалось лишь 83 семьи, что составляло 6,4 % всего населения. Они проживали в самых древних прибрежных деревнях и были приписаны к Тиурульскому православному приходу. К Тиурульскому (Хийтольскому), Куркиёкскому, Яккимскому лютеранским приходам относились 1204 лютеранских семьи (93,6 %), проживавшие как в старых, так и в новых, основанных в шведский период деревнях. Таким образом, в конце XVII века в Кирьяжском погосте произошли серьезные демографические изменения, которые привели к почти полной смене населения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность научному руководителю доктору исторических наук А. М. Пашкову, искреннюю признательность за консультации доктору филологических наук И. Е. Абрамовой, Л. В. Дмитриевой, И. В. Петрову, а также рецензентам за конструктивные замечания при подготовке статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Utter E. Käkisalmen lääni. Hiitola. RA LL 1850 nr 9. Maakirjakartta. Available at: https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/25007?s how=full. Utter E. Käkisalmen lääni. Kurkijoki. RA LL 1850 nr 9. Maakirjakartta. Available at: https://jyx.jyu.fi/handle/123456 789/25012?show=full. Utter E. Käkisalmen lääni. Jaakkima. RA LL 1850 nr 9. Maakirjakartta. Available at: https://jyx.jyu.fi/ha ndle/123456789/25008?show=full. Geographisch afrijtningh uppå Kürck – Jocki pogost i Kexholms Norre lähn, anno 1646. [Av Erik And. Utter (?). Jfr. Hiitola. Papper, uppf. på väv, ritad, 58,5 x 89] / Reversal 1850, nr 7/89. C. [?]. 4. Available at: https:// sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0002172

² Переписная книга Корельского уезда, 1590 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Чернякова [и др.]. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН, 1987. Т. 1: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. С. 265–274. 3 Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского обще-

ства истории и древностей российских. Кн. 12. М.: Университет. тип., 1852.

4 Переписная книга Корельского уезда, 1618 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Чернякова [и др.]. Петрозаводск; Йоэнсуу: КНЦ РАН, 1987. Т. I. Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. С. 284–387.

5 Переписная книга Тиурольского погоста 1629 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / Ред. И. А. Чернякова [и др.]. Петрозаводск; Йоэнсуу: КНЦ РАН, 1993. Т. III: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. С. 355–384. 6 Переписная книга Корельского уезда, 1631 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Чернякова [и др.]. Петрозаводск; Йоэнсуу: КНЦ РАН, 1987. Т. I: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. С. 388–568. ⁷ Поземельная книга Кексгольмского лена, 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КНЦ РАН, 1991. Т. 2: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. 758 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656–58 гг. // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 236–281. 2. Кюр шунова И. А. Шведские документы донационального периода как источник исследования русской антропо-
- нимии Карелии // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 87–111.

  3. Жербин А. С. Переселение карел на русские земли в русской историографии // Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 10. Вопросы истории Карелии. Петрозаводск, 1958. С. 60–66.

- 4. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1956. 79 с. 5. Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII начале XVII в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 491 с.
- 6. Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века: очерки политической и военной истории / [Сост. Г. К. Коваленко]; Ин-т истории РАН, Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, Ин-т языка, лит-ры и истории Карел. науч. центра РАН. СПб.: Европейский Дом, 2008. 502 с.
- 7. М ю л л е р Р. Б. Карелия в XVII веке: Сборник документов. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1948. 422 с.
- 8. Рабинович Я. Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013, 433 с.
- 9. Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1950. 174 с.
- 10. Ш в и н д т Т. Народные предания Северо-западного Приладожья, собранные летом 1879 года // Вуокса. Приозерский краеведческий альманах. Вып. 2. Т. 1. СПб., 2001. С. 57–85.
- 11. I m m o n e n T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710 // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola-Kurkijoki-Jaakkima-Lumivaara. Pieksamäki, 1958. S. 83-422
- Muotka V. Kurkijoelta Bezhetskin ylängölle 1611–1650. Liikkuvuutta suurvallan paineessa, Joensuun yliopisto, historian tutkimuksia 13. Joensuu, 1996. S. 71-86.
- 13. Saloheimo V. Bezhetskin ylängön Karjalaisluettelo vuosilta 1650–1651. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. № 5. Joensuu, 1992. 135 s.
- 14. Saloheimo V. Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta ruptuurin aikana 1656–58 paenneet ja poisviedyt. Historian tutkimuksia 11. Joensuu, Joensuun vliopisto, 1995. 205 s.
- 15. Saloheimo V. Inkerinmaalta ja Käkisalmen läänistä Venäjälle paenneita vuosina 1618–1655. Historian tutkimuksia 19. Joensuu, Joensuun yliopisto, 1999. S. 10–39.

Petrova M. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DEMOGRAPHY OF THE KIRYAZH POGOST IN THE PERIOD OF THE SWEDISH CONQUEST IN THE XVI-XVII CENTURIES

Kiryazh (Kurkiojoki) pogost of the Korela uezd (distrist) was under the Swedish rule for more than a hundred years as a result of the wars of the XVI-XVII centuries between Russia and Sweden. The research is concerned with the problem of demographic changes on the conquered territory at the local level. The problem is studied for the first time. The purpose of the study is to analyze the main prerequisites and identify causes that affected the change in the demographic situation. Statistical methods were used to study the sources from the archives of Sweden. The analysis of the most ancient maps of the Kiryazh Pogost of 1646 was carried out for the first time. Religious oppression and economic difficulties caused mass migration to Russia among indigenous population. The peak of migration occurred in 1656–1568. The policy of Sweden contributed to the settling of vacant territories by its subjects, Lutherans by religion. By the end of the 17th century about 6,4 % of the indigenous Orthodox population remained in the Kiryazh pogost.

Key words; Korela uezd (district), Kexholm fief, Kirjazh pogost, Kurkijoki, migration of Karelians to Russia

REFERENCES

- 1. Gadzjackij S. S. Karelia and Southern Ladoga in the war of 1656-58. Istoricheskie zapiski. Vol. 11. Moscow, 1941. P. 236–281. (In Russ).
- 2. Ky u r s h u n o v a I. A. Swedish documents of the pre-national period as a source of research on the Russian anthroponymy of Karelia. *Problems of Onomastics*. 2016. Vol. 13. No 2. P. 87–111. (In Russ).
- 3. Zherbin A. S. Resettlement of Karelians on Russian lands in Russian historiography. Trudy Karel'skogo filiala AN SSSR. Issue 10. Voprosy istorii Karelii. Petrozavodsk, 1958. P. 60-66. (In Russ).
- 4. Zherbin A. S. Resettlement of Karelians to Russia in the 17th century. Petrozavodsk, Gosizdat Karelo-Finskoy SSR Publ., 1956. 79 p. (In Russ).
- 5. Zhukov A. Yu. Self-government in Russian politics: Karelia in the XII early XVII century. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2013. 491 p. (In Russ).
- Za my a t i n G. A. Russia and Sweden at the beginning of the 17th century: essays on political and military history. [Sost. G. K. Kovalenko]; In-t istorii RAN, Novgor. gos. un-t im. Yaroslava Mudrogo, In-t yazyka, lit-ry i istorii Karel. nauch. tsentra RAN Publ. St. Petersburg, Evropeyskiy Dom Publ., 2008. 502 p. (In Russ).
- 7. Mjuller R. B. Karelia in the XVII century. Collection of documents. Petrozavodsk, Gosizdat Karelo-Finskoy SSR Publ., 1948. 422 p. (In Russ).
- 8. Rabinovich Ya. N. Small cities of the Novgorod land in troubled times. Velikiy Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mud-
- rogo Publ., 2013. 433 p. (In Russ). Shaskolsky I. P. Swedish intervention in Karelia at the beginning of the XVII century. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdateľstvo Karelo-Finskov SSR Publ., 1950. 174 p. (In Russ).
- 10. Shvindt T. Folk legends of the North-Western Ladoga area, collected in the summer of 1879. *Vuoksa. Priozerskiy kraeved-cheskiy al'manakh*. Issue 2. Vol. 1. St. Petersburg, 2001. P. 57–85. (In Russ).
- 11. I m m o n e n T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710. Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola-Kurkijoki-Jaakkima-Lumivaara. Pieksamäki, 1958. S. 83-422.
- 12. Muotka V. Kurkijoelta Bezhetskin ylängölle 1611–1650. Liikkuvuutta suurvallan paineessa, Joensuun yliopisto, historian tutkimuksia 13. Joensuu, 1996. S. 71-86.
- 13. Saloheimo V. Bezhetskin ylängön Karjalaisluettelo vuosilta 1650–1651. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen
- monisteita. № 5. Joensuu, 1992. 135 s.

  14. Saloheimo V. Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta ruptuurin aikana 1656–58 paenneet ja poisviedyt. Historian tutkimuksia 11. Joensuu, Joensuun yliopisto, 1995. 205 s.
- 15. Saloheimo V. Inkerinmaalta ja Käkisalmen läänistä Venäjälle paenneita vuosina 1618–1655. Historian tutkimuksia 19. Joensuu, Joensuun yliopisto, 1999. S. 10–39.

№ 5 (174). C. 91-96

Этнография, этнология и антропология

2018

УДК 39:550.34.016(470.21) DOI: 10.15393/uchz.art.2018.181

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ЗМЕЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона — филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки, Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук» (Апатиты, Российская Федерация) zmeyeva@rambler.ru

ПОЛЕВОЙ СЕЗОН ГЕОЛОГА И ПРАКТИКИ МОБИЛЬНОСТИ: К ИСТОРИИ МИНЕРАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ХИБИНСКИХ ТУНДР

Статья посвящена проблеме осуществления мобильности исследовательских отрядов и научных экспедиций в 1920-е годы на Кольском полуострове. В условиях слабого функционирования железнодорожного сообщения между центральными и отдаленными районами страны, отсутствия инфраструктуры, бытового и социального комфорта в местах проведения экспедиций участникам необходимо было сохранять подвижность и осуществлять научную работу. Проблема рассматривается на примере геолого-минералогических экспедиций 1920-х годов, работавших в центральной части Кольского полуострова (Центральной Лапландии). Источниками служат воспоминания о первых поездках, разведочных и научных экспедициях геологов в 1920-е годы, экспедиционные очерки А. Е. Ферсмана, журнальные и газетные публикации, интервью с краеведами и исследователями научного наследия А. Е. Ферсмана. Рассматриваются практики мобильности участников геологических экспедиций, формы привлечения к исследовательским переходам местных рабочих и представителей коренного населения, социальная адаптация и формирование социокультурного пространства в полевых условиях.

Ключевые слова: мобильность, полевые исследования, научные экспедиции, А. Е. Ферсман, освоение Севера

Активное железнодорожное строительство в Российской империи закончилось к началу XX века. Основные маршруты были проложены, интеграция центра страны с окраинными территориями (прежде всего Закавказьем, Средней Азией и Сибирью) осуществлена. Отдаленные районы империи стали относительно доступны, было создано особое пространство, соединившее труднодоступные ранее места. Регионы оказались обеспечены дорогами для осуществления географической мобильности разных социальных групп [15].

Дискуссии о необходимости железнодорожной линии, связывающей столицу империи и побережье Северного Ледовитого океана, велись с середины XIX столетия, однако, несмотря на пережитый подъем железнодорожного строительства, этот проект так и остался нереализованным до Первой мировой войны [1]. Благодаря начавшимся военным событиям стратегический проект строительства Мурманской магистрали был закончен в короткие сроки (см. напр.: [2], [3: 82–117]). Введение в эксплуатацию Мурманской железной дороги имело результатом развитие новых масштабных планов: как позднеимперских (Мурманская железная дорога стала одним из последних законченных объектов строительства в Российской империи; на Мурманском побережье был заложен последний в имперской истории город-порт Романов-на-Мурмане), так и раннесоветских (началось промышленное освоение Кольского полуострова, строительство новых городов в Заполярье, предприятий-«гигантов», обеспечивался стремительный рост постоянного населения в регионе и т. д.).

Основной результат железнодорожного сооружения на Кольском полуострове — строительство нового города-порта — потенциального административного центра, военно-торговых и гражданских объектов и, конечно, привлечение в регион новых жителей. Так, население нового города Мурманска в 1920 году насчитывало 2487 человек, а в 1926-м — уже 7001 человека². Это был период миграционной активности населения, процессов массового прибытия и убытия, незакрепленности и неукорененности переселенцев на «мурманской почве»: «Средняя продолжительность пребывания в Мурманске исчисляется приближенно в 3 года и 1 месяц»³.

Кольский полуостров перестал восприниматься захолустным, отдаленным, недоступным краем, железная дорога привела человека на север. Население постепенно увеличивалось, несмотря на то, что многие переселенцы не задерживались и уезжали из заполярного региона:

Своих сельских резервов для пополнения городского населения не было, отсутствовала и развитая поселенческая структура, поэтому внутренная миграция была невелика. <... > Здесь была самая высокая на всем Севере миграционная подвижность населения [8: 53].

92 О. В. Змеева

Мурманская железная дорога, эта «узкая лента культуры», по яркому высказыванию А. Е. Ферсмана, связала наконец центр страны с Мурманским берегом. Она позволила приезжать в северные районы людям, стремящимся найти новый дом на отдаленном севере, желающим переселиться, а также реализовываться многим этносоциальным, научным, экономическим и промышленным планам.

Вплоть до 1920 года, то есть до ухода интервентов и белогвардейцев с Мурмана, Кольский полуостров воспринимался многими россиянами как неразвитая и малоперспективная территория. Регион, конечно, был труднодоступен, однако отдельные сведения по истории, этнографии, географии и экономике полуострова имелись. Начиная с XVIII века на территории края осуществлялись исследования Петербургской академии наук, затем были Финляндская экспедиция, Мурманская научно-промысловая экспедиция и другие. Были получены топографические данные и составлены карты полуострова, заложены основы геологических изысканий, регулярно проводились океанологические исследования. Важнейший результат – создание стационарной научной базы – Мурманской биологической станции. Наиболее результативными научные поиски оказались на побережьях и в районах, омывающих Кольский полуостров Баренцева и Белого морей. Это исследования Н. Я. Озерецковского, И. И. Лепехина, Н. М. Книповича, Л. Л. Брейтфуса, С. В. Аверинцева, К. М. Дерюгина, Ф. П. Литке, М. Ф. Рейнеке и многих других.

За весь дооктябрьский период изучение центра полуострова, минеральных и рудных ресурсов практически не производилось. Но почва для исследования недр подготовлена была, прежде всего благодаря геологическим экспедициям финского исследователя В. Рамзая и русского ученого Е. С. Федорова.

Экспедиции крупнейших специалистов из «столичных» учреждений многократно проводились в 1920-е годы. Комплексные исследования Мурмана начаты усилиями Северной научно-промысловой экспедиции⁴ (см. напр.: [7]). 1920—1930-е годы — это десятилетия благополучного и успешного исследования Кольского полуострова, когда осуществлялся советский проект индустриализации и модернизации северных и отдаленных районов страны.

Остановимся на исследовании центральной части Кольского полуострова периода так называемой «хибинской эпопеи» А. Е. Ферсмана, времени геолого-минералогических открытий в Хибинских и Ловозерских тундрах.

Особого внимания заслуживает сюжет о первой поездке А. Е. Ферсмана на Кольский полуостров. В июне 1920 года, через два месяца после освобождения Севера от «английской оккупации», сотрудники Академии наук поя-

вились в Мурманском крае. На Кольский полуостров приехала комиссия в составе президента Академии наук А. П. Карпинского, академика А. Е. Ферсмана и геолога Геологического комитета А. П. Герасимова. Целью было «представить соображения о развитии производительных сил Кольско-Карельского района и решить вопрос дальнейшего использования Мурманской железной дороги» [6: 264]. «Разрушенность» Мурмана, которую наблюдали академики, приехавшие из Петрограда, и разнообразный минеральный мир Хибин, с которым они столкнулись, неоднократно упоминались коллегами-геологами, историками и журналистами в качестве первых контрастных впечатлений А. Е. Ферсмана от этой поездки. Вслед за академиком Ф. Н. Чернышевым они сравнивают участников поездки с «пришельцами, которые пробудят ее (природу Кольского полуострова. – O. 3.) к новой жизни» ([14: 141], то же [5: 15]). Это высказывание стало прецедентным, его же использовал Ферсман в экспедиционных очерках.

Важнейшая остановка произошла на участке Кандалакша — Кола Мурманской железной дороги. Известно, что в связи с отсутствием топлива для паровоза вечерняя запланированная остановка поезда на станции Имандра превратилась в долгую стоянку. Заправка дровами обернулась для единственного минералога из группы, поднявшегося на вершину ближайшей возвышенности, десятилетиями исследований Хибинского горного массива и выдающимися открытиями.

Для меня сразу же стало ясным, что Хибины – это целый новый своеобразный мир камня и что углубленное изучение природы Хибин не может не привести к крупным открытиям новых полезных ископаемых⁵.

В рассказах Александра Евгеньевича, воспоминаниях его спутников и учеников эта случайная остановка приобрела статус знакового события. Ее последствиями стали не только научные геолого-минералогические открытия в горных районах Кольского полуострова, но и в целом индустриализация заполярного региона. С одной стороны, Хибины открылись взгляду профессионала-минералога благодаря проложенной еще в Российской империи железной дороге. Несмотря на поврежденное и местами разрушенное состояние, она привела исследователей к подножию горного массива. С другой стороны, потенциальным открытиям способствовали отсутствие электричества на железнодорожной линии и несовершенная техника, управление которой требовало длительных остановок и выходов за пределы железнодорожных путей. Наконец, специфика заполярного климата позволила совершить ночную прогулку. «Поздно вечером», но в «светлый полярный день» специалисты смогли не только осмотреть окрестности, но и провести первые наблюдения. Вообще все в этой первой поездке и остановке кажется парадоксальным: время выезда, полярный день, поздняя остановка именно в районе возвышенности, решение членов комиссии подняться на эту возвышенность, присутствие единственного специалиста, способного оценить перспективы, и т. д. Исследования Хибинских гор начинаются фактически со сказочного сюжета, а главный герой «выступает во всех функциях культурного героя: провидца, первопроходца, просветителя, имядателя и даже трикстера» [9: 61].

Воспоминания о первой поездке, точнее, случайной остановке поезда закрепляют за Александром Евгеньевичем роль первооткрывателя и символического создателя, условно первого человека, вступившего на землю: экспедиции показывали, что карты предыдущих исследователей Хибин были неправильно составлены, «там, где на наших картах нанесены низины, открывался целый новый совершенно неведомый горный мир» [14: 141]. За первыми восхищениями и последовавшими многочисленными научными экспедициями, великими открытиями, созданием городов и предприятий совершенно потерянными оказались сведения об этой первой поездке академика Ферсмана в Заполярье. В частности, мало что известно о времени выезда на Мурман и возвращении в Петроград президента Академии наук А. П. Карпинского и академика А. Е. Ферсмана. Известно лишь то, что в конце мая (или, по другой версии, начале июня 1920 года) «...их состав прибыл на станцию Имандра, где паровоз должны были снабдить дровами» [4: 6]. Несмотря на большой объем воспоминаний, очерков и статьей, написанных самим Александром Евгеньевичем, исследователи его научного наследия не соглашаются со сведениями, приведенными академиком, а утверждают: «Тот первый маршрут остался запечатленным лишь в памяти Ферсмана» [11: 220]. Как говорят геологи, в случае подобной остановки и кратковременной прогулки нет «привязанности» к месту и времени. Таким образом, первый маршрут на окраинную возвышенность Маннепахк в 1920 году – отправная точка «хибинской эпопеи» открытий – остался незамеченным, условно зафиксированным. Поход участников поездки на возвышенность, первый сбор минералов современные кольские геологи по-прежнему называют «прогулкой». Но именно она, эта прогулка, не предусмотренная планом официальной поездки, вызывает дискуссии в среде профессионалов и в настоящее время. При этом сам факт поездки не подвергается сомнению, нет претензий и к «остановке» паровоза на конкретной станции (это подтверждается официальными документами, выписками из архивов и т. д.). В данном случае миф о «первооткрывателе» Ферсмане поддерживается. Переоценке подвергаются временные рамки поездки. Историки и краеведы выясняют точную дату выезда

академика из Петрограда. Обсуждается не только время, проведенное Ферсманом в первой поездке на Кольский полуостров, но и состав участников экспедиции, уточняются направляющие организации и другие обстоятельства [5], [6]. Геологи, последователи А. Е. Ферсмана, повторяют первый маршрут академика от станции Имандра до вершины ближайшей возвышенности, замеряя время в пути, делая отметки расстояний, желая наблюдать увиденное академиком, запечатлеть свои эмоции и сравнить их с впечатлениями А. Е. Ферсмана, выученными наизусть [4], [11]. Противоречивые сведения о времени выезда приводят наших современников к выводу, что последовательность действий академика-первооткрывателя требует детального, пошагового анализа. Расхождение в каких-то незначительных деталях, например в установлении даты выезда (20 мая или 4 июня 1920 года) или в определении состава экспедиции, дает возможность аналитикам, идущим по тропам А. Е. Ферсмана, выдвигать новые гипотезы. В конечном счете, детали признаются незначительными, а сама поездка - судьбоносной (как для самого академика, так и для будущего региона, в центре которого А. Е. Ферсман и оказался). Для геологов и краеведов существенным остается превращение официальной поездки академика из запланированного мероприятия в неожиданную находку. В ожидании подобной удачи начинают путь в горы многие современные исследователи-полевики.

И участники первой «прогулки» академика, и другие специалисты многочисленных геолого-минералогических и комплексных экспедиций 1920-х годов в центральную часть Кольского полуострова свидетельствуют об отсутствии сформированного социального пространства в этом районе. Мурманск в 1920 году имел статус города, пусть с многочисленными коммунальными и бытовыми проблемами, отсутствием благоустроенного жилья, стихийностью застройки, но имеющим постоянное население, специалистов, продовольствие и прочие атрибуты поселенческой общности с определенной социальной структурой и культурным пространством. Расстояние от Мурманска до станции Имандра составляло приблизительно 150 км. Станция Имандра, как правило, и была отправной точкой экспедиционных отрядов, направленных на работу в Хибины. Здесь не было подготовленной инфраструктуры – только линия железной дороги, небольшая железнодорожная станция, а дальше – естественный ландшафт неизведанных Хибинских гор. Обычная и привычная для геологов-минералогов география. В этой самой малонаселенной губернии СССР (в 1926 году население составляло 23 тыс. человек, из них 7001 человек – это жители Мурманска) [13: 117], в центральной ее части геологам приходилось контактировать с рабочими железной дороги 94 О. В. Змеева

и отдельными группами саамов, ведущими полукочевой образ жизни. Представители этих двух категорий — профессиональной и этнической групп — стали первыми помощниками и проводниками «первопроходцев» Хибинских тундр. Одну из первых книг о научных экспедициях в центральную часть Кольского полуострова А. Е. Ферсман посвятил железнодорожным рабочим.

Им, этим страдальцам северной жизни, работникам, оторванным от своей родины, во мраке ночных месяцев и в утомительно длинном дне лета делающим культурное дело — кто за станционной стрелкой, кто за лентой телеграфа, у железнодорожного полотна или в поселковой больнице, — им, мурманским железнодорожникам, я посвящаю эту книжку⁶.

В коротком посвящении автор аккумулирует основные проблемы новоселов и будущих переселенцев заполярного региона: это и природноклиматические условия, в которых вынуждены трудиться рабочие, и социокультурные обстоятельства, и ситуация потенциальной миграции (скорее всего, возвратной, маятниковой или вахтовой). Это посвящение — своего рода признание существования особого железнодорожного мира, ленточного социокультурного пространства, не только создавшего возможность реализовать векторное движение на Север, но и призванного обеспечить передвижения по Кольской земле.

Проникнуть в заполярный регион было невозможно не только без железной дороги — линии, соединяющей разрозненные объекты строительства, но и без первых проводников, которыми стали сотрудники железнодорожной службы. Наличие рабочих, сопровождавших и обслуживавших железнодорожные составы, можно рассматривать в качестве необходимого условия организации серьезных научно-исследовательских мероприятий в хибинских ландшафтах.

Добираться до района проведения исследовательских работ участникам экспедиции, естественно, удобнее всего было по Мурманской железной дороге. Время в пути от Петрограда до станции Имандра составляло в 1922 году около трех суток. Передвижение на поезде воспринималось участниками геологических экспедиций как ситуация стабильности. Железнодорожная инфраструктура – как комфортная – «удобный вагон», «уютный железнодорожный домик» и т. п. Видимо, в районе планируемых работ эта инфраструктура являлась единственной стабильной. За ее пределами – временные сооружения, горы, перевалы, снеговые поля, палатки, следы костров и оленьи тропы.

Железнодорожные и станционные рабочие, будучи нанятыми для выполнения функций носильщиков, позволяли исследовательским отрядам сохранять мобильность. Администрация экспедиции нанимала рабочих для транспортировки тяжелых грузов – провианта, палаток, снаряжения, отобранных образцов минералов. Однако помощь наемных рабочих часто оказывалась результативной только в районах «освоенного» и привычного для них пространства. В условиях экстремального мира, в который стремились попасть геологические отряды, носильщики, не имеющие необходимых навыков и подготовки, обмундирования и снаряжения, отказывались выполнять требования. С одной стороны, они освобождали путь специалистам, инициированным и вошедшим в профессию. С другой стороны, не являясь «покорителями гор», они остерегались смертельной опасности, боялись сурового, чуждого им мира. При отсутствии постоянного старожильческого населения сведения о горном мире железнодорожники могли получить только у коренных жителей – саами. Знакомство с полукочевой жизнью, саамским фольклором, вполне вероятно, могло вызвать страхи и остановить приезжего рабочего. Начальник экспедиции резюмирует:

Рабочие возвращаются обратно; они измучены пройденной дорогой, скалы перевала и снеговые поля напугали их, детей равнины, русских мужичков; их обувь совершенно оборвалась; на снежных полях и от сильного холодного ветра они промерзли; им не удалось донести груза до назначенного по диспозиции места, и совершенно измученные они стремятся скорее вернуться домой, подальше от всех ужасов гор⁷.

Адаптированными к местности помощниками были представители аборигенного населения (саами). Перемещаясь при помощи оленей, саам путешествует по Хибинским тундрам, он приспособлен к горному климату. Саами становились успешными проводниками, места их остановок — проверенным местом для организации временных баз, а олени — эффективным способом транспортировки отобранных образцов.

Четыре оленя связывались гуськом один за другим, и каждый из нас мог вести, таким образом, четырех животных с грузом около 10 п. (пудов. – O. 3.) <...>. Но все-таки перевозка тяжелых минеральных грузов на оленях необычно удобна и приятна: олень идет плавно, почти не шелохнется мешок... 8

Участники первых геолого-минералогических хибинских экспедиций 1920-х годов оставались мобильными, прежде всего, в рамках профессии, связанной с полевыми исследованиями (геолога, минералога). Железнодорожная служба была призвана обеспечить доступ к району работ и регулярность исследовательского поля. Сохранить активность и подвижность ученым помогали наемные рабочие-носильщики, проводники — представители аборигенного населения, а транспортировку тяжелых грузов обеспечивал специфический перевозчик — северный олень.

Постепенно не только увеличивалось количество исследовательских поездок, расширялась география экспедиций (изучение Монче-тундры

и Ловозерских тундр), но и повышалась эффективность пребывания специалистов в регионе. Результатами стали открытие редчайших минералов, оценка запаса рудных месторождений на Кольском полуострове, реализация концепции комплексного использования минерального сырья, создание первой периферической постоянно действующей научной организации, «Мекки для ученых» — Горной станции Академии наук. Началось строительство промышленных объектов и, конечно, новых «социалистических» городов, стремительно выросла численность населения региона.

Ни одна геологическая экспедиция не возвращалась в центр без открытий и находок. На Хибинской горной станции регулярно организовывались и проводились научные мероприятия, организатором и участником которых оставался ее директор А. Е. Ферсман. К нему в гости, в необжитый край из цивилизованного центра приезжали другие великие люди — академики, главы учреждений. Если в августе 1920 года отряд А. Е. Ферсмана был единственным в Хибинах, то к концу 1920-х годов их были десятки, а к середине 1930-х — сотни.

За 1920—1936 гг. на Кольском полуострове побывало 485 научных отрядов и экспедиций, изучением богатств этого края занимались, по подсчетам А. Е. Ферсмана, 62 научных учреждения [6: 281].

В экспедиционных условиях и местах проведения полевых работ объединяются разные виды мобильности (см. типологию мобильностей, существующих в современном мире, предложенную Дж. Урри [12: 79–80]). Полевая работа может соотноситься одновременно с реализацией научного интереса, с туристическим приключением, временем и местом проведения отпуска,

с посещением друзей и родственников и т. д. (см. обсуждение вопросов методологии, методики и практики полевых исследований на Севере [10]).

При отсутствии доступных путей, проложенных маршрутов, а иногда и троп трудно подумать об осуществлении индивидуального передвижения. Участники геолого-минералогических экспедиций в Хибинские тундры 1920-х годов не только не имели возможности передвигаться индивидуально — походы в горы были строго регламентированы и не подразумевали передвижение в группах менее двух человек, но и испытывали необходимость в помощи сопровождающих проводников и носильщиков.

Геологическое поле – всегда «отпускное», в условиях Заполярья - как правило, летнее. Отсутствие инфраструктуры, транспорта, актуальных систем навигации и прочих технических средств делает человека маломобильным. Для того чтобы сохранить подвижность, ему необходимо детальное планирование. Но даже четко сформулированный, детализированный план может оказаться несостоявшимся. Исследователи-полевики оказываются ограничены в передвижении обстоятельствами: природными (сезонность, дождливость, ветреность и др.), географическими (проходимость, доступность места и др.), социальными, бытовыми, экспедиционными (планы, карты, маршруты и др.). Они мобильны тогда, когда складываются благоприятные условия. Обращение к экспедициям А. Е. Ферсмана продемонстрировало вариативность форм мобильности в рамках отдельных ее видов и зависимость этих форм от конкретных исторических и локальных контекстов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Петроград: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. 204 с.
- ² Алымов В. Население города Мурманска // Население города Мурманска в начале 1926 года (по административному учету, произведенному 12–15 января 1926 года). Мурманск: Издание Мурманского Губернского Статистического Бюро, 1926. С. 3.
- ³ Там же. С. 8-9
- ⁴ За Полярным кругом. Работа Академии наук на Кольском полуострове за годы советской власти (1920–1932). Л., 1932. 82 с.
- Ферсман А. Е. История одной тропы (Из истории Кольского полуострова). Л.: Изд-во детской литературы, 1959. С. 66.
   Ферсман А. Е. Три года за полярным кругом. Очерки научных экспедиций в Центральную Лапландию 1920–1922 годов. Петербург: Время, 1924. С. 4.
- ⁷ Там же. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 59.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. В и т т е С. Ю. О моей поездке на Крайний Север (Мурманское побережье) // Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. Рукописные заметки. СПб: Дмитрий Буланин, 2003. С. 355–364.
- 2. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
- 3. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914—1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
- 4. Кабыш 3. Каждому свой Ломоносов / Интервью с Е. А. Каменевым // Мурманский вестник. 2008. 8 ноября. С. б.
- 5. Каменев Е. А. История открытий Хибинских месторождений // Дважды Два. 2002. № 39. 27 сентября. С. 15.
- 6. К и с е л е в А. А. А. Е. Ферсман на Кольском полуострове // Летопись Севера. Т. 6. М.: Мысль, 1972. С. 263–283.

96 О. В. Змеева

- 7. Курочкин Г. Д. Исследование минеральных ресурсов экспедициями Академии наук (1919–1959). М.: Наука, 1969. 246 с.
- 8. Михайлов Е. И. Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке: Дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2004. 222 с.
- 9. Пация Е.Я., Разумова И.А. Genius loci (А. Е. Ферсман) // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2006. С. 60–69.
- 10. Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / Отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 304 с.
- 11. Токарев А.Д., Каменев Е.А. Первая поездка А.Е. Ферсмана на Кольский п-ов в 1920 г. (о дате поездки и составе делегации) // VII Всероссийская Ферсмановская научная сессия, посвященная 80-летию Кольского НЦ РАН. Апатиты, 2010. С. 220–222.
- 12. У р р и $\stackrel{.}{/}$ ж . Мобильности / Пер с англ. А. В. Лазарева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.
- 13. Федоров П. В. История Мурмана // Кольский Север: энциклопедические очерки. Мурманск: Просветительский центр «Доброхот», 2012. С. 96–133.
- 14. Ферсман А. Е. Путешествие за камнем. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 392 с.
- 15. Шенк Ф. Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство в век железных дорог / Пер. с нем. М. Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.

Zmeeva O. V., Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre, RAS (Apatity, Russian Federation)

THE FIELD SEASON OF GEOLOGISTS AND PRACTICE OF MOBILITY: ON THE HISTORY OF MINERALOGICAL RESEARCH OF KHIBINY TUNDRA

The article is concerned with the problem of mobility of research units and scientific expeditions on the Kola Peninsula in the 1920s. In conditions of the poorly functioning railway communications between the central and remote areas of the country, the lack of infrastructure, domestic and social discomfort in places of expeditions the participants of the expeditions had to maintain mobility and carry out scientific research. The problem is considered on the example of geological and mineralogical expeditions of the 1920s conducted in the central part of the Kola Peninsula (Central Lapland). The research is based on the memoirs about the first trips written by geologists of exploratory and scientific expeditions performed in the 1920s; expeditions' essays by A. E. Fersman; journal and newspaper publications; interviews with local historians and researchers of the scientific heritage left by A. E. Fersman. The article examines the practice of participants' mobility in geological expeditions, the involvement of local workers and indigenous people in research transitions, social adaptation, and development of the sociocultural space in the field.

Key words: mobility, field research, scientific expeditions, A. E. Fersman, development of the North

REFERENCES

- 1. Vitte S. Yu. About my trip to the Far North (Murmansk coast). *Iz arkhiva S. Yu. Vitte. Vospominaniya. T. 1. Rasskazy v stenograficheskoy zapisi. Kniga 1. Rukopisnye zametki.* St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. P. 355–364. (In Russ.)
- 2. Golubev A. A. Murmansk railway. History of construction (1894–1917 gg.). St. Petersburg, Peterburgskiy universitet putey soobshcheniya Publ., 2011. 205 p. (In Russ.)
- 3. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 432 p. (In Russ.)
- 4. Kabysh Z. To each his Lomonosov. Murmanskiy vestnik. 2008. 8 November. P. 6. (In Russ.)
- 5. Kamenev Ye. A. The history of the discovery of the Khibiny deposits. *Dvazhdy dva.* 2002. No 39. 27 September. P. 15. (In Russ.)
- 6. Kiselev A. A. A. E. Fersman on the Kola Peninsula. *Letopis' Severa*. Vol. 6. Moscow, Mysl' Publ., 1972. P. 263–283. (In Russ.)
- 7. Kurochcin G. D. Investigation of mineral resources by expeditions of the Academy of Sciences (1919–1959). Moscow, Nauka Publ., 1969. 246 p. (In Russ.)
- 8. Mihaylov E. I. Migration processes in the history of the formation of the population of the European North of Russia in the twentieth century. PhD. hist. sci. diss. Murmansk, 2004. 222 p. (In Russ.)
- 9. Patsiya E. Ya., Razumova I. A. Genius loci (A. É. Fersman). Severyane: Problemy sotsiokul'turnoy adaptatsii zhiteley Kol'skogo poluostrova. Apatity, Izd-vo KNTs RAN, 2006. P. 60–69. (In Russ.)
- 10. Field as a life: To the 60th anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 304 p. (In Russ.)
- 11. To karev A. D., Kamenev E. A. The first trip of AE Fersman to the Kola Peninsula in 1920 (about the date of the trip and the composition of the delegation). VII Vserossiyskaya Fersmanovskaya nauchnaya sessiya, posvyashchennaya 80-letiyu Kol'skogo NTs RAN. Apatity, 2010. P. 220–222. (In Russ.)
- 12. Urri Dzh. Mobility. Moscow, 2012. 576 p. (In Russ.)
- 13. Fedorov P. V. History of Murman. Kol'skiy Sever: entsiklopedicheskiye ocherki. Murmansk, Prosvetitel'skiy tsentr "Dobrokhot" Publ., 2012. P. 96–133. (In Russ.)
- 14. Fersman A. E. Traveling behind a stone. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 392 p. (In Russ.)
- 15. Shenk F. B. Train to the present. Mobility and social space in the century of railways. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 584 p. (In Russ.)

№ 5 (174). C. 97-106

Этнография, этнология и антропология

2018

УДК 392.51

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.182

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МИНВАЛЕЕВ

аспирант, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории — обособленного подразделения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация) minvaleevs@gmail.com

СВАТОВСТВО КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ: ВРЕМЯ, УЧАСТНИКИ, АТРИБУТЫ В СВЕТЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ*

На основе широкого круга источников ставится задача представить географию некоторых компонентов сватовства (время совершения ритуала, его исполнители и их атрибуты) с помощью метода картографирования в ареале расселения карелов-людиков. Сделан вывод, что рассмотренные компоненты были общеприбалтийского, карельского и русского происхождения. К общеприбалтийско-финским компонентам следует отнести название сватовства (kožit'šuz) и сватов (sulhažet). К компонентам карельского происхождения относится время проведения сватовства и заключения браков (Рождество Христово), участие колдуна и женщины-свахи (sajannaine) в сватовстве, использование различных сватальных посохов. Однако эти компоненты неравномерно представлены на территории расселения людиков. Участие колдуна (tiedoinikka) в сватовстве было обнаружено только у северных людиков на пограничье с сегозерскими карелами и объяснялось влиянием последних. Состав сватов и свадебных чинов у людиков формировался под огромным влиянием свадебной традиции соседнего русского населения. Русское воздействие было неравномерным, что отразили карты.

Ключевые слова: карелы, людики, традиционная культура, сватовство, свадьба, картографирование

В статье ставится задача представить географию некоторых важных компонентов ритуала сватовства, используя метод картографирования, в ареале расселения карелов-людиков, представляющем собой узкую меридианальную полосу, затрагивающую Олонецкий, Пряжинский и Кондопожский районы Республики Карелия. К сожалению, этот ареал из-за недостаточного количества фактического материала плохо представлен в многочисленных работах по карельской свадьбе, в том числе в фундаментальной монографии Ю. Ю. Сурхаско «Карельская свадебная обрядность» [19], которая по праву отнесена «к лучшим исследованиям свадебной обрядности» [21: 103]. Людиковский ареал в них, как правило, рассматривается недифференцированно в составе южнокарельского региона. Однако знания о культурном наполнении этого ареала обрядами (в данном случае - сватовства), выявлении его неоднородности, возможных границах крайне важны, так как позволяют ответить на некоторые вопросы, связанные с формированием карелов-людиков и их традиционной культуры.

Людики — одна из малоисследованных этнических групп, которую некоторые российские ученые считают субэтносом карелов, а западные представляют в качестве самостоятельного народа. Людики выделены отечественными лингвистами на основе особого наречия карельского языка. Согласно различным классификациям, в людиковском наречии принято выделять от

3 до 8 диалектов. К наименьшему количеству относятся северный (Кондопожский), средний (Пряжинский) и михайловский (Олонецкий р-н) диалекты, имеющие свои языковые особенности, связанные с этническими процессами [11: 403], [26: 159–162]. Людики сформировались в западном Обонежье из двух этнических и языковых компонентов - собственно карельского и вепсского – примерно к XVIII веке. При этом сплав двух названных компонентов происходил на разных участках людиковской территории неравномерно. На юге просматривается определенное преобладание вепсского компонента, на севере – карельского. Кроме того, в ряде людиковских говоров заметны четкие непереплавившиеся карельские вкрапления, отражающие, видимо позднее, точечное собственно карельское внедрение в Обонежье. В людиковском языке присутствуют также отчетливые следы карельскоголиввиковского и раннего русского влияния¹. Для нас представляет интерес, как эти лингвистические выводы соотносятся с этнографическими материалами по сватовству людиков.

Для выполнения поставленной задачи был предпринят поиск всех возможных источников по данной теме, касающийся людиковского ареала. В результате в статье использовались следующие виды источников:

а) крайне немногочисленные этнографические, фольклорные и лингвистические публикации, в которых содержатся данные о людиковском сватовстве;

- б) неизвестные ранее рукописные источники², выявленные в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КНЦ) и Фольклорном архиве Финского литературного общества (SKS);
- в) полевые материалы, собранные сотрудниками ИЯЛИ в 2012 и 2016 годах;
- г) источники, содержащие сравнительные данные по свадебным традициям соседних народов и их локальных групп: карелов, вепсов, русских.

С помощью полученного комплекса источников удалось составить ряд карт и более четко представить локальное распространение таких компонентов сватовства, как время его проведения, участники и их атрибуты, то есть используемые в обряде магические предметы.

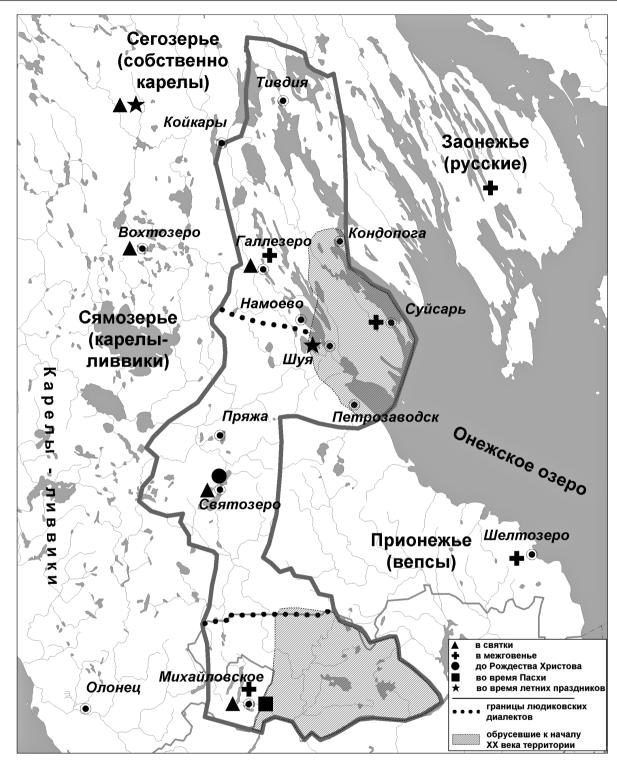
Сватовство – это ритуализированное предложение парня и его родни родителям девушки выдать их дочь замуж. Этот комплекс обрядов начинался с прихода сватов и мог закончиться тремя разными результатами: отказом, согласием невесты или назначением срока на обдумывание. Сватовство у людиков носило название прибалтийско-финского происхождения $kožita \sim koz'ita^3$ 'свататься', сев. люд. kožit'šuz 'сватовство', ср. фин. kosia, сев. кар. kos's'uo, ливв. kozita 'свататься' [16: 283], [24: 155]. Также михайловские и средние людики называли этот обычай калькой с русского языка «ходить в женихи»: tulim svuatoikš, lähtem svuatoikš (Михайловское⁴) 'приходим сватами, отправляемся сватами', *mändä* sulhaižikse, tulda sulhaižiks (Святозеро) – досл. «ходить/отправляться/приходить сватами»⁵ [24: 407], [30: 40]. Как можно заметить, у михайловских людиков в отличие от средних в этом выражении отсутствует прибалтийско-финский термин sulhanen 'жених'; вместо него они использовали заимствованный из русского языка чин svuat 'сват'. Весьма показательно, что название свадебного ритуала – свадьба – по всей людиковской территории, как и у большинства карелов российской Карелии, было заимствованием от русских – suad b [16: 284], [18: 104], [24: 402].

Свадьбу играли через некоторое время после просватанья невесты – обычно это срок от трех дней до двух недель [27: 178]. На различной территории людиков сроки начала сватовства, ведущего к заключению браков, различались: например, в с. Михайловском ходили свататься субботним вечером в зимний мясоед или межговенье (*pühäkeski*) (от Крещения Господня 6 / 19 января до Масленицы) [29: 96], или в святки (от Рождества Христова 25 декабря / 7 января до Крещения Господня 6 / 19 января)⁷, или после Великого поста в Пасху⁸. На пограничной людиковско-ливвиковской территории в Вохтозере первые сваты могли появиться накануне Рождества Христова, а вторые - непосредственно после него⁹. Средние людики в Святозере свадьбы устраивали до Рождественского (или Филиппова) поста (длился с 15 / 28 ноября по 24 декабря / 6 января) или же зимою после Рождества Христова, то есть в зимние святки, при этом свататься ездили в воскресный или праздничный вечер¹⁰. У северных людиков празднование первых свадеб могло начаться сразу после Рождества, то есть в святки, при этом их пик приходился на время Сретения Господня (2 / 15 февраля). Уже на масленичной неделе священник не проводил венчания¹¹ [28: 64]. В обрусевшем людиковском с. Суйсарь сватов также засылали в межговенье [9: 132].

По наблюдению исследователей, для общекарельской традиции было характерно оформление значительной части браков в православные праздники, слившиеся с зимними и летними святками и посвященные солнцестояниям, - в Рождество Христово и Иванов день (24 июня / 7 июля) [5: 296]. Последняя дата была более архаична и обнаруживалась на территории Северной Карелии, а также в Сегозерье, где в старину сватались главным образом во время летних праздников (Иванов, Петров, Ильин дни и т. д.), которые, как писал И. К. Инха, являлись по сути своей «ярмарками невест» [6: 148], [7: 12]. Единственное упоминание о летних свадьбах удалось зафиксировать в русском, а в прошлом людиковском селе Шуе, где свадьбу могли отпраздновать и в воскресенье середины июня [26: 83], что, возможно, является отголоском этих «ярмарок невест». По мнению исследователей, этот карельский обычай связан с древними культами плодородия [19: 72]. К этому следует добавить, что о древности обычая заключения браков в Иванов день или летние святки свидетельствует и тот факт, что данное время падало на Петровский пост и противоречило православной традиции играть свадьбы во время постов.

Собранные факты свидетельствуют о том, что в ряде людиковских деревень сроки сватовства и свадеб были несколько иные, чем у соседних северных русских (Заонежье, Водлозерье) и прионежских вепсов. Последние начинали играть свадьбы с Крещения, а людики обычно с Рождества [1: 83], [8: 31], [10: 215]. Таким образом, в зимнее время у людиков сватовство устраивалось раньше, чем у названных соседних народов. Устройство свадеб по окончании сельскохозяйственных работ (не в посты) от Покрова (1 / 14 октября) до Филиппова поста и от Крещения до Масленицы являлось широко распространенной русской традицией. К вступлению в брак в весенние и летние месяцы русские крестьяне относились предосудительно [4: 49], [14: 474]. В сватальном обычае людиков нашла отражение древняя традиция, характерная для карелов, на которую в некоторых деревнях наслаивалась русская.

Карта 1, на которой мы представили полученную информацию, отразила этот процесс контаминации, при этом, как можно видеть, карельское влияние на людиковские деревни распространялось с запада, а русское, соответственно, с востока, с территории, где проходила новгородская колонизация.

Карта 1. Время прихода сватов (сост. С. А. Минвалеев, Н. Л. Шибанова)

После непродолжительного ухаживания парень просил благословения у родителей отправиться на сватовство. Собиралась дума из родственников жениха, на которой обсуждалась семья девушки, разбирался весь ее род и принималось окончательное решение. Количество сватов могло доходить до 30 человек. В их состав

входили сам жених и его родственники: отец, старшие братья, иногда сестры, зять — муж сестры, дяди и тети жениха по отцу. В Святозере и Михайловском в качестве сватов часто выступали крестный и крестная. Считалось, что чем больше родственников возьмет с собой жених, чем лучше на них будут наряды и чем больше

С. А. Минвалеев

лошадей будет запряжено в сани, тем весомее, богаче и родовитее жених будет выглядеть в глазах невесты и ее родственников¹² [19: 67].

Среди прибалтийско-финских народов, как и многих других, существовали древние представления о том, что человек в переходные периоды своей жизни, к которым относилось и вступление в брак, является чрезвычайно подверженным для всякого рода сглаза и порчи, исходящей от завистников и недоброжелателей, в число которых входили как простые смертные, так и колдуны. Поэтому предпринимались различные защитные меры, одной из которых являлось включение в состав сватов «знающего» человека, обладающего тайным знанием и сверхъестественными способностями.

В отличие от севернокарельского патьвашки, совмещавшего в себе функции руководителя свадебного ритуала и колдуна, в людиковской традиции колдун, как правило, не участвовал в сватовстве, но появлялся на последующих этапах свадьбы, и его участие чаще всего носило тайный характер. Северные людики называли этого персонажа славянским термином klietnik 'клетник'. Наравне с патьвашкой наименование «клетник» обнаруживается в Сегозерье [7: 16], [19: 68] и, возможно, перешло к ним от людиков. Другие названия колдуна имели славянское и прибалтийско-финское происхождение: goldun, kolduna (Михайловское) 'колдун'; tiedoinikk (Михайловское), *tiedoinikka* (Койкары) 'знахарь' ¹³ [25: 165, 254].

Участие профессионального колдуна в качестве руководителя сватовства, который необязательно мог быть родственником жениха, удалось обнаружить только у северных людиков. В полевых записях Ю. Ю. Сурхаско встречается такое сообщение информанта из д. Койкары:

В *šuuri čuppu* (в «красный угол». — C. M.) садились колдун, крестный, отец, жених. Шафер или дружка — раньше не называли, а руководили *tiedoinikka* (колдун. — C. M.). Он требовал: мы приезжали зачем, дайте нам [невесту]... ^{14}

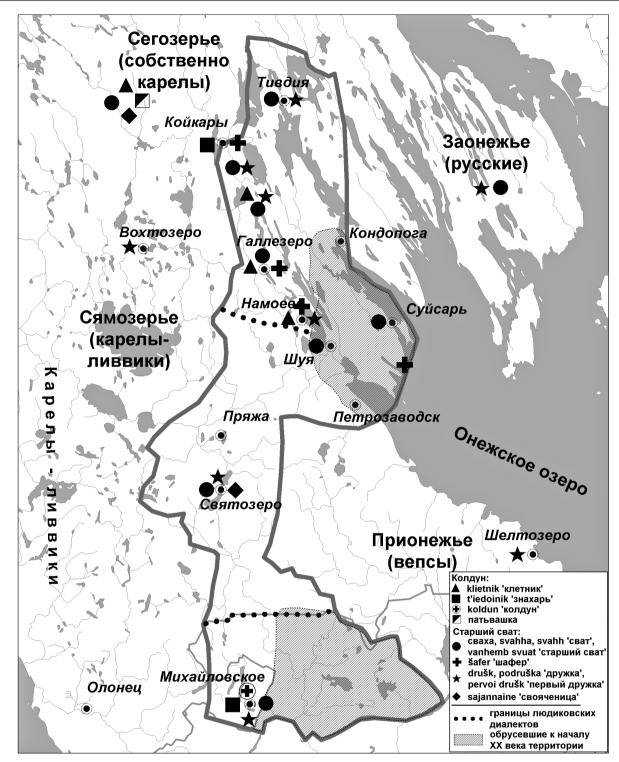
Присутствие колдуна на сватовстве можно списать на влияние соседней сегозерской свадебной обрядности, где патьвашка принимал участие в свадьбе начиная уже с этого этапа. Как правило, у людиков и ливвиков функцию руководителя сватовства брал на себя старший сват (vahnemb svuat). По материалам Атласа финской культуры, статистика состава сватов в Олонецкой Карелии была следующей: в 59 % главным сватом выступал дядя или отец жениха; в 30 % – не родственник жениха; в 6 % случаев – специально приглашенный знахарь (ср. в Беломорской Карелии 32 %) и в 5 % – родственница или крестная мать жениха [5: 295]. Как мы можем видеть из карты 2, у южных и, в особенности, у средних людиков профессиональный колдун уступил свою роль родственнику-свату. Ю. Ю. Сурхаско

выдвинул предположение, что вытеснение колдуна с переднего плана другими свадебными чинами и передача части официальных функций колдуна в ведение родственников жениха произошли относительно поздно, причем этот процесс шел от русских в направлении от периферии территории расселения карелов вглубь [19: 69–70].

Обычно в роли старшего свата выступал отец или крестный жениха¹⁵ [25: 3], [29: 98]. В Мунозере и Михайловском руководить процессом мог зять (муж сестры)¹⁶. Зять являлся важной фигурой в сватовстве и у северных вепсов, без него не ходили свататься [2: 190]. У южных людиков им мог быть женатый брат жениха¹⁷, а в Гомсельге у северных – холостой¹⁸. Как представляется, традиция брать в сваты женатого человека являлась более ранней и соответствующей логике обряда: предпринять все усилия, чтобы осуществить переход жениха из состояния холостяка в группу семейных мужчин, помощь в этом переходе мог успешно осуществить только участник, символизирующий принадлежность к этой группе.

Для старшего свата употреблялись названия, заимствованные от русских. У северных людиков это был svahha (Галлезеро, Мунозеро); svahh (Пялозеро, Тивдия) 'сват' [24: 412], [28: 44]. Такое наименование свата было распространено у многих прибалтийско-финских народов от сегозерских карелов (svuahha) до води (svahha) [7: 15], [21: 266]. На современной территории проживания людиков, как и в обрусевших селах Суйсари и Шуе, «свахой» выступал всегда мужчина [9: 133], [22: 99], хотя в Заонежье и у сегозерских карелов на эту должность могли назначить и женщину [8: 32].

Существовали и другие наименования главного распорядителя сватовства: vanhemb svuat 'старший сват' (Михайловское), pervoi drušk 'первый дружка' (Михайловское) или просто svuat 'сват' (Михайловское), drušk 'дружка' (Михайловское, Святозеро, Мунозеро, Тивдия), podruška (Михайловское). Характерным для людиковской традиции было вхождение в состав свадебного ритуала двух дружек. У северных людиков дружками выступали холостые парни, обязанные править лошадьми при поездке в церковь, держать венцы над головами жениха и невесты во время венчания и т. д.¹⁹ [19: 121–122], [25: 3]. Похожие наименования и функции двух дружек существовали у вепсов, где обязательно выделялся главный дружка, имеющий в некоторых вепсских деревнях соответствующие названия pervij drušk 'первый дружка' или vanhamb drušk 'старший дружка'. В с. Каскесручей, например, первый дружка руководил свадьбой, а второй хранил подушку жениха [2: 301]. Очевидно, что чин свата-дружки, как и его названия, были заимствованы людиками и вепсами от северных русских. В заонежской свадьбе, например, обнаруживаются несколько дружек: старший и несколько подчинявшихся ему помощников [8: 146].

Карта 2. Бытование терминов руководителей свадебной обрядности (сост. С. А. Минвалеев, Н. Л. Шибанова)

Бытование чина дружки известно в Древней Руси с XIV века. По традиционному канону назначалось 4 дружки — по 2 человека со стороны жениха и невесты. Впоследствии, как наследие Древней Руси, продолжали сохраняться местные традиции (например, Орловская, Рязанская губ.), в которых на свадьбе действовало сразу два дружки. Они известны под такими иерархиче-

скими обозначениями, как *старший дружка*, *дружко большой*, *дружка меньший*, *малый дружка*, *ка*, *младший дружка*, *поддружка* [3: 128], [15: 28, 36]. В русской традиции дружка, как правило, избирался из женатых родственников жениха и появлялся только накануне дня венчания, его не было на раннем этапе свадьбы — на сватовстве и сговоре, но в севернорусском свадебном

С. А. Минвалеев

обряде дружка, как представитель жениха, блюдет интересы жениха и его семьи начиная с предсвадебного сватовства (иногда уже на сватовстве он называется и сватом, и дружкой) [3: 137], [15: 38]. У михайловских людиков обнаруживается это севернорусское влияние — вверение дружке функции свата²⁰ [26: 178].

Следует обратить внимание и на такое название людиковского свата, как *šaffer*, *šaför* 'шафер' (Намоево, Гомсельга) [24: 373]. Западноевропейский термин *шафер*, как более модный, в новое время стал употребляться сначала на российских дворянских свадьбах, вытеснив прежний термин *дружка*. Позже новое название попало в крестьянскую среду и в одних местных традициях привело к забвению слова *дружка*, а в других – к совмещению двух терминов [15: 37]. Распространение термина *шафер* затронуло небольшое количество северных людиковских деревень (см. карту 2).

По данным Ю. Ю. Сурхаско, второй после первого свата важный чин карельской свадьбы отводился женщине-свахе, которая у людиков носила название *sajannaine* 'своячница' (букв. «свадебная женщина»). В ее функции входила помощь свату в ведении переговоров с родственниками невесты [19: 71]. Информация об этом персонаже обнаруживается у средних людиков в Лижме и Святозере [24: 374], [30: 54]. В с. Шуя, Водлозерье и Заонежье женщину – родственницу жениха, обладавшую проворным характером, могли отправить на предварительное сватовство, что наверняка являлось отголоском бытования здесь данного чина в традиционной свадьбе [8: 32], [10: 215], [22: 99].

Судя по карте 2, на людиковской территории обнаруживаются наименования почти всех руководителей сватовства, характерных для южнокарельской культуры. Особенно пестра картина на севернолюдиковской территории, где столкнулись карельское и русское влияния.

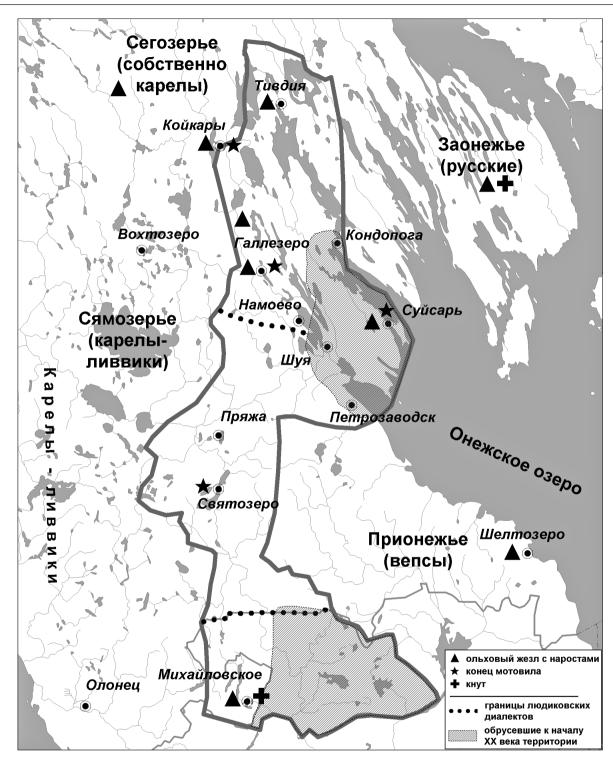
Во время сватовства главный сват или колдун пользовались магическими предметами, способствующими успеху дела. В их арсенал входили особые посохи или жезлы – соб. кар. kozičendašauva 'сватальная палка'. Эти посохи делали из ольхи, на которой были естественные наросты (у сев. и сред. людиков pakkul' ~ pakkuli 'нарост на березе' [24: 296]) (рис. 1). Русское население Кондопожского района так и называло такие посохи «палками с пакулями» и пользовалось ими главным образом в качестве тростей для стариков [17: 202]. Ю. Ю. Сурхаско пришел к выводу, что ольховые посохи с наростами представляют специфическое явление для общекарельской свадебной обрядности. В то же время палка еще в XIX веке являлась непременной принадлежностью свата или дружки у русских Тульской, Пензенской и Владимирской губерний, а также у коми и самодийских народов [17: 200-201, 207].

Рис. 1. Посохи патьвашки из средней и северо-западной Карелии (фонды НМ РК и РЭМ). Подборка Ю. Ю. Сурхаско. Взято из книги «Деревня Юккогуба и ее округа». Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001. С. 251

Широкое применение ольхового посоха с наростами было зафиксировано у северных людиков (карта 3). В севернолюдиковских деревнях (в том числе и в обрусевшей Суйсари), как и у сегозерских карелов, во время сватовства подруги невесты пытались выхватить этот посох из рук главного свата, чтобы после с помощью магических ритуалов повысить себе лемби (lemb — женская привлекательность) [9: 134], [28: 45]. В Галлезере и Гомсельге сваты пользовались палками под названием batogaine (от русск. «батог») с разветвлением на конце (batoga rogatkanke — досл. «батог с рогаткой»)²¹. Применение двухконечного посоха в качестве магического атрибута клетника было известно также и в Приладожской Карелии [23: 245].

Ольховый посох с наростами как атрибут-оберег дружки - главного распорядителя на свадьбе – был известен также у северных вепсов [2: 302]. В фондах Шелтозерского вепсского этнографического музея имени Р. П. Лонина хранится такой сватальный посох. Скорее всего, этот атрибут появился под влиянием людиков, так как на остальной вепсской территории он неизвестен. В Шелтозере была записана информация, что сват с палкой (к сожалению, в источнике нет указаний, был ли он ольховый и с наростами) при входе в дом невесты говорил: «Вот вам палка, дайте нам невесту!» Если родители соглашались на переговоры, то эту палку ломали [2: 191]. В Михайловском сохранился похожий ритуал: сват бросал свой посох со словами: «Палка ваша, невеста наша!» или «T'eil' om n'eižn'e, meil' om priha, myö tul'iim svuatuikš» – «У вас есть девица, у нас есть парень, мы пришли свататься ^{22} .

Карта 3. Магические предметы колдуна и главного свата (сост. С. А. Минвалеев, Н. Л. Шибанова)

На карте 3 отчетливо видно, что распространение жезла у людиков и по близлежащей территории шло от собственно карелов с севера на юг.

В Кондопожском районе в начале XX века не у каждого руководителя свадьбы был свой личный сватальный жезл, как у патьвашки в Северной и Средней Карелии, поэтому приходилось либо «арендовать» палку у других клетников

на время свадьбы, либо заменять их другими бытовыми предметами, сходными по форме, но имеющими собственные магические свойства в обрядности (ср. применение сватом сковородника в качестве посоха у русских [3: 150]). Одним из таких предметов было мотовило — приспособление для сматывания нити с веретена в мотки, которое представляло собой деревянный

104 С. А. Минвалеев

стержень, на одном конце которого была развилка, а на другом – перпендикулярно прибитая палка (рис. 2). Конец такого мотовила (сев. люд. hangat'š, han'd'žak) в виде развилки использовали в качестве заменителя двухконечного посоха карелы-людики Кондопожского и Пряжинского райнов в конце XIX – начале XX века²³ [17: 202], [24: 61]. В Суйсари развилкой от мотовила сват стучал в двери дома, в котором предстояло сватовство [9: 133].

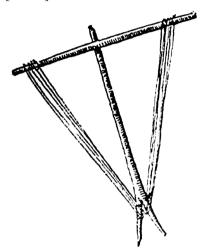

Рис. 2. Мотовило из Сапповаары. Источник: Blomstedt Y., Sucksdoff V. Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja: kuvanneet. Helsinki: Otava, 1900. T. 63

Как видно из карты 3, атрибутами главного свата у южных людиков, помимо посоха, мог быть также и кнут, которым он хлестал по дверям дома невесты²⁴ [29: 97]. Кнут использовался на свадьбе русских Заонежья [8: 148]. В приведенных источниках данным атрибутом пользовались колдуны и дружки для защиты жениха и невесты уже на этапе собственно свадьбы, а не

сватовства. Применение кнута было широко распространено у многих славянских народов (особенно у восточных славян) [3: 138], [13: 517]. Популярность кнута на русской свадьбе даже отразилась в одном из названий дружки — кнутник [15: 35]. Несомненно, этот атрибут славянского происхождения был заимствован людиками от соседнего русского населения, но большого распространения на территории карелов-людиков он не получил.

Итак, рассмотренные компоненты, связанные с людиковским сватовством, были общеприбалтийского, карельского и русского происхождения. К общеприбалтийско-финским компонентам следует отнести название сватовства (kožiť šuz) и сватов (sulhažet). К компонентам карельского происхождения относится время организации сватовства и заключения браков (Рождество Христово), участие колдуна и своячницы в сватовстве, использование различных сватальных посохов. Однако эти компоненты получили разное распространение на территории расселения людиков. Например, участие колдуна (tiedoinikka) в сватовстве было обнаружено только у северных людиков на пограничье с сегозерскими карелами и объяснялось влиянием последних, своячница (sajannaine) – у средних людиков в зоне влияния ливвиков. Состав сватов и свадебных чинов у людиков формировался под влиянием свадебных традиций соседнего русского населения [20]. Хотя русское воздействие в ареальном плане было неравномерным, что отразили карты.

Опыт картографирования отдельных компонентов сватовства и самой свадьбы карелов-людиков убедительно показал направление культурных влияний соседних народов: с запада и северо-запада оно было карельским, а с востока — русским. Людики оказали влияние на свадебную традицию прионежских вепсов.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН (проект АААА-А18-118030190092-2).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Муллонен И. И. Заявка на проект Регионального конкурса РГНФ, № 12-11-10602 «Комплексное экспедиционное обследование людиков этноязыкового ареала» (рук. И. И. Муллонен), 2011. С. 1.
- ² Зафиксированные в них обычаи сватовства можно датировать приблизительно периодом конец XIX первая треть XX века.
  ³ Написание людиковских терминов и фраз в статье приведены в том виде, в котором они представлены в используемых источниках. В случае расшифровки аудиоматериалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (№ 3804-3827, 3829-3846) автор опирался на правила современного карельского алфавита (см.: Постановление Правительства Республики Карелия от 29 мая 2014 года № 168-П «О внесении изменения в постановление Правительства Республики Карелия от 16 марта 2007 года № 37-П»).
- ⁴ В советское время по административно-территориальному делению Михайловский с/совет, в дореволюционное Михайловское общество Важинской волости Олонецкого уезда, в состав которого входило двенадцать деревень: Михайловское (гора), Пал-наволок Гижина, Кирьга (село), Ташкеницы, Устинская (Устье), Кукой-наволок, Нюхова, Яковлевская (Яхново), Новикова, Мошничье и Васильевская. Все деревни располагались близ озер Долгое и Лоянское [12: 8].
- ⁵ Фонограммархив ИЯЛИ КНЦ (далее ФА). № 3805/10; SKS. Laiho. No 6721.
- ⁶ SKS. Laiho. No 6721.
- ⁷ ΦA. № 3805/10.
- 8 Там же. № 3817/7.
- 9 НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 471. Л. 60, 63.
- ¹⁰ Лесков Н. Корельская свадьба // Живая старина. 1894. Вып. 3–4. С. 499.
- ¹¹ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 54.
- 12 Лесков Н. Корельская свадьба. С. 499
- ¹³ НА КНЦ. Оп. 29. Д. 44. Л. 10; Д. 43. Л. 13; Д. 1, Л. 41, 43; Д. 4. Л. 19, 20; SKS. Laiho. No 6721.

- 14 НА КНЦ. Оп. 50. Д. 1. Л. 41.
- 15 Там же. Оп. 29. Д. 48. Л. 28; Оп. 50. Д. 1. Л. 39, 45, 51, 59; Д. 4. Л. 18, 22; Лесков Н. Корельская свадьба. С. 499.

¹⁶ НА КНЦ. Оп. 50. Д. 1. Л. 45; Д. 4. Л. 18.

- ¹⁷ ΦA. № 3817/5.
- ¹⁸ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 55.
- 19 Там же. Оп. 29. Д. 44. Л. 6–7; Д. 43. Л. 7.
- ²⁰ SKS. Klemola. No 18418.
- ²¹ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 36.
- ²² ФА. № 3805/10.
- ²³ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1, Л. 40.
- ²⁴ Там же. Оп. 50. Д. 4. Л. 18, 19, 22; ФА. № 3805/10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. В и н о к у р о в а И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов: Учебное пособие. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 204 с.
- В и н о к у р о в а И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. 524 с.
- 3. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 936 с. 4. Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Издательство Казанского университета, 1981. 200 с.
- 5. Конкка А. Сямозерская свадьба // Конкка А. На плечах Большой Медведицы: Избранные статьи (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 289-327.
- 6. Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 295 с. 7. Конкка У. С., Конкка А. П. Духовная культура сегозерских карел конца XIX начала XX века. Л.: Наука,
- 1980. 214 c. 8. Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск:
- ПетрГУ, 2001. 328 с.
- Логинов К. К. Семейный уклад // Село Суйсарь: история, быт, культура / Отв. ред.: Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский. Петрозаводск: ПетрГУ, 1997. 295 с.
- Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Ведлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 424 с.
- 11. Новак И. П. Карельский язык и его диалекты // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования: Материалы Всероссийской науч. конф. с международным участием, посвящ. 70-летию КарНЦ РАН (24–27 мая 2016 г.). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2016. С. 402–405 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/krc-70/krc-70_13.pdf (дата обращения 27.03.2018).
- 12. Пахомов М. Людиковский охотник Дейсиян Пекко и его род // Lüüdilaine. 2013. С. 8–17.
- 13. Плотникова А. А. Кнут // Славянские древности. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 515-517.
- 14. Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 1997. 828 с.
- 15. Самоделова Е. А. Дружка и его помощник // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М.: Лабиринт, 2001. С. 28–47.
- 16. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 348 с.
- 17. С у р х а с к о Ю. Ю. Козичендашаўва жезл колдуна на карельской свадьбе // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1972. Т. 28. С. 199-207.
- 18. Сурхаско Ю. Ю. Об историко-этнической типологии карельской свадьбы // Советская этнография. 1972. № 4. С. 102–107.
- 19. Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л.: Наука, 1977. 239 с.
- 20. С у р х а с к о Ю. Ю. О русско-карельском этнокультурном взаимодействии (по материалам свадебной обрядности конца XIX – начала XX в.) // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981. С. 260–271. 21. Шлыгина Н. В. Водская свадьба (традиции и русское влияние) // Русский народный свадебный обряд: исследова-
- ния и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 260-278.
- 22. Шуя, июнь 1929: Быт севернорусской деревни / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. 154 c.
- 23. Karjalan kielen sanakirja. Osa II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1974. 591 s.
- 24. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 543 s. (LSFU IX).
- 25. Lyydiläisiä kielennäytteitä / Koonneet Heikki Ojansuu, Juho Kujola, Jalo Kalima ja Lauri Kettunen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1934. 310 s. (SUST 69).
- 26. Pahomov M. Kuujärven lyydiläistekstejä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011. 233 s. (SUST 263). 27. Pahomov M. Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki: Helsingin yliopisto & Lyydiläinen Seura, 2017. 311 s.

- Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä III. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 402 s. (SUST 131).
   Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1967. S. 96–108. (SKST 280).
   Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä VI: Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1994. 256 s. (SUST 218).

Minvaleev S. A., Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

LUDIAN MATCHMAKING: TIME, PARTICIPANTS, ATTRIBUTES IN LIGHT OF MAPPING

The article, based on a wide range of sources, is aimed at presenting the geography of some components of matchmaking (the time of the ritual, its performers and their attributes) using the mapping method in the area of the Ludian Karelians settlement. It is concluded that the components under consideration were of the Baltic Finnic, Karelian and Russian origin. The common 106 С. А. Минвалеев

Baltic Finnic components include the name of the matchmaking (kožit'šuz) procedure and the names of matchmakers (sulhažet). The components of Karelian origin include the time of the marriage proposal and marriage itself (Christmas), participation of a sorcerer and a female matchmaker (sajannaine) in the matchmaking procedure, the use of various matchmaking staffs. However, these components were unevenly represented on the territory of the Ludian settlement. The participation of a sorcerer (tiedoinikka) in the matchmaking procedure, as it was revealed, was peculiar only to the Northern Ludians bordering on the Segozer Karelians and was explained by the influence of the latter. The composition of matchmakers and wedding titles, common among Ludian people, was formed under the enormous influence of the wedding traditions of the neighboring Russian population. The Russian impact was uneven, which is reflected in the maps.

Key words: Karelians, Ludians, traditional culture, matchmaking, wedding, mapping

* The study was carried out under the state order of KarRC RAS (project № AAAA-A18-118030190092-2).

REFERENCES

- 1. Vinokurova I. Yu. Customs, rituals and holidays in the traditional Vepsian culture. Tutorial. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2011. 204 p. (In Russ.)
- 2. Vinokurova I. Yu. Mythology of the Veps: Encyclopedia. Petrozavodsk, Izdateľstvo PetrGU Publ., 2015. 524 p. (In Russ)
- 3. Gura A. V. Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism. Moscow, Indrik Publ., 2011. 936 p. (In Russ.)
- 4. Z o r i n N. V. Russian wedding in the Middle Volga region. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 1981, 200 p. (In Russ.)
- 5. Konkka A. Syamozerskaya wedding. Konkka A. Na plechakh Bol'shoy Medveditsy: Izbrannye stat'i. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2015. P. 289–327. (In Russ.)
- 6. Konkka U. S. Poetry of Sorrow. Karelian ritual laments. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 1992. 295 p. (In Russ.)
- 7. Konkka U. S., Konkka A. P. Spiritual culture of Segozer Karelians of the late XIX early XX century. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 214 p. (In Russ.)
- 8. Kuznetsova V. P., Loginov K. K. Russian weddings of Zaonezhie (late XIX early XX century). Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2001, 328 p. (In Russ.)
- 9. Loginov K. K. Family mode. Selo Suysar': istoriya, byt, kul'tura. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 1997. 295 p. (In Russ.)
- 10. Loginov K. K. The traditional life cycle of the Russian Vedlozerva: rituals, customs and conflicts, Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010. 424 p. (In Russ.)
- 11. Novak I. P. Karelian language and its dialects. Rol' nauki v reshenii problem regiona i strany: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya. Petrozavodsk, Izd-vo KarNTS RAN Publ., 2016. P. 402–405. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/krc/ doc/krc-70/krc-70_13.pdf (accessed 27.03.2018). (In Russ.)
- 12. Pakhomov M. Lyubovkovsky hunter Daisiyan Pekko and his family. Lüüdilaine. 2013. P. 8–17. (In Russ.)
- 13. Plotnikova A. A. Whip. Slavyanskiye drevnosti. Vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. P. 515-517. (In Russ.)
- 14. Russians. Moscow, Nauka Publ., 1997. 828 p. (In Russ.)
- 15. Samodelova E. A. Druzhka and his assistant. Muzhskoy sbornik, Issue 1. Moscow, Labirint Publ., 2001. P. 28–47. (In Russ.)
- 16. Comparative-onomasiological dictionary of dialects of Karelian, Vepsian, Sami languages. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2007. 348 p. (In Russ.)
- 17. Surkhasko Yu. Yu. Kozichendashauva witch's wand at the Karelian wedding. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. 1972. Vol. 28. P. 199–207. (In Russ.)
- 18. Surkhasko Yu. Yu. About the historical and ethnic typology of Karelians. Sovetskaya etnografiya. 1972. No 4. P. 102–107. (In Russ.)
- 19. Surkhasko Yu. Yu. Karelian wedding ceremony. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 239 p. (In Russ.)
  20. Surkhasko Yu. Yu. About the Russian-Karelian ethno-cultural interaction (based on the materials of the wedding ritual of the late XIX - early XX century). Russkiy Sever: problemy etnografii i fol'klora. Leningrad, Nauka Publ, 1981. P. 260-271. (In Russ.)
- 21. Shlyigina N. V. Votic wedding (traditions and Russian influence). Russkiy narodnyy svadebnyy obryad: issledovaniya i materialy. Leningrad, Nauka Publ., 1978. P. 260–278. (In Russ.)
- 22. Shuya, June 1929: The life of the Northern Russian village. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2006. 154 p. (In Russ.)
- 23. Karialan kielen sanakiria. Osa II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura. 1974. 591 s.
- 24. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 543 s. (LSFU IX).
- 25. Lyydiläisiä kielennäytteitä / Koonneet Heikki Ojansuu, Juho Kujola, Jalo Kalima ja Lauri Kettunen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1934, 310 s. (SUST 69).
- 26. Pahomov M. Kuujärven lyydiläistekstejä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011. 233 s. (SUST 263).
- 27. Pahomov M. Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki: Helsingin yliopisto & Lyydiläinen Seura, 2017. 311 s.
- 28. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä III. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 402 s. (SUST 131).
- 29. Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1967. S. 96-108. (SKST 280).
- 30. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä VI: Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1994. 256 s. (SUST 218).

№ 5 (174). С. 107–109 Рецензии 2018

УДК 94(470.22)«19»

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.183

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БОЧКОВ

доктор исторических наук, профессор, член совета Межрегиональной общественной организации «Академия военно-исторических наук», член Общества изучения истории отечественных спецслужб (Санкт-Петербург, Российская Федерация) be57@yandex.ru

Рец. на кн.: Веригин С. Г. Противостояние. Борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944). – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. – 280 с.

В начале 2018 года в издательстве Петрозаводского государственного университета вышла монография доктора исторических наук, профессора Сергея Геннадьевича Веригина «Противостояние. Борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944)». Книга посвящена актуальной и слабо изученной проблеме - противоборству советской и финской спецслужб в 1930-1940-е годы. Актуальность данной темы определяется не только потребностью изучения событий прошлого, но и теми политическими, социальными и военными процессами, которые происходят в современном мире. В XXI столетии Россия стала объектом активной враждебной политики ряда западных государств. Разведывательная и иная подрывная деятельность иностранных спецслужб и организаций против РФ официально признана руководством нашего государства как одна из основных угроз национальной безопасности¹.

За годы существования РФ как суверенного государства наметилась устойчивая тенденция к расширению разведывательных устремлений западных держав по отношению к нашей стране. О том, что это не пустые слова, свидетельствуют конкретные факты. По оценке экспертов, за период с 2000 по 2018 год органами ФСБ России обезврежено не менее 3 тыс. кадровых сотрудников и агентов спецслужб иностранных государств (подробнее см. таблицу). При этом 2017 год стал рекордным для органов безопасности. 5 марта 2018 года президент РФ В. В. Путин в ходе своего выступления на расширенном заседании коллегии ФСБ России сообщил о пресечении в течение 2017 года на территории страны деятельности 72 кадровых разведчиков и 397 агентов иностранных спецслужб². Таким образом, за полтора десятилетия XXI века активность иностранных спецслужб на территории

Пресечение деятельности кадровых разведчиков и агентов органами Φ СБ России в $2\,00\,0-2\,017$ годах ^{3}

Г	П	ресечена деятельность, че	ел.	Изменения
Годы	кадровых разведчиков	агентов	всего	по сравнению с 2000 годом, %
2000	11	30	41	100
2001	21	45	66	161,0
2002		сведения в открытой по	ечати не публиковались	
2003	37	14	51	124,4
2004		сведения в открытой по	ечати не публиковались	
2005		сведения в открытой по	ечати не публиковались	
2006	89	27	116	282,9
2007	22	71	93	226,8
2008	48	101	149	363,4
2009		сведения в открытой по	ечати не публиковались	
2010		сведения в открытой по	ечати не публиковались	
2011	41	158	199	485,4
2012	34	181	215	524,4
2013	46	258	304	741,5
2014	52	290	342	834,2
2015	сведений нет	сведений нет	более 400	более 975,6
2016	53	386	439	1070,7
2017	72	397	469	1143,9
Всего	5264	19585	более 28846	_

108 Е. А. Бочков

нашей страны повысилась (если судить только по количеству обезвреженных российскими органами безопасности разведчиков и агентов) более чем в семьдесят раз!

На этом фоне определенное беспокойство вызывают попытки США и их союзников втянуть Финляндию в антироссийскую кампанию, а в конечном счете – и в НАТО. Это опасная затея как для России (с точки зрения усиления военной опасности на северо-западных рубежах страны), так и для Финляндии (с точки зрения втягивания ее в военные авантюры западных держав). В 1930–1940-е годы Финляндия уже пережила нечто подобное, когда оказалась в фарватере агрессивной политики нацистской Германии. В современных условиях финнам не стоит разменивать добрососедские отношения с Россией на эфемерную европейскую и тем более трансатлантическую «солидарность».

В контексте вышесказанного рецензируемая книга С. Г. Веригина представляет значительный интерес для научной общественности, позволяет не только воссоздать события прошлого, но и извлечь уроки для развития взаимовыгодных отношений между Российской Федерацией и Финляндией.

Монография является логическим продолжением научного труда «Финская разведка против советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1917–1939 гг.)» (Петрозаводск: Verso, 2013. 295 с.), подготовленного Сергеем Геннадьевичем совместно с известным специалистом по истории спецслужб Эйнаром Петровичем Лайдиненом. Первое издание увидело свет в 2004 году. В 2013 году в Петрозаводске вышло второе (исправленное и дополненное) издание. В книге освещалась деятельность спецслужб Финляндии - военной разведки и сыскной полиции – в период с 1917 года (с момента создания) до 1939 года (до начала Советско-финляндской войны⁷). Уже через несколько месяцев книга стала библиографической редкостью.

Вполне логично было предположить, что авторы в своих исследованиях не ограничатся 1939 годом и продолжат исследование этой темы. С. Г. Веригин в предисловии к книге «Противостояние» пишет:

У нас с Эйнаром Петровичем Лайдиненом были планы хронологически продолжить исследование данной проблемы и написать новую книгу о противоборстве советских и финских спецслужб уже в период Второй мировой войны, включая Советско-финляндскую (Зимнюю) войну 1939—1940 гг., короткий межвоенный период и войну между СССР и Финляндией 1941—1944 гг., которая стала для нашей страны Великой Отечественной войной (в Финляндии военные действия между СССР и Финляндией 1941—1944 гг. называют войной-продолжением)8.

К сожалению, в 2000-е годы петрозаводским историкам не удалось реализовать эти замыслы по объективным причинам. Однако научное

сотрудничество Сергея Геннадьевича и Эйнара Петровича продолжалось. Ими было издано совместно несколько статей по истории отечественных органов безопасности и финских спецслужб. Э. П. Лайдинен в 2004–2011 годах самостоятельно и в соавторстве написал шесть монографий (из которых три были переведены на финский язык и изданы в Финляндии), подготовил более пятидесяти научных работ (разделов в энциклопедиях, статей, тезисов докладов, рецензий и др.). С. Г. Веригин в этот период опубликовал несколько работ, посвященных зафронтовой работе органов НКГБ – НКВД Карело-Финской АССР в тылу финских войск в 1941–1944 годах. В 2012 году Сергей Геннадьевич успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы (1939–1945 гг.)».

Научное сотрудничество С. Г. Веригина и Э. П. Лайдинена продолжалось до самой кончины Эйнара Петровича. Совместная работа этих двух выдающихся ученых заложила прочную основу для дальнейших исследований истории противоборства советских и финских спецслужб в 1930—1940-е годы. После смерти Э. П. Лайдинена в 2011 году его коллега посчитал своим научным и моральным долгом продолжить работу над этой проблемой и издать задуманную книгу. Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что Сергей Геннадьевич выполнил свои обязательства.

Книга написана на большом фактическом материале, извлеченном из федеральных и ведомственных архивов РФ: Архива Президента РФ (АП РФ), Архива внешней политики РФ (АВП РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центрального архива ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ), Национального архива РК (НА РК), Архива Информационного центра Министерства внутренних дел по РК, Архива Управления ФСБ по РК, Архива Управления ФСБ по Архангельской области, Архива Управления ФСБ по Мурманской области, Архива Управления ФСБ по Омской области.

Значительная часть документов, использованная С. Г. Веригиным, до недавнего времени имела гриф «секретно» и была недоступна историкам. Введение автором новых документов в научный оборот позволило более объективно представить картину противостояния советских и финских спецслужб, преодолеть схематичность и упрощенчество в освещении событий Советско-финляндской (1939–1940) и Великой Отечественной (1941–1945) войн, воздать должное и героям, и предателям.

Структурно книга состоит из четырех глав. В первой главе «НКВД Карелии в Советско-

Рецензии 109

финляндской войне (1939–1940)» анализируется деятельность органов безопасности СССР накануне и в ходе войны. Один из параграфов посвящен участию пограничных войск в боевых действиях на Северо-Западе. Вторая глава «Противоборство советских и финских спецслужб в межвоенный период (март 1940 г. – июнь 1941 г.)» освещает мероприятия Советского Союза по обеспечению безопасности новой советско-финляндской границы в марте 1940 – июне 1941 года. Особый интерес представляет параграф, где автор раскрывает деятельность финской агентурной разведки на территории СССР, а также анализирует эффективность контрразведывательных мероприятий, проводившихся органами НКГБ СССР – НКВД СССР на территории Карелии, Ленинградской и Мурманской областей. В третьей главе «Тайная война на Карельском фронте (1941–1944 гг.)» рассматривается широкий круг вопросов, связанных с деятельностью финских разведывательных и диверсионных органов. Значительное место здесь отведено исследованию создания и функционирования финских разведшкол, проведению разведывательно-диверсионных операций в тылу советских войск подразделениями 4-го отдельного разведывательного батальона финской армии. Не обощел автор и болезненный для финских исследователей вопрос – сотрудничество финских разведорганов со спецслужбами нацистской Германии. Четвертая глава «Борьба советской контрразведки с финской разведкой (1941–1944 гг.)» затрагивает не только вопросы контрразведывательной, но и зафронтовой работы органов НКГБ – НКВД в период боевых действий на Северо-Западе страны. Завершается глава рассказом о работе советских органов безопасности по выявлению, задержанию и преданию суду военного трибунала кадровых сотрудников финских спецслужб и их агентуры.

Высоко оценивая в научном и литературном отношении книгу С. Г. Веригина, хотелось бы высказать автору ряд замечаний и пожеланий. В своем исследовании он вышел за рамки освещения контрразведывательной работы советских органов безопасности в 1930–1940-е годы. Большой объем материала посвящен освещению разведывательных и диверсионных мероприятий, проводившихся органами НКГБ СССР - НКВД СССР в тылу финской армии. Поэтому было бы

целесообразно название книги дать в следующей редакции – «Противостояние. Борьба советских органов безопасности против финских спецслужб (1939–1944)», что больше бы соответствовало содержанию.

Ряд замечаний связан с терминологией. В книге автор неоднократно использует термин «Зимняя война», получивший распространение в финской историографии. Признавая за финскими историками право на свою трактовку событий прошлого, следует заметить, что любое понятие (термин) должно точно отражать сущность явления или процесса. Военный конфликт между Советским Союзом и Финляндией хотя и проходил в условиях зимнего времени, но сущностным его признаком является не время года, а боевые действия между Красной армией и Силами обороны Финляндии. Поэтому целесообразно при освещении событий 1939-1940 годов использовать понятие «Советско-финляндская война», получившее признание в отечественной историографии.

Высказанные замечания носят рекомендательный характер и не снижают высокой оценки научного труда С. Г. Веригина. На наш взгляд, было бы целесообразно в дальнейшем объединить в одной книге обе монографии, о которых шла речь выше. Новое издание найдет своего читателя и в России, и в Финляндии.

Основной вывод, который можно сделать, прочитав книгу, состоит в том, что в период с 1939 по 1944 год на северо-западных рубежах нашей страны шла бескомпромиссная борьба советских и финских спецслужб. Она носила тайный характер, но в нее оказались вовлечены сотни тысяч человек. Кто победил в этом противостоянии? Победили органы безопасности Советского Союза, обладавшие большими ресурсами и большим опытом.

После окончания Второй мировой войны (1939–1945) между Советским Союзом и Финляндией были установлены добрососедские отношения. Два соседних государства пришли к этому через противостояние в двух кровопролитных войнах. По нашему мнению, книга С. Г. Веригина призвана не только расширить исторические знания читателей, но и помочь российскому и финскому обществу извлечь уроки для предотвращения в будущем подобных трагедий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/71296054/paragraph/4:0 (дата обращения 10.05.2018).
 Пресечение деятельности сотрудников иностранных разведок в РФ с 2000 года [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://tass.ru/info/5009546 (дата обращения 15.06.2018) ³ Таблица составлена автором на основе открытых источников. См.: Пресечение деятельности сотрудников иностранных разведок в РФ с 2000 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tass.ru/info/5009546 (дата обращения 15.06.2018). Без учета данных за 2002, 2004, 2005, 2009, 2010 и 2015 годы.

5 Пресечение деятельности сотрудников иностранных разведок в РФ с 2000 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tass.ru/info/5009546 (дата обращения 15.06.2018).

6 Таблица составлена автором на основе открытых источников. См.: Пресечение деятельности сотрудников иностранных разведок в РФ с 2000 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tass.ru/info/5009546 (дата обращения 15.06.2018). 7 В финляндской историографии военные действия между СССР и Финляндией с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года называются Зимней войной. Веригин С. Г. Противостояние. Борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944). Петрозаводск:

Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 5-6.

№ 5 (174). С. 110-111 Рецензии 2018

УДК 94(470.22)"19"

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.184

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) syrsa@yandex.ru

Рец. на кн.: Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914—1918. — СПб. : Нестор-История, 2017. — 432 с.

Монография Николая Александровича Кораблева и Елены Юрьевны Дубровской рассказывает о воздействии Первой мировой войны на жизнь Карельского края - нескольких уездов Олонецкой и Архангельской губерний, где проживало более 200 тыс. человек и 37 % населения составляли карелы. Казалось бы, чем может быть интересно для науки это небольшое историческое пространство в эпоху, когда рушились империи и менялись судьбы мира? Однако историки все активнее исследуют российскую глубинку – хозяйственную деятельность, разные формы общественной активности, в том числе национализм и национальные движения, поскольку тыл в немалой степени определил исход этой войны. Многонациональное пограничье Севера России находилось в поле схватки ведущих держав за природные ресурсы и территории, отражало европейскую политику, а интервенция усилила ожесточение Гражданской войны на Севере.

Историографическая база исследования обширна, причем все важные вопросы рассматриваются с учетом материалов, точек зрения других специалистов, за любой отсылкой стоит основательное знание работ коллег. Источниковую основу составили материалы 6 архивов России и Финляндии. Во введении успешно проведен критический анализ делопроизводственных документов Национального архива РК. Там же хотелось бы видеть характеристику воспоминаний из Научного архива КарНЦ. Перенесение источниковедческого разбора в главы, на наш взгляд, не оправдано и затрудняет чтение. В книгу включено много фотографий, в том числе из архивов и частных коллекций. Их археографическое оформление соответствует требованиям.

В первой главе монографии показано прежде всего патриотическое воодушевление северян, воспринявших начавшуюся войну как вторую Отечественную. В 1914—1917 годах из Карелии в ряды вооруженных сил России было призвано более 28 тыс. человек — половина всех мужчин трудоспособного возраста.

В книге рассмотрены фронтовые судьбы солдат и офицеров, показавших образцы мужества, героизма, жертвенности. В приложениях (составлены при участии Т. А. Мошиной) приведены сведения о воинах Олонецкой губернии – георгиевских кавалерах, награжденных георгиевскими медалями. Полными георгиевскими кавалерами стали карел Иван Герасимович Романов и русский Сергей Степанович Халаимов.

Для двух следующих глав характерна разновекторность: во второй главе показано, как война заложила основу модернизации экономики края, а в третьей акцентированы спад производства в гражданских отраслях и продовольственный кризис.

В условиях блокады противником Балтийского и Черного морей связь России с союзниками осуществлялась через незамерзающее Мурманское побережье, поэтому власти взялись за развитие транспортной системы Карелии. Центральным сюжетом второй главы стало строительство ценой неимоверных усилий Мурманской железной дороги. Кроме того, проанализировано создание в Карелии портов-дублеров Архангельска и показано, что в военное время Кемский порт стал важным центром судоходства на западном побережье Белого моря. В Сороке удалось сделать меньше, но и этот порт сыграл свою роль в доставке грузов для рельсового пути. Достаточно полно представлено в книге начавшееся строительство близ с. Кондопоги Онежского завода по производству азотной кислоты и ГЭС. Ценно комплексное рассмотрение авторами каждого экономического проекта: описаны научные разработки ученых, организационные усилия управленцев, технические новшества инженеров, обеспеченность рабочей силой и материалами и др.

Авторы указывают, что экономический потенциал, заложенный в чрезвычайных условиях войны, будет развит в годы советской индустриализации, когда переоборудуют Онежский (Александровский) завод, создадут крупный промышленный узел в Кондопоге, Кемь

Рецензии 111

и Беломорск станут важными лесоэкспортными портами, пройдет техническая реконструкция Кировской (Мурманской) железной дороги. В сталинское время будут задействованы апробированные в годы Первой мировой войны методы обеспечения рабочей силой северных строек. Тогда приглашали рабочих из-за границы: в 1914—1916 годах на строительство МЖД завербовали в Манчжурии 8,5 тыс. китайцев. Широко использовали принудительный труд. Осенью 1916 года на Мурманской трассе работало более 26 тыс., в Кондопоге — до 2 тыс. военнопленных.

Материал третьей главы убеждает, что важнейшей ошибкой власти явилась недооценка роли тыла в военное время. В гражданских отраслях экономики нарастали трудности: снизились объемы производства в лесопилении, сократились посевные площади. Особую остроту приобрел продовольственный кризис. При этом авторы отмечают, что протестных акций в Карелии было немного, выдвигались только экономические требования, политическая ситуация была стабильнее, чем в центре страны. Революцию встретили с надеждой на скорое прекращение войны.

В четвертой главе охарактеризованы революционные события в Карелии. В ней материал излагается скорее хронологически, нежели проблемно. Тем не менее четко высвечивается возросшая общественная активность граждан. Временное правительство рассчитывало в первую очередь на земства: они имели рабочий аппарат, пользовались авторитетом у населения. Граждане проявили активность в создании общественных исполнительных комитетов, из которых самым влиятельным был КОБ. Параллельно стали возникать многопартийные Советы, профессиональные союзы. При храмах Петрозаводска были созданы первые самостоятельные приходские общины. Оживилось карельское национальное движение, был обнародован проект Конституции автономной Карелии. Активно прошли в крае избирательные кампании в органы власти разного уровня. Первые месяцы после свержения Временного правительства авторы книги вообще называют уникальными: Губернский совет взял власть, но почти не выполнял декреты Совнаркома, при этом губернский комиссар павшего правительства являлся членом Губсовета и продолжал работу в полном согласии с Советом, пока 5 января не было переизбрано руководство губисполкома.

Политическая ситуация в Карелии ужесточается весной — осенью 1918 года в условиях массового голода и чрезвычайной политики борьбы за хлеб, деятельности комбедов: упразднены земства и городские думы, из советов вытесня-

ются умеренные социалисты, власть смещается к военным и чрезвычайным органам. Авторы отмечают: в то время, когда звучали последние залпы Первой мировой войны, разгорался пожар войны Гражданской.

В пятой главе удачно структурирован материал о сложнейшем заключительном периоде войны. Антанта восприняла Брестский мир как фактический союз большевиков с Германией, заявила об опасности захвата немцами стратегических грузов в районе Мурманска и Архангельска и стала наращивать свое военное присутствие на Севере. Летом 1918 года часть Беломорской Карелии была оккупирована интервентами. Руководство Финляндии полагало, что подлинную независимость будет гарантировать присоединение восточной Карелии. Призывая к освобождению карелов от большевизма, финские добровольцы закрепились в Ухте и Вокнаволоке. Великобритания рассматривала Финляндию как союзника Германии и готова была оказать противодействие финской аннексии. Однако главный выбор должны были сделать карельские крестьяне, уставшие от войны и социальных потрясений. В 1918 году будущее Карелии они видели по-разному. Были сторонники как государственной независимости, так и автономии Карелии в составе России или Финляндии.

Большое внимание в пятой главе уделено национальным формированиям, созданным в 1918 году для отпора интервентам. Финским легионом командовал ухтинец Ииво Ахава, имевший боевой опыт Первой мировой, доброволец, дважды награжденный Георгиевским крестом. Карельским отрядом руководил бывший фронтовик Григорий Лежеев, уроженец с. Кивиярви Вокнаволоцкой волости. Военное обучение отряда вели английские офицеры. В сентябре 1918 года Карельский отряд вытеснил финнов за границу. Вскоре после решения этой задачи обострились противоречия Карельского отряда с англичанами, те даже решили его расформировать. Жаль, что ценный материал последних глав недостаточно обобщен в заключении.

В книге удалось соблюсти единство исследовательских подходов, при этом сохранен творческий почерк каждого автора: основательность, красота логических конструкций, вкус к работе со статистикой Николая Александровича Кораблева, антропологический ракурс видения общественной жизни и военной повседневности Елены Юрьевны Дубровской. Книга отвечает высоким научным требованиям, при этом способна выйти за стены академии и университета, заинтересовать широкий круг увлеченных историей читателей.

№ 5 (174). С. 112–113 Рецензии 2018

УДК 903.653(470.22)

DOI: 10.15393/uchz.art.2018.185

МАРИНА ИГОРЕВНА ПЕТРОВА

директор МБУК «Куркиёкский краеведческий центр», аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) kirjazh@mail.ru

Рец. на кн.: Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 280 с.

Представляемая монография является результатом многолетних научных полевых и камеральных исследований Светланы Ивановны Кочкуркиной, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Карелии и России, заведующего сектором археологии и Археологическим музеем Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук. На протяжении 50 полевых сезонов автор монографии изучала многообразие историко-культурного наследия народов Карелии не только в административных границах республики, но и за ее пределами. В книге дается описание памятников и таких историко-культурных территорий, как городища Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья, курганы Юго-Восточного Приладожья, Олонецкая крепость, Машеозерский, Клемецкий, Брусненский монастыри, а также территории проектируемых национальных парков «Калевальский», «Койтайоки», «Лапукка».

Знакомство с содержанием глав, приложениями и богатым иллюстративным материалом заставляет задуматься о словах автора, приведенных в аннотации, оценивающего новое издание как свое итоговое исследование в области археологии, культуры и истории народов Карелии эпохи Средневековья.

Во введении рассматриваются некоторые спорные аспекты теории и практики формирования этнокультурной карты на Северо-Западе России в эпоху Средневековья. В первой главе «Северо-Западное Приладожье – Корельская земля - территория летописной корелы» содержится богатый материал по археологии, истории и этнографии этого народа. Вторая глава «Юго-Восточное Приладожье, Онежско-Ладожский водораздел – ареал курганной культуры» посвящена обзору народов, культуры которых можно проследить по археологическим памятникам, представленным курганами рубежа I–II тыс. н. э. В основном это были прибалтийско-финские народы (предки вепсов, карелов-ливвиков, карелов-людиков), славяне и в значительно меньшей степени скандинавы. Третья глава «Памятники бассейна Онежского озера и Белого моря» позволяет познакомиться с культурой древних поселенцев рубежа I–II тыс. н. э., объединенных охотничье-рыболовецким хозяйственным укладом, исключающим занятие земледелием. В заключении автор формулирует некоторые выводы в области этнокультурной истории народов средневековой Карелии. Обширный библиографический перечень позволяет дополнить представление о многоплановости привлекаемых источников для сравнительного анализа гипотез и теорий как отечественных, так и зарубежных авторов.

В 1987 году в издательстве «Карелия» вышла небольшая, но информативная книга С. И. Кочкуркиной «Древние карелы». Примечательно, что тираж этого издания (10 000 экземпляров) благодаря популярному стилю изложения очень быстро разошелся. В этом же году на Валааме совершенно случайно состоялась моя первая встреча с автором, который проводил здесь археологическое обследование. Мне удалось сразу же получить автограф, потому что именно в этот момент в моих руках оказалась та самая книга «Древние карелы». Добавлю, что сейчас в моей библиотеке хранится 10 монографий, подаренных автором, среди которых и последнее издание. Мне посчастливилось участвовать в археологических экспедициях под руководством С. И. Кочкуркиной не один полевой сезон. Сотрудники и добровольные помощники МБУК «Куркиёкский краеведческий центр» помогали в проведении экспедиций при изучении городищ Соскуа-Линнамяки, Хяменлахти-Линнамяки, Терву-Линнасаари, Ранталиннамяки, Яамяки, Корписаари-Линнамяки, а также археологическом обследовании деревень Лахденпохского района Республики Карелия: Вятиккя, Каннансаари, Кильпола, Корписаари, Кууппала, Куркиёки, Левонпелто, Лапинлахти, Мустола, Отсанлахти, Пелтола, Похьи, Рахола, Риеккала, Терву, Тиурула, Хямеенлахти. Опыт совместной работы позволяет оценить полноту и важность представленных материалов в главе «Северо-Западное Приладожье – Корельская земля – территория

Рецензии 113

летописной корелы», а также ценность многочисленных иллюстраций, информативность сводных данных в «Приложения 4. Каталог памятников Карелии эпохи Средневековья».

Монография сопровождается и другими значимыми для раскрытия темы приложениями, в которые включены статьи Н. Е. Ениосовой «Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера», В. И. Завьялова «Археометаллографическое исследование железных ножей из памятников бассейна Онежского озера», «Каталог погребальных памятников и случайных находок Карельского перешейка, исследованных финляндскими археологами», а также свод источников «Древнерусские летописи и документы», «Новгородские берестяные грамоты», «Западноевропейские письменные источники о древних карелах».

Презентация монографии с успехом прошла 23 января 2018 года в Великом Новгороде на XXXII научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология». Материалы, изложенные в монографии, настолько многогранны, что представляют интерес для многих специалистов, включая не только археологов и историков, но и географов, лингвистов, топонимистов, этнографов, этнологов, культурологов, музееведов. Логически выстро-

енная, ясная линия аргументации, четкость, доступность изложения материалов, богатство иллюстраций и приложений — все это окажет неоценимую помощь при изучении истории средневековой Карелии студентами, учителями, школьниками и краеведами. Книга также будет полезна и широкому кругу любителей истории, сотрудникам краеведческих музеев, этнокультурных центров и сообществам реконструкции древностей.

В конце книги представлен обширный перечень основных трудов автора за период с 1967 по 2016 год, включающий 154 публикации. Этот ценный свод дает возможность глубже познакомиться с проблематикой научных интересов автора. Научные труды исследователя получили заслуженную оценку со стороны государства. С. И. Кочкуркина была награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», дипломом и премией «Сампо» Главы Республики Карелия. В завершение своей монографии автор выражает надежду, что «следующие поколения археологов найдут новые памятники, разработают перспективные методы их исследования и напишут новые книги». В свою очередь мне бы хотелось надеяться на выход новых трудов С. И. Кочкуркиной, талантливого исследователя, посвятившего всю свою жизнь изучению археологии народов Карелии.

Поступила в редакцию 04.05.2018

№ 5 (174). С. 114 Память 2018

ГАЛИНА ТОЙВОВНА ТЮНЬ

(07.08.1948 - 21.07.2017)

Востоковед, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского университета

Галина Тойвовна Тюнь родилась в г. Тавде Свердловской области в семье служащих. Среднюю школу окончила в 1965 году в г. Петрозаводске, после чего поступила в Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова на Восточный факультет, отделение истории Индонезии. В 1970-1971 годах стажировалась в Малайзии в университете г. Куала-Лумпур. Два года работала в г. Москве в издательстве «Восточная литература», занималась переводами с малайского языка. Галина Тойвовна в 1974 года была принята на работу преподавателем истории стран Азии и Африки на кафедру всеобщей истории историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета. В 1980-1983 годах училась в аспирантуре Восточного факультета Ленинградского государственного университета, под руководством Л. А. Березного защитила в 1983 году кандидатскую диссертацию по теме «Китайское меньшинство в общественном развитии колониальной Индонезии в 1870–1914 годах». В 1980–1990-х годах Галина Тойвовна читала курсы лекций по истории стран Дальнего Востока в университетах Финляндии и США.

Мы с Галиной Тойвовной познакомились в 1998 году, она была моим научным руководителем, помогала в подготовке докладов для участия в научных конференциях, написании курсовых работ по истории Китая. Благодаря ее увлекательным лекциям и консультациям история и культура Китая вызвали у меня на-

учный интерес, результатом которого стала защита кандидатской диссертации «Общественная мысль и политическая борьба в Китае на рубеже XIX–XX веков в отечественной историографии XX века».

В 2004 году Г. Т. Тюнь переехала в Санкт-Петербург, где преподавала историю Индонезии на кафедре истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Научные интересы Галины Тойвовны были связаны с историей Малайско-Индонезийского региона. По этим проблемам были изданы статьи, среди которых: «Труды академика Н. А. Симонии: от проблем формирования нации в Индонезии – к теоретическим проблемам всеобщей истории» (Санкт-Петербург, 2010); «Реформирование мусульманского высшего образования Малайзии и проблемы безопасности» (Санкт-Петербург, 2013); «Идея глобализации Махатхира Мохамада и мусульманская банковская сеть в Малайзии» (Петрозаводск, 2016).

Галина Тойвовна Тюнь была высокообразованным, трудолюбивым, искренним, доброжелательным и отзывчивым человеком, давала полезные и жизненно важные советы в любой ситуации. Ее кончина — это огромная потеря для востоковедения и для всех нас, кто ее знал и любил.

Н.В.Смирнова, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ПетрГУ

ХРОНИКА

■ 21 февраля 2018 года в ПетрГУ состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 100-летию создания Красной (Советской) Армии «НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ...»

В конференции приняли участие: полковник, военный комиссар РК А. А. Артемьев; полковник, председатель КРОО «Российский союз ветеранов» (Петрозаводск) А. М. Цыба; председатель Совета ветеранов 6-й армии (Петрозаводск) В. В. Сигачев; подполковник, заместитель командира 34 РТП (Петрозаводск) К. А. Расторгуев;

генерал-майор, инспектор Западного военного округа (Петрозаводск) С. Е. Борисов; доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН (Москва) Е. С. Сенявская; кандидат философских наук, доцент кафедры истории Московского педагогического университета В. А. Литвиненко; ученые из ПетрГУ.

■ 14–15 мая 2018 года в ПетрГУ состоялась VII научная конференция «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности», посвященная 100-летию со дня образования органов безопасности Республики Карелия

Организаторами мероприятия выступили УФСБ России по Республике Карелия, Институт истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Национальный архив Республики Карелия. Участниками конференции стали преподаватели и научные сотрудники вузов, включая ученых из научных и научно-исследовательских заведений ФСБ, МВД, МО РФ, архивные и музейные работники, изучающие проблемы истории отечественных спецслужб. Среди них 13 докторов исторических наук, профессоров и 12 кандидатов наук, доцентов. На секционных заседаниях присутствовали студенты Института истории, политических и социальных наук

ПетрГУ. В конференции приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Владивостока, Петрозаводска и Финляндии. Значение научного мероприятия высоко оценил Карл Фредрик Геуст, консультант Военно-исторического общества Швеции: «10–15 лет назад я перевел на финский язык статью о финской разведшколе, которая действовала во время оккупации Петрозаводска. Тогда мало кто знал о существовании такой школы, потому что все документы были уничтожены. После публикации статьи интерес к этой теме возрос. Ученые-историки стали исследовать ее. Уверен, что такая конференция поможет нам всем углубить знания в этой области».

■ 7-8 июня 2018 года в ПетрГУ состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию образования карельской государственности «КАРЕЛИЯ – ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН РОССИИ В XX-XXI вв.»

Конференция организована кафедрой отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ в рамках проекта «Карелия — приграничный регион России в XX—XXI вв.», реализуемого в преддверии 100-летия образования карельской государственности, которое будет отмечаться в 2020 году. Данная конференция первая из запланированных мероприятий, в 2019 году пройдет научный форум «Карелия в годы Второй мировой войны», а в 2020 году — «Каре-

лия во второй половине XX — начале XXI в.». В конференции приняли участие историки, юристы, экономисты, культурологи, этнологи, представители других социально-гуманитарных направлений Петрозаводска, Москвы, Санкт-Петербурга, Германии и Финляндии. Наряду с известными учеными, докторами наук, профессорами свой взгляд на эту тему представляют молодые специалисты — аспиранты вузов и научных центров Петрозаводска и Санкт-Петербурга.

■ 1–2 июня 2018 года в Санкт-Петербурге состоялся XI Международный Петровский конгресс «ПЕТР I И ВОСТОК»

С 2009 года в Санкт-Петербурге ежегодно проходят международные Петровские конгрессы. Их организаторами и партнерами являются Министерство культуры РФ, Комитет по культуре С.-Петербурга, Государственный Эрмитаж, Государственный музей-заповедник «Петергоф», Институт антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственная академическая капелла С.-Петербурга, С.-Петербургский институт истории РАН, Институт культурных программ, Институт Петра Великого, Фонд им. Д. С. Лихачева и другие учреждения и организации.

В этом году конгресс проходил по теме «Петр I и Восток». В нем принимали участие историки, филологи, искусствоведы, культурологи, сотрудники музеев, архивов и библиотек из С.-Петербурга, Москвы, Парижа, Вены, Копенгагена, Бремена, Лувена (Бельгия), Милана, Астрахани, Архангельска, Воронежа, Казани, Липецка, Махачкалы, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Саратова, Тольятти и Ярославля.

Конгресс традиционно начался пленарным заседанием в Эрмитажном театре Государственного Эрмитажа. В этом году там прозвучали доклады профессора НИУ Высшая школа экономики, ведущего научного сотрудника С.-Петербургского института истории РАН, научного руководителя Института Петра Великого Е. В. Анисимова «Петр Великий и основы его восточной политики», сотрудницы Центра Мориса Альбвакса Высшей школы социальных исследований (Париж) И. Д. Гузевич «Петр I и Восток, или Восточный контекст российской европеизации», заведующего сектором Юга Евразии отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа Е. Ф. Корольковой «Золото Сибири: коллекция Петра I и геополитические интересы России», лектора Общества друзей музея истории искусств в Вене М. Пфаффенбихлера «Европа и Восток: восточные раритеты в Кунсткамере Дома Габсбургов», профессора Липецкого филиала РГАНХиГС при Президенте РФ Н. Н. Петрухинцева «Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур в России», директора Музея Восточной Зеландии (Дания) О. Мадсена «Археологические раскопки на острове Беринга в 1991 году» и старшего научного сотрудника С.-Петербургского института истории РАН Н. Л. Корсаковой «Восточная политика Петра I в памятниках».

Затем работа Конгресса продолжилась на секциях «Внешняя политика. Дипломатия. Торговля», «Сибирь и Дальний Восток», «Музейные и библиотечные коллекции» и «Персидский поход». Для волонтеров Эрмитажа была устроена молодежная секция «Мечты об Индии». Всего было заслушано 60 секционных докладов. На секционных заседаниях выступили известные историки и архивисты Д. Ю. Гузевич (Париж),

И. Шварц (Вена), П. А. Аваков (Ростов-на-Дону), А. Н. Акиньшин (Воронеж), В. А. Артамонов (Москва), Н. Ю. Болотина (Москва), Н. П. Копанева (С.-Петербург), И. В. Курукин (Москва), П. В. Лизунов (Архангельск), Т. П. Мазур (С.-Петербург), С. А. Мезин (Саратов), Д. И. Раскин (С.-Петербург), П. Е. Сорокин (С.-Петербург), М. В. Шкаровский (С.-Петербург) и др.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги Конгресса и состоялось представление новых книг, посвященных Петровской эпохе:

Европейские маршруты Петра Великого (1701–1717): К 300-летию визита Петра I во Францию: Материалы IX Международного Петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2018. 464 с.

Россия и Франция: культурный диалог в панораме веков: Материалы X Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2018. 584 с.

Петр I / Сост., вступ. ст. и примеч. Я. А. Гордина. СПб.: Изд-во «Пушкинский фонд», 2018. 704 с.

Базарова Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (исследование и тексты). СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.

Альбом петровского навигатора / Изд. подгот. Т. А. Базарова, Д. Н. Копелев; вступит. ст. Д. Н. Копелева, археограф. введ. Т. А. Базаровой. СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 136 с.

Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 с.

Мегорский Б. В. Осады и штурмы Северной войны 1700–1721 гг. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 544 с.

Тамгинский завод и Камчатская экспедиция: сборник документов / Ред.-сост. Н. С. Корепанов. СПб.: Изд-во «Маматов», 2018. 105 с.

Дадыкина М. М., Крайковский А. В., Лайус Ю. А. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII – начале XIX в. Исследование. Документы. СПб.: Альянс-Архео, 2017. 504 с.

Ежегодные Петровские конгрессы, организуемые по инициативе Фонда им. Д. С. Лихачева и Института Петра Великого, уже давно стали не только самым известным научным форумом, посвященным Петровской эпохе, но и крупным событием в культурной и международной жизни современной России. Достаточно сказать, что в рамках этого проекта уже издано 27 сборников и монографий, посвященных как Петровской эпохе и ее культуре, так и историческим связям России и Западной Европы в XVIII–XX веках, и проведено несколько резонансных научных мероприятий за рубежом (Х Петровский конгресс в Париже и два семинара в Вене).

А. М. Пашков, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ pashkov@ petrsu.ru

Научно-практическая конференция

«ПРОЕКТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО. РОЛЬ "ОСУДАРЕВОЙ ДОРОГИ" В ИСТОРИИ РОССИИ»

(19 сентября 2018 года, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 5, Национальная библиотека РК)

Конференция проводится с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Учредители и организаторы конференции: Министерство культуры РК, Государственный комитет РК по охране объектов культурного наследия, Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева (г. Санкт-Петербург), Институт Петра Великого (г. Санкт-Петербург), Институт истории, политических и социальных наук ПетрГУ, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Национальный музей РК, Национальная библиотека РК, Информационный туристский центр РК, Карельская региональная общественная организация по проведению научно-исследовательских экспедиций «Осударева дорога».

Цели проведения:

- изучение истории Петровской эпохи на основе современных подходов;
- изучение опыта проведения научно-исследовательских экспедиций по «Осударевой дороге»;
- формирование рекомендаций по охране, актуализации и использованию памятников истории и культуры Петровской эпохи в целях развития туризма;
- содействие развитию краеведения в регионах Северо-Западного федерального округа.

Тематика докладов:

- Деятельность Петра I на Русском Севере в историографии и краеведении;
- «Осударева дорога»: итоги и перспективы изучения и использования:
- Горнозаводская деятельность в Олонецком крае в Петровскую эпоху;
- Боевые действия в годы Северной войны на территории Карелии;
- Вклад выходцев с Русского Севера в создание Балтийского флота (Лодейнопольская верфь и пр.) и в основание Санкт-Петербурга;
- Петр I и выговские старообрядцы;
- Петр I в исторической памяти и фольклоре народов Русского Севера;
- Памятники и памятные места Петровской эпохи на Русском Севере и перспективы развития историко-культурного туризма.

В рамках конференции пройдут презентации новых книг по истории Петровской эпохи:

- «Петр І: благо или зло для России?», автор д. и. н., проф. Е. В. Анисимова (СПб);
- «Российский флот на Балтике при Петре Великом», автор д. и. н., проф. П. А. Кротов (СПб).

К участию в конференции приглашаются все заинтересованные лица и организации, занимающиеся изучением Петровской эпохи и проведением научно-исследовательских экспедиций.

По итогам планируется выпуск сборника научных статей с размещением в РИНЦ. Оргкомитет оставляет за собой право выбора статей для публикации в сборнике.

Председатель оргкомитета: Пашков Александр Михайлович, д. и. н., профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ. Контактный тел.: 8-911-401-38-38. E-mail: pashkov@petrsu.ru

CONTENTS

ARCHEOLOGY	Kurenkov G. A.
German K. E. ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF THE EARLY NEOLITHIC IN THE NORTH-EASTERN FENNOSCANDIA (THE PROBLEM OF ORIGIN)7	COMBAT OPERATIONS AND PROTECTION OF MILITARY SECRETS DURING THE SOVIET-FINNISH WAR AND AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
	Shorohova I. V.
WORLD HISTORY	PARTICIPATION OF THE ARTISTS FROM KARELIA IN THE VIII TH WORLD FESTIVAL OF
Borisova E. A.	YOUTH AND STUDENTS IN HELSINKI IN 1962 70
THE ETHIOPIAN DAM "RENAISSANCE": GEOPOLITICAL CONTEXT AND INTERNATIONAL LAW	Martysevich A. P. SOVIET-FINNISH WAR: NATURAL FEATURES AND THEIR INFLUENCE ON THE PROGRESS OF MILITARY ACTIONS IN NORTHERN PRILADOZH'E
THE KINGDOM OF CAMBODIA IN THE USSR	Petrova M. I.
AS AN ELEMENT OF THE NORODOM SIHA- NOUK'S FOREIGN POLICY STRATEGY (1953–1970) 17	DEMOGRAPHY OF THE KIRYAZH POGOST IN THE PERIOD OF THE SWEDISH CONQUEST IN THE XVI–XVII CENTURIES
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH	ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY,
Donik K. V.	ANTHROPOLOGY
THE DIARY OF PRINCE A. S. MENSHIKOV AS A HISTORICAL SOURCE	Zmeeva O. V. THE FIELD SEASON OF GEOLOGISTS AND PRACTICE OF MOBILITY: ON THE HISTORY
RUSSIAN HISTORY	OF MINERALOGICAL RESEARCH OF KHI- BINY TUNDRA
Pashkov A. M.	Minvaleev S. A.
HISTORICAL SCIENCE OF KARELIA AT THE EPOCH'S TURNING POINT: CASE STUDY OF NIKOLAI ALEXANDROVICH KORABLEV28	LUDIAN MATCHMAKING: TIME, PARTICI- PANTS, ATTRIBUTES IN LIGHT OF MAPPING 97
Sazonov D. I., Fedotov A. A.	Reviews
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1958–1988: ITS STATUS AND ACTIVITIES37	Bochkov E. A.
Solodkin Ya. G. Metropolitan Paul I of Tobolsk and	The book review: Verigin S. G. Confrontation. The fight of the Soviet counterintelligence against Finnish secretive agencies (1939–1944)
SIBERIAN CHRONICLE WRITING OF THE LATE 17 TH CENTURY45	Filimonchik S. N.
Zelenskaya Yu. N.	The book review: E. Yu. Dubrovskaya, N. A. Korablev. Karelia in the years of the First world war: 1914–1918 110
EVACUATION TRANSPORTATION AS ONE OF	Petrova M. I.
THE ACTIVITIES OF THE KIROV RAILWAY AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	The book review: Kochkurkina S. I. Archeology of medieval Karelia
Kamenev E. V., Egorov A. K.	Memory
THE WORLDVIEW FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN PROTEST OF THE FIRST HALF OF	In memory of G. T. Tyun'
THE XIX TH CENTURY	Scientific information